

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

Т.Г. БИТКОВА

**РУМЫНСКИЙ ЕВРОПЕИЗМ
И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
(современная ситуация
в историческом контексте)**

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

**МОСКВА
2020**

ББК 63.3(4)
Б 66

Серия
*«Проблемы общественной трансформации в странах
Восточной Европы и России»*

*Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем*

Отдел Европы и Америки
Сектор Восточной Европы

Ответственный редактор –
канд. филос. наук Л.Н. Шаншиева

Биткова, Т.Г.

Б 66

**Румынский европеизм и проблема национальной
идентичности (современная ситуация в историческом
контексте) : анализ. обзор / Т.Г. Биткова ; РАН. ИНИОН.
Центр науч.-информ. исслед. глобал и регион. пробл.
Отд. Европы и Америки ; отв. ред. Шаншиева Л.Н. –
Москва, 2020. – 132 с. – (Пробл. обществ. трансформации
в странах Вост. Европы и России).
ISBN 978-5-248-00947-3**

Анализируется своеобразие политической и культурной жизни Румынии в период 1990–2010-х годов в контексте проявления европеизма и традиционализма как исторической традиции. Рассматривается внутренняя политика страны через призму столкновения либерально-демократических ценностей и традиционалистских тенденций развития. Выделяются особенности внешнеполитического курса Румынии в современных условиях. Представлен обзор идеологических схем и философско-культурологических построений, тенденций в художественной культуре и историографии.

The singularity of the political and cultural life of Romania in the period 1990–2010 is analyzed in the context of the manifestation of europeanism and traditionalism as a historical tradition. The domestic policy of the country through the prism of a clash of liberal democratic values and traditionalist development trends is considered. The features of the foreign policy of Romania in modern conditions are highlighted. A review of ideological schemes and philosophical and cultural constructions, trends in artistic culture and historiography is presented.

ISBN 978-5-248-00947-3

ББК 63.3(4)
© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ

Румынская национальная идея и ее геополитическое измерение	5
--	---

2. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕВРОПЕИЗМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Формирование национальной идеи в XIX в.: Противостояние традиционализма и западничества	18
«Великая Румыния»: Национализм как преобладающий вектор политического и культурного развития.....	21
Пролетарский интернационализм – идеология коммунистического режима послевоенной Румынии	32
Режим Чаушеску: Витрина западничества и пропаганда «национального коммунизма» внутри страны	36

3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ 1990–2010-х годов

Правящая элита новой Румынии: Либерально-западническая и национал-патриотическая составляющие политической жизни	51
Особенности формирования и развития партий. Роль идеологии в политическом размежевании. Элита как замкнутая внеполитическая каста.....	51
Экономические реформы под эгидой западного капитала: За и против.....	74

Национальные культурные мифы и европеизм в новой политической парадигме	77
Роль наследия и переосмысление прошлого: Политика, культура, общественное сознание	77
Румынская история в трактовке традиционалистов и западников	86
Европейские горизонты румынской художественной культуры	91
Ориентиры внешнеполитической деятельности	97
Евро-атлантическая ориентация в контексте смены президентских команд. «Либералы» и «националисты» во время Балканского кризиса. Украинский фактор как зеркало внешнеполитических амбиций румынского руководства	97
Западный вектор внешней политики Румынии в оценках национал-патриотической оппозиции и в восприятии румынского общества	112

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социологические параметры национальной самоидентификации. Идеология и повседневная реальность	115
Список литературы	124

1. ВВЕДЕНИЕ

Румынская национальная идея и ее геополитическое измерение¹

Национальная идентичность, соотнесение ее с идентичностью европейской и шире – с контекстом глобализации стали особенно популярной темой румынского обществознания после вступления страны в Европейский союз и НАТО. Социолог В. Дынку, касаясь последствий вхождения Румынии в западный мир, отмечает признаки изменения образа жизни и ментальности под воздействием глобальных процессов, доступ которых в Румынию облегчен, в том числе и благодаря вхождению страны в евро-атлантические структуры. В результате «создаются проблемы для традиционного образа жизни и мышления», отмечает автор [Dăncu, 2018].

¹ Рассмотрение отдельных аспектов этой общей темы содержится также и в других работах автора, например:

Европеизм и румынская идентичность: Политические и культурные реальности // Европеизм и национализм в странах Восточной Европы. – М., 2014. – С. 48–65.

Внешнеполитические ориентиры Румынии: Аналит. обзор. – М., 2016. – 96 с.

Настоящее и прошлое политической элиты Румынии // Актуальные проблемы Европы. – М., 2017. – № 2. – С. 188–211.

История и политика: Вторая мировая война в памяти современного румынского общества // Актуальные проблемы Европы. – М., 2017. – № 3. – С. 188–211.

Национализм и праворадикальные организации в Румынии // Правый радикализм в Восточной Европе. – 2018. – С. 82–103.

Румыния в НАТО и Евросоюзе: Политические декларации и общественное мнение // Актуальные проблемы Европы. – М., 2019. – № 3. – С. 73–100.

Не только в Румынии, сравнительно недавнем члене ЕС, но и в европейских странах, давно пребывающих в этой организации и глубоко интегрированных в общеевропейские структуры, интеллектуалы и представители власти все чаще задаются вопросом «Кто мы?» и что же такое – национальная и европейская идентичности. Наиболее приемлемой кажется трактовка последней как совокупности политических представлений и институций. Лоном и фундаментом идентичности национальной является в первую очередь, безусловно, культура. Рассматривая разные подходы к пониманию национальной идентичности в западной науке, К. Скифирнец подчеркивает его текучесть, изменчивость, что соотносится и с представлениями румынских авторов в применении этого понятия к национальным реалиям [Schifirneț, 2009].

В Румынии на протяжении XX в. мыслители описывали местные особенности, используя разные термины: «национальная специфика» (Дж. Ибразиану), «румынская духовность» (М. Вулканеску), «румынский дух» (Н. Ионеску), «румынизм» (К. Рэдулеску-Мотру), «миоретическое пространство» (Л. Блага), «румынский феномен» (М. Раля), «православие» (Н. Крайник), «румынская душа» (К. Нойка), «румынская уравновешенность» (Д. Стэнилоае)¹. Большинство теорий такого рода возникло в межвоенный период на волне идей национального самоутверждения и особенно ярко проявилось в крайне националистических течениях. Стержнем рассуждений на эту тему всегда было соотнесение истории и культуры Западной Европы с местными особенностями. Материал же для обобщений предоставляли исторические события и факты, которые интерпретировались в зависимости от идеологических предпочтений авторов.

Как и другие страны Юго-Восточной Европы, где традиционно переплетались интересы великих держав, румынские земли на протяжении длительного времени оказывались местом их соперничества, подчеркивают современные румынские историки. Румыния предстает в их понимании страной, развитие которой было во многом обусловлено именно внешними факторами. Это заключение содержит значительную долю истины. Ощущение себя на перепутье «Востока» и «Запада» сопутствовало осознанию румынами собственной идентичности и рождению национальной идеи. Важной характеристикой ее стало, начиная с XIX столетия, обращение к западноевропейским ценностям и одновременно

¹ О взглядах Л. Блага, К. Нойки, Н. Крайника см. далее. – *Прим. авт.*

поиски собственной национальной специфики. В одном из исторических рассказов румынского писателя Александру Ивасюка говорится, что румынские княжества – это территории, где «восток перемешан с западом и где даже настойчивые турки сумели переменить лишь обветшавшие порядки».

И сегодня эта дихотомия не потеряла актуальности. Официальный дискурс румынского руководства, несмотря на смену президентских команд (Илиеску – Константинуеску – Илиеску – Бэсеску – Йоханнис), хотя и обнаруживал некоторые нюансы, но все же стабильно сохранял прозападные контуры. Ориентация на Запад, однако, не является безусловной константой румынского общественного мышления. Приверженцы западноевропейских ценностей (европеисты) не находят понимания со стороны почвенников (традиционалистов), ратующих за особый путь развития Румынии. Значительная часть общества также не готова к усвоению европеистской идеи.

Широкий спектр разных подходов к самоидентификации, крайними полюсами которого являются европеизм и традиционализм, определяет сегодня особенности румынской национальной идеи, предлагаемой обществу политиками и исторической наукой. Как и в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, она осложнена проблемой роли и влияния России в этом регионе.

Как известно, сегодняшние границы страны очерчены итогами Второй мировой войны, которые не были утешительными для политиков, ибо часть земель «Великой Румынии» межвоенного периода (а именно Бессарабия¹ и Северная Буковина²) отошла к

¹ Территория сегодняшней Республики Молдова, или Бессарабия (но без Приднестровья), с середины XIV в. была частью Молдавского княжества. Продолжая входить в его состав, в XVI в. она попадает под власть Османской империи. По Бухарестскому договору 1812 г. Бессарабия, в том числе Южная Бессарабия (Буджак), входящая сегодня в Украину, была присоединена к России. Остальная часть княжества тогда оставалась в вассальной зависимости от османов. С 1918 по 1940 г. Бессарабия была частью Румынии. В 1940 г. в результате пакта Молотова – Риббентропа она была включена в состав СССР. 1941–1944-е годы румынской оккупации, после Второй мировой войны на территории Бессарабии была образована Молдавская ССР. – *Прим. авт.*

² Сегодня Южная Буковина является частью Румынии, а Северная входит в Украину. Территория Буковины со второй половины XIV в. находилась в составе Молдавского княжества, еще ранее была в составе Киевской Руси, затем Галицкого, позже – Галицко-Волынского княжеств. В 1774 г. эти территории были присоединены к Габсбургской империи. Согласно румынским источникам, в 1774 г. румыны составляли 85,33% населения этой области, в 1910 г. – 34,1%. Как и Бес-

соседним странам. Видимо, поэтому в сознании значительной части общества присутствует убеждение в несправедливости исторической судьбы и незавершенности процесса национального самоутверждения. Отсюда – особый интерес к историческим архетипам, к древним пластам национальной культуры. Интерес этот имеет и политическую окраску: в нем присутствует желание и стремление показать и доказать единство румынского этноса и его особый путь со времен почти легендарных, причем не только в границах современной Румынии. Обращение к архаике, к временам Дакийского царства и Римской империи призвано подчеркнуть древность румынского этноса и служит идее национальной непрерывности (континуитета).

Когда воины Римской империи в 106 г. н.э. окончательно покорили Дакийское царство, занимавшее часть территории современной Румынии, начался процесс романизации дакского населения. Древние источники, правда, ничего об этом не сообщают. Но о романизации свидетельствуют латинские корни румынского языка и римские артефакты времен еще даже доримского завоевания, обнаруженные археологами на этих землях. Последнее и позволило историкам позднейших времен обосновать происхождение румынского этноса как от даков, так и от древних римлян.

Румынский язык, полагают лингвисты, сформировался из разговорного латинского языка бывшей провинции Римской империи к IX в. Языковых памятников на этот счет опять же не существует: приблизительную структуру проторумынского языка лингвисты пытаются определить при помощи сравнительно-исторического подхода с учетом анализа общих языковых законов.

Важное обстоятельство формирования румынского этноса – тесные связи со славянскими племенами в VI–X вв. и принятие от болгар в конце IX в. церковной организации христианства византийского толка, а также догматов православия. Не старорумынский, а старославянский был языком церковной службы, а затем и официальным языком образованных в XIV в. княжеств Валахия и Молдова. Он был также языком делопроизводства и вообще учености. Первым письменным памятником румынского языка считается письмо боярина Някшу (1521). Первые переводы библейских книг на румынский язык появились также лишь в XVI в.

сарабия, Буковина была занята Красной армией в 1940 г. После Второй мировой войны Северная Буковина вошла в Украинскую ССР как Черновицкая область. – *Прим. авт.*

Славянский субстрат в румынском языке, особенно на уровне повседневной речи, ощутим и сегодня, но с середины XIX в. подвижники национальной идеи обратили свои взоры на Запад, стараясь не акцентировать внимание на этом факте, хотя еще в первой половине XIX в. румынский язык использовал кириллицу, а культурная атмосфера как Валахии, так и Молдовы была интегрирована в восточно-православный ареал. «Это была культура, проникнутая православной, а не национальной идеей» [Voia, 1997, p. 19].

Православная идея, которая преобладала в XVIII в., сменяется постепенно поисками национальной самобытности. Православие же, согласно некоторым сегодняшним оценкам, способствовало отдалению Румынии от Западной Европы, ибо оно ставило эти земли в зависимость от Византии.

Княжества Молдова и Валахия – сердцевина будущей Румынии – в XVI в. попадают под власть Османской империи. Многоэтническое Трансильванское княжество, в значительной степени заселенное, в том числе, и предками сегодняшних румын, образовалось в XVI в., но также вынуждено было признать над собой сюзеренитет турецких султанов. При этом Трансильвания, как и Валахия с Молдовой, сохраняла значительно большую автономию, нежели другие территории, завоеванные османами. Тем не менее именно 300-летняя зависимость от Османской империи, как полагают румынские историки, затормозила развитие княжеств. В этом видится причина позднего образования Румынии как единого государства и ее позднего вступления на путь капиталистической модернизации, происходившей под влиянием Западной Европы.

Румынские исследователи подчеркивают близкое культурное сходство разрозненных в прошлом румынских земель, о чем свидетельствуют этнографические и языковые факторы, многие из которых относятся к еще дохристианской эпохе. Налицо и сильные внутрирегиональные контакты на еще дописьменной стадии развития культуры, отмечают румынские ученые. Только этим можно объяснить, подчеркивают они, тот факт, что языковые диалекты, фольклор, быт сельских районов сегодняшней Румынии до сих пор сохраняют древние пласты традиционной культуры, имеющей региональную специфику, но представляющей единое целое. При этом особенностью румынского языка является отсутствие резких диалектальных различий.

Все эти соображения используются политиками для обоснования исторического права румын не только на ее сегодняшние территории, но и те, которыми они владели раньше. Правда,

сегодня Румыния заселена и большими группами компактно проживающих нацменьшинств (венгров, немцев, цыган, украинцев и др.), но вместе с тем значительное количество румын и близких к ним этнических групп компактно проживает вне пределов Румынии. Последнее обстоятельство подпитывает обостренное чувство национальной неудовлетворенности и националистические настроения, имеющие в то же время свои региональные особенности.

Начиная с XIX в. подвижников национальной идеи волновал вопрос о соотношении румынских земель, близких к Балканскому полуострову, глубоко впитавшему культуру османских завоевателей, с общеевропейским культурно-историческим ареалом. Но до сих пор Румыния цивилизационно во многом остается частью Балкан. Наследием «балканского» прошлого политологи объясняют устойчивость в общественной и повседневной жизни таких негативных явлений, как коррупция, nepotизм, неформальные связи и продажность в политике, раболепство, косность, ксенофобия. Сюда же причисляют отсутствие необходимых психологических факторов, способных обеспечить высокую экономическую эффективность (таких, как дисциплина труда, рациональное использование времени, высокий ритм жизни). Но не надо, на наш взгляд, сводить эти особенности только к негативу.

Историческое наследие, привязывающее Румынию к Балканам, долгое время находившимся в зависимости от Османской империи, с одной стороны, и ценности византийской православной культуры, пришедшей от славян, с другой – определяют тот субстрат, который и сегодня отличает румынскую духовную традицию от западноевропейской.

Факт этот, однако, как правило, отвергается повседневным сознанием. Идея о том, что румыны имеют отношение к Балканам, что они какие-то «балканцы», по оценке политолога А. Мунджиу-Пиппиди, вызывает обычно негативную реакцию. Все это, безусловно, является своеобразной реакцией на образ Балкан, сформировавшийся за их пределами. Это – «европейский ад», сумеречная часть континента, которую Гавел назвал «обширной евроазиатской зоной, где демократия и рыночная экономика продвигаются вперед с большим трудом и страданием» [цит. по: Mungiu-Pippidi, Vom alunga..., 1996, p. 231]. Американский политолог Роберт Кеннан писал, что проблемы Балкан происходят даже не от длительного турецкого владычества, а являются «отголоском неевропейской цивилизации», остатки которой здесь еще сохранились [там же].

Надо думать, именно по этой причине политики, как правило, уклоняются от признания балканской принадлежности Румынии. «Европа – более интегрированная и структурированная общность, нежели мы думаем... Формула “Балканы+Румыния” не соответствует действительности. Румыния принадлежит к Центрально-Европейскому региону, но имеет интересы и чувствует ответственность за события на Балканах», – разъяснял президент Румынии Ион Илиеску [Iliescu, 2001].

Но здесь надо учитывать нюансы: когда исследователи пишут о «балканизме», они имеют в виду, прежде всего, так называемое Старое королевство: Валахию с центром в Бухаресте и примыкающие к ней на северо-востоке земли исторического региона Молдова с центром в Яссах.

Трансильвания несколько отличается от Старого королевства своей культурно-исторической традицией. Как известно, она вошла в Румынию только после Первой мировой войны в результате распада Австро-Венгрии. Венгрия лишилась Трансильвании по Трианонскому договору 1920 г. Хотя румыно-говорящее население (оно, по румынским оценкам, составляло чуть больше половины всех жителей) обитало здесь издавна, но в основном это были крестьяне. Господствующий класс составляли почти исключительно венгры. Достаточно большой общностью в прошлом были этнические немцы («саксы»): ремесленники, торговцы, главным образом – городские жители.

В соотношении с румынами венгров после 1918 г. становилось все меньше: происходил процесс массового переселения румын из Старого королевства, определенная же часть венгров покидала Трансильванию. Такая миграция продолжалась и в социалистический период. В результате существенно изменилась структура трансильванских городов, ибо румынские переселенцы в основном были сельскими жителями и несли с собой традиционную сельскую культуру. Однако венгерское население, несмотря на все перипетии, и сегодня является значительной группой в этнической структуре региона: около 20% ее населения, что составляет примерно 1,5 млн человек.

Количество этнических немцев на протяжении XX в. сократилось на две трети, но все же не все они покинули этот край. Многие из них сегодня получают финансовую поддержку для ведения бизнеса из Германии, проявляющей интерес к своим соплеменникам. Нынешний румынский президент Клаус Йоханнис – трансильванский немец.

После Второй мировой войны Трансильвания административно конституировалась как Венгерская автономная область (1952–1960). Но, опасаясь венгерского ирредентизма, Бухарест ликвидировал эту административную единицу. Сегодняшняя Конституция, принятая в 1991 г., и ее новый текст с поправками 2003 г. определяют Румынию как «национальное государство»: центральные власти продолжают твердо проводить линию на единое централизованное государство.

Тем не менее румынская конституция предусматривает отдельное представительство национальных меньшинств в парламенте. Венгерская же общность имеет после 1989 г. развитую и хорошо организованную политическую структуру. Национальная партия – Демократический союз венгров Румынии – постоянно проходит в парламент, легко преодолевая 5%-ный барьер. В 2000-е годы были образованы и другие, более радикальные, венгерские политические формирования.

Несмотря на процесс культурно-этнического размывания, Трансильвания продолжает отличаться собственной исторической традицией и элементами культуры. Этот факт признают и румыны. «Даже самые ярые националисты, будь то “трансильванцы” или “старорумыны”, – писал С. Миту (один из румынских историков-антитрадиционалистов, которые, однако, не составляют большинства) – противопоставляют серьезность и любовь к порядку ардяльцев¹ балканской поверхностности Бухареста» [Mitu, 1999, p. 70].

Опираясь на эти культурные реалии, венгерские политические лидеры продвигают идею федеративного устройства Румынии, а следовательно, предоставления Трансильвании административной автономии. Однако в румынском национальном сознании понятия автономии, децентрализации и федерализма вызывают гарантированную реакцию отторжения. Создание автономии Трансильвании мирным путем весьма проблематично. Мало того, именно трансильванские города Клуж-Напока и Тыргу Муреш после 1989 г. стали бастионами румынского национализма.

Румынская политическая элита на протяжении XX в. делала все возможное, чтобы стереть различия между Старым королевством и Трансильванией не только в плане социально-экономическом, но и на уровне сознания. В этом ей помогала историческая

¹ Ардял – венгерский топоним Трансильвании, принятый также и румынами. – *Прим. авт.*

наука. Румынская историография в XX в. создала воображаемую «Румынию», которая спускается в глубь веков и следы которой могут быть обнаружены на любом шагу. «Одетая» таким образом, румынская история «закономерно» развивается в сторону объединения всех румынских территорий [Mitu, 1999, p. 70].

Распространенная в румынской историографии трактовка Трансильвании как сердца румынской цивилизации игнорирует местные многоэтнические особенности провинции. Правда, все это, по сути, не отличается от позиции венгров, которые строят аналогичные схемы, но в свою пользу. Не существует в сознании жителей этой территории одной-единственной Трансильвании¹. В этом контексте понятно, почему румынские политологи критиковали теорию Хантингтона: ведь, согласно ей, граница западной цивилизации делит сегодняшнюю Румынию на две части.

Регионально-этническая разнородность страны придает румынской национальной идее дополнительный политический контекст из-за сложности решения проблем межнационального проживания, но в первую очередь из-за хронической неудовлетворенности Венгрии в связи с потерей Трансильвании, хотя на межгосударственном уровне обе стороны постоянно делают усилия для урегулирования своих взаимоотношений.

Нерешенной в глазах представителей как либеральных, так и националистически ориентированных кругов остается и проблема независимого статуса Республики Молдова, преобладающую часть населения которой составляют этнически близкие румынам молдаване. Если в либерально-демократической печати вопросы «зарубежных румын» (речь идет в первую очередь о молдаванах) трактуются в достаточно сдержанной форме, то право-экстремистская националистическая пресса не стесняется в выражениях, правда, делается это часто посредством писем читателей и «независимых наблюдателей», в том числе из-за рубежа.

В Румынии молдаван считают румынским этносом. Внутри самой Молдавии на этот счет нет единодушия. Литературный язык молдаван практически не отличается от румынского, но различия все же есть. Кроме этого историческая память о средневековом Молдавском княжестве заставляет напоминать, что «Румыния»

¹ Хотя речь идет об одной территории, румыны понимают под ней не то, что венгры под «Erdely» (Ардял) или саксы под «Siebenburgen», что в переводе означает «Семиградье» (по семи замкам, построенным саксами для охраны этих земель от набегов неприятелей). – *Прим. авт.*

образовалась позже. По этой причине нельзя считать «молдавский язык» вариантом румынской литературной нормы Бухареста. «Языковой вопрос», таким образом, трансформируется в политический. Есть в Молдавии и «унионисты», на которых, собственно, и ориентируется Бухарест, выражающий беспокойство по поводу продолжающейся экономической зависимости соседней республики от России, а также присутствия в Приднестровье контингента российской армии. К тому же на территории Молдавии проживает большое число русскоговорящего населения¹, влияющего, по мнению румынских аналитиков, на внутривнутриполитическую ситуацию в стране.

Поскольку Бессарабия была когда-то частью единого Молдавского княжества, а с 1918 по 1940 г. входила в Румынию, то определенная часть общества по обеим сторонам реки Прут надеется все же на объединение, пусть и нескорое. Вступление же Румынии в Евросоюз осложнило эту задачу, в частности породило новые проблемы в связи с прозрачностью румыно-молдавской границы и наличием у значительной части молдаван румынских паспортов.

Привлекательность Румынии в глазах молдаван, судя по всему, все же весьма относительна. Пока молдаване не получили права на безвизовый въезд в страны ЕС, румынский паспорт давал им такую возможность. Но визовый режим между Молдавией и государствами Шенгенской зоны, за исключением Великобритании и Ирландии, был отменен 28 апреля 2015 г. Поэтому получение румынского паспорта для свободы передвижения потеряло для многих свою актуальность. Граница с Молдавией при этом остается по-прежнему достаточно прозрачной, а на Западе не хотят новых проблем на приграничных территориях ЕС и НАТО. Поэтому расширение «румынской цивилизации» за счет Бессарабии, хотя и можно считать частью сегодняшней национальной идеи, но не более того.

Официально главным направлением внешнеполитической деятельности Румынии считается вовсе не расширение «румынской цивилизации», а евро-атлантическая ориентация, основным же вектором ее духовного развития, наряду с сохранением национальной идентичности, признается усвоение западноевропейских

¹ Согласно опросу, проводившемуся в рамках Евро-азиатского мониторинга, который финансировали и российские фонды, 68% населения Молдавии свободно говорит, читает и пишет на русском языке [Doar un 1% din cetățenii..., 2011].

ценностей. Но в 1990-е годы многие, в том числе и прозападно настроенные, аналитики внутри страны, весьма скептически оценивали возможность Румынии полноценно «войти в Европу», имея в виду ее «балканскую» составляющую. Даже понятие «Центральная Европа», отмечал С. Антохи, остается, как и при Чаушеску, атрибутом внешней географии Румынии [Antoхи, 1998, р. 293]. Это новое исключение из Центральной Европы определилось еще в 1980-е годы, когда культурная и политическая элита Чехословакии, Польши и Венгрии стала создавать миф о новой духовной Центральной Европе, наследницы того, что «было, возможно, самой яркой парадигмой науки, литературы, искусства Европы после эпохи Просвещения, а именно, Вены конца XIX – начала XX в. Эта возрожденная Центральная Европа, блестящая и изысканная, к тому же могла быть и героической, ибо могла бороться за свое существование с СССР, защищая Запад от возможности столкновения с большевизмом» [там же].

В 1990 г. Венгрия, Польша и Чехия, создав Вышеградский клуб, заявили, что их символическая география – Европа Центральная, не Восточная. Желание Румынии войти в этот клуб так и не получило поддержки.

Цивилизационный смысл понятия «Центральная Европа» опирается на объективные ценности: культурно-исторические традиции, стиль жизни, особенности городского облика, коллективную память. Их следы обнаруживаются и на территории Румынии, но, прежде всего, в Трансильвании, история которой более связана с европейскими традициями, в других же частях Румынии они весьма слабы.

Столкнувшись с двойным символическим исключением из Европы, румыны, по мнению С. Антохи, должны были бы приспособиться к своему реальному геокультурному состоянию, отказавшись от фантома озападнивания и химеры автохтонности, включив их в более удачную формулу, которую можно было бы назвать «третий дискурс» [Antoхи, 1998, р. 298]. Этот «третий дискурс» мог бы быть компромиссом между реальностью и вымыслом, историей и утопией, разрешить двойственность в самоидентификации румынской интеллигенции, одновременно включенной в местные реалии и универсальные ценности. Но этого не произошло.

Идею центральноевропейской цивилизации традиционалисты поддерживали, но исходили при этом из уничижительных оценок Западной Европы. «Сегодня западная цивилизация, величествен-

ная в своих свершениях, потеряла историческую волю... Европейский союз... – это уже апатичное, кастрированное общество потребления, в котором процветает экономика, но не осталось места для чувства ответственности и экономического риска» [Enescu, 1996, p. 266]. После распада СССР, полагал Р. Энеску, конфедерация независимых и суверенных государств на разросшемся скелете Австро-Венгерской империи превратилась в политико-историческую необходимость. «Мы достаточно жили с мифом о Западной Европе, которая, накрытая американским зонтиком, оставалась для нас лишь желанием» [там же].

Создавая утопический проект дунайской конфедерации и базируясь на культурно-историческом наследии Габсбургской империи, Р. Энеску совершенно не касается местных особенностей Румынии и как будто забывает, что не Габсбурги владели большей частью сегодняшних румынских земель.

Тезис же о ключевом геостратегическом положении Румынии, весьма распространенный в сегодняшней политологической литературе является, по мнению Антохи, светским вариантом мифологического представления об особом предназначении румын [Antohi, 1998, p. 303].

Румыния, без сомнения, несет на себе печать «балканизма», но нельзя отнести ее культурно-историческую традицию только к Балканам, хотя и центральноевропейский проект вряд ли для нее. Эту дилемму попытался разрешить Р. Попа, предлагая свой «третий дискурс». Он полагал, что сведение Центральной Европы к культурному наследию Габсбургской империи ограничивает исторические реалии этого региона. В последние десятилетия память о Второй мировой войне мешала говорить о той важной цивилизационной роли, которую на протяжении веков играла немецкая колонизация, расширявшая границы Центральной Европы на восток. Тем не менее эта колонизация означала действительное включение обширных территорий в единый центральноевропейский ареал с элементами высокой материальной и духовной культуры. Ее исторические следы автор обнаруживает не только на территории Румынии, но и в Молдавии. Правда, за годы социализма румынами было много сделано, чтобы исключить себя из этого контекста, полагает Р. Попа. После 1989 г. потере Румынией «центральноевропейского» статуса способствует националистическая риторика. «Она исключает нас даже из Балкан... и ставит в непосредственную близость к “другу” Садаму Хуссейну» [Pora, 1996, p. 242].

Своего восточного соседа – Россию, будь то Российская империя, СССР или современная Российская Федерация, как традиционалистски, так и европеистски настроенное общество воспринимает зачастую болезненно, имея непростой опыт близкого соседства с этой огромной страной. В румынском сознании живо присутствует факт насильственного присоединения Северной Буковины и Бессарабии к СССР в 1940 г., превращении Бессарабии в Молдавскую ССР, а Северной Буковины – в Черновицкую область Украины после Второй мировой войны. Продолжающееся присутствие контингента российской армии в самопровозглашенной Приднестровской республике, которая законодательно составляет часть Республики Молдова, усиливает националистический дискурс. Эти проблемы тревожат и западников, которые при этом предпочитают просто менее агрессивную риторику.

Однако при всем отличии и в западничестве, и в традиционализме есть общий подтекст: это некие культурные комплексы, которые удачно сформулировал критик А. Марину. Первый – это навязчивый комплекс «Европы», в основе которого убеждение в незначительности, провинциальности румынской культуры, ее маргинальности. Ему противостоит мания величия, утверждение первостепенности румынских национальных ценностей. Это мнение, как правило, выражено очень агрессивно. Пример тому – работа Д. Замфиреску 1996 г. «Румынская культура – великая культура всемирного значения» [Zamfirescu, 1996]. А. Марину, объединяя эти противоположные полюсы в единый комплекс неполноценности-величия, утверждает, что он «совершенно очевидно преобладает во всей нашей культуре» [Marino, 1996, с. 343].

Трактовка перечисленных исторических обстоятельств и теоретические послы румынских авторов выходят, что совершенно очевидно, за рамки научных гипотез и оказываются акторами сегодняшней геополитики. Понимание их формирует современную национальную идею, влияя на общественное мнение, для которого европеизм и национальная специфика приобретают значение вех дальнейшего развития нации. Однако, чтобы ощутить особенности этого дуализма на румынской почве, нельзя, хотя бы коротко, не коснуться истоков и истории феномена противостояния западничества и традиционализма.

2. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕВРОПЕИЗМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Формирование национальной идеи в XIX в.: Противостояние традиционализма и западничества

Первую половину XIX в. обычно называют периодом формирования румынского национального самосознания. Этот процесс проходил в условиях, когда княжества Валахия и Молдова были вассалами Османской империи, а в 1829–1855 гг. находились под протекторатом России.

Со стратегической целью ослабления как турецкого, так и российского влияния на Балканах ведущие европейские державы приняли в 1858 г. «Статус развития Парижской конвенции». Именно на основе этого документа годом позже произошло объединение княжеств Валахия и Молдова. С 1862 г. объединенное государство стало называться Румынией. При этом восточная часть княжества Молдова (Бессарабия), как уже отмечалось, продолжала оставаться в составе Российской империи. Значительная часть этнических румын проживала в Трансильвании и Буковине, входивших тогда в Австро-Венгрию.

Внутри образованного сообщества на территориях, заселенных румынами, постепенно вызревали идеи общерумынской общности и освобождения от внешних покровителей. Первые признаки этого относятся к периоду, последовавшему за Великой французской революцией, и далее вписываются в политическое и культурное течение 1848 г. пашоптизм (цифра «48» в разговорной речи произносится как «пай ши опт»). В 1848 г. в княжествах произошли революционные события, которые находились в русле европейских социальных революций 1848–1849 гг., но имели и национально-освободительную окраску.

Процесс формирования национальной идеи в XIX в. сопровождался европеизацией. В представлении культурной элиты «русский уже не воспринимается как старший брат по православной вере и освободитель от османского ига. Религиозная идентичность рассматривается, напротив, как дополнительная опасность поглощения и ассимиляции Румынии... Национализму славянских народов и панславизму противопоставляется национализм румынский» [Voia L., 1997, p. 19–20].

Кириллица постепенно вытесняется латинским алфавитом в период 1830–1860-х годов. Уже отказ от кириллицы и традици-

онной одежды в дворянской среде означал приближение к Западу и отдаление от Востока. Это проявлялось также и в жизненном укладе, быту и даже моде верхних слоев общества. Но налет «восточности» неизбежно присутствовал. Сотрудник французской военной миссии в Бухаресте Ж.Ле Клер писал, в частности: «Хотя парижские моды копируются рабски, наблюдается более богатства и показухи, нежели вкуса в выборе тканей и причесок» [Мадиевский, 1996, с. 42].

Европейские ценности проникали в румынскую жизнь и благодаря людям, получавшим образование на Западе. Типичного румынского чиновника описывает Владимир Короленко: «Либерал, европеец не только по внешности, он, как большинство состоятельных румын, получил высшее образование в Париже. В молодости, тоже как все румыны, писал стихи, был немного публицистом, немного критиком и отдал свою дань увлечению социализмом» [Короленко].

Однако как в экономике, так и политике импульс к глубоким преобразованиям наталкивался на инерцию традиционализма: натуральное сельское хозяйство, авторитарную систему правления, отсутствие элементов демократии в обществе, закостенелое мышление. Что касается культурных реалий, западная модернизация вызвала среди прочего кризис идентичности местных элит.

Хотя в 1860–1870 гг. молодое румынское государство воспринимает почти все из европейской институциональной законодательной и государственной системы, но реформы носят во многом формальный и поверхностный характер, представляя собой, по определению виднейшего деятеля культуры того времени Титу Майореску¹, «форму без содержания». «Румыния – страна противоречий и неожиданностей. Наряду со свободнейшей конституцией деревенская масса – темная и забитая, от которой, как от ледяной глыбы, веет на всю страну темнотой и бесправием. Это дает простор для ярких контрастов свободы и произвола...», – писал В. Короленко [Короленко].

В этих условиях во второй половине XIX в. в культурной и общественно-политической среде возникает противостояние между европеизмом и традиционализмом.

¹ Титу Майореску (1840–1917) – один из основателей Румынской академии, политик и писатель. Был руководителем литературного кружка «Жуния» (Молодежь), сыгравшего важную роль в становлении и развитии румынской литературы. – *Прим. авт.*

Город как оплот западной индустриализации и банковских капиталов оставался в глазах многих образованных людей объектом чужеродным, к тому же городская среда и формировалась преимущественно из «чужеродцев» и была, следовательно, космополитична. Различие между селом и городом начинает восприниматься как противоречие между этнической и культурной «чистотой» крестьянина, «коренного» боярина и космополитизмом румынской буржуазии, в которой существенные позиции к тому же занимали выходцы из еврейской среды [Мадиевский, 1996].

Противостояние двух мироощущений ярко отражает литература, где налицо все признаки влияния художественных течений Западной Европы того времени. Литература пашоптизма несет печать нового для румынской словесности романтизма; можно также наблюдать смешение стилей и течений, порой даже в творчестве одного и того же автора. Романтизм, классицизм, зарождающийся реализм присутствуют одновременно и создают пеструю картину литературного творчества. В то же время идеализация села и патриархального прошлого – любимая тема таких традиционалистских течений, как попоранизм¹ и сэмэнэторизм².

Усвоение западноевропейских ценностей проходило не безболезненно. С начала эпохи модернизации очевидной характеристикой самоидентификации румын (сначала это были румыны Трансильвании) является тенденция представлять себя в конкуренции, в сравнении. Их самоидентификация – это в первую очередь реплика на враждебное восприятие себя со стороны других.

Менторы национального движения с самого начала концентрировали свой дискурс идентичности на отношении к «чужаку»,

¹ Попоранизм (от румынского «*poroc*» – народ) – идейное течение в Румынии конца XIX – начала XX в., близкое к русскому либеральному народничеству. Оказало заметное влияние и на художественную жизнь. Его отличительной чертой была острая критика социальной несправедливости. – *Прим авт.*

² Сэмэнэторизм – литературное течение, получившее название от журнала «*Sămănătorul*» («Сеятель», 1902–1910). Идеологом был историк Н. Йорга, видевший в крестьянстве основу нации. «В крестьянской стране несомненно огромный резонанс вызвала мифологизация сельской жизни, не просто идеализация патриархального быта, а поиски высшего смысла в единении с природой, в крестьянском простом труде, ностальгическое воспоминание о славных подвигах гайдучества, стремление выявить национальную, глубокую, определяющую румынскую культуру сущность» [Фейгина, 2000]. Интерес к фольклору, историческому прошлому народа, критика некоторых сторон новых, капиталистических отношений привлекли в журнал многих писателей. – *Прим. авт.*

«другому». Именно он стал нести ответственность за неприятности и воспринимался как источник бед. Эмиль Чоран (1911–1995), видный французский философ румынского происхождения, писал образно и, может быть, не без преувеличения в 30-е годы XX в.: «Будучи румыном, очень трудно быть объективным к народам, которые тебя окружают. Почти все над нами господствовали, сами виноваты, ведь этому невозможно придумать никакого оправдания. Отсюда непонимание и нелюбовь к другим. Сколько черт венгерского духа меня воодушевляет, но я не способен хоть немного приблизиться к венгерскому народу, его истории. Несколько лет назад на будапештской улице мне повстречался сержант, и я задрожал – ведь его сабля тысячу лет простиралась над Ардялом, и я понял в этом грустном случае, почему мы, румыны, не имели в этом мире никакого призвания» [Cioran, 1990, p. 197].

В исторической памяти, разъяснял Чоран, постоянно присутствовало состояние подспудного страха и готовности к отпору во враждебном окружении, имелась ли в виду Австро-Венгрия, Россия или Османская империя. А если это так, национальная идея приобретала особую остроту, а порой и причудливость, что явственно отразится в концепциях теоретиков националистических движений межвоенного периода.

«Великая Румыния»: Национализм как преобладающий вектор политического и культурного развития

Многое из того, что волнует сегодняшнее румынское общество, в том числе настойчивый поиск своих корней, с одной стороны, и постоянное соотнесение себя с «европейской цивилизацией» – с другой, является нитью, связывающей день сегодняшний с периодом между двумя мировыми войнами, который сегодня ностальгически принято называть «Великой Румынией». Без сомнения, это была очень яркая, но при этом драматичная и даже трагичная страница национальной истории. Это было время талантов и страстей. Много выдающихся личностей заявили о себе как в политике, так и в культуре в то непростое время. Одни из них были яростными защитниками традиционализма, почвенничества, другие были приверженцами западной цивилизации. Тенденции эти не только противостояли друг другу, но и переплетались. Все это происходило к тому же в условиях и на фоне ярко выраженных

социальных контрастов, хотя были все признаки того, что страна серьезно встала на путь капиталистической модернизации.

Впервые образовавшееся обширное румынское государство («Великая Румыния») включило в себя много достаточно сложных, разнородных территорий. Кроме Валахии и Молдовы – сердца Старого королевства – под управлением Бухареста оказались Трансильвания и Северная Буковина, прежде входившие в Австро-Венгрию, а также Бессарабия (восточная часть Молдовы), с 1812 г. находившаяся в составе Российской империи. Важнейшими задачами властей стали, с одной стороны, упрочение национального единства, а с другой – модернизация страны (т.е. европеизация). Эту двойственность отразили и государственная политика, и общественное сознание. Она, думается, и погубила «Великую Румынию».

С момента ее возникновения среди румынских интеллектуалов возникла полемика относительно направлений развития страны. Как отмечается в труде румынских исследователей «История Румынии», переведенном на русский язык, обозначилось несколько групп, среди которых «наиболее заметными были сторонники европейской ориентации (неолиберализм), традиционалисты (национализм), цэрэнисты (сторонники¹ крестьянства) и даже марксисты. Единогласным было мнение, что в Румынии все более заметно проявлялось сходство с Западной Европой, однако единства по поводу пути дальнейшего развития и обновления страны достигнуто не было» [История Румынии..., 2005, с. 198].

Традиционалисты выступали против западного влияния, полагая, что для сельскохозяйственной Румынии более приемлема особая модель развития: она должна основываться на местных традициях, а именно на традициях деревенской среды. Сторонники европейской ориентации настаивали на том, что страна в своей социальной и экономической жизни должна следовать за промышленно развитыми странами Запада. Самыми известными представителями этого течения в культуре и общественном сознании были Еуджен Ловинеску² (литературный критик) и Штефан Зелетин³ (экономист и социолог).

¹ Так в оригинале. – *Прим. авт.*

² Эужен Ловинеску (1881–1943) – крупнейший критик, литературовед, социолог культуры, драматург.

³ Штефан Зелетин (1882–1934) – известный философ, экономист и социолог, профессор Ясского университета.

Считая, что ведущая роль в развитии Румынии должна принадлежать местной буржуазии, экономисты-западники выдвинули теорию протекционизма, которая была сформулирована в лозунге «собственными силами» [История Румынии..., 2005, с. 198]. Штефан Зелетин, описывая состояние умов своего времени, писал о «восстании средневековья в наших душах против буржуазного общества, навязанного вторжением чужеземного капитала в нашу патриархальную жизнь» [цит. по: Voia L., 1997, p. 17].

Вся духовная жизнь страны находилась под знаком борьбы «средневековья» и европейской модернизации в широком смысле этих слов. При этом художественная культура оказалась ареной страстных боев, имевших смысл общенациональный. Так, значение деятельности критика Эужена Ловинеску выходило далеко за рамки литературы. Его кампания за отражение тем городской среды, глубоких психологических переживаний современного человека воспринималась всеми традиционалистами как нечто чуждое и невозможное для общества. К тому же Ловинеску настаивал на новых способах отражения реальности, что предполагало неизбежное подражание западноевропейской литературе.

Исходя из «теории имитации» французского психолога Г. Тарда, он создал «теорию синхронизации» румынской литературы с западной, что выходило за рамки чистой литературы. Как позже отмечали исследователи, Ловинеску и возглавляемый им журнал «Збурэторул» (Летающее существо, дух)¹ сыграли важную роль в борьбе с поверхностным идеализмом сельских тем, слащавым традиционализмом эпигонов сэмэнэторизма, расширяя, как отмечал О. Крохмэлничану, горизонты румынского сознания [Crohmlăniceanu, 1972; Crohmălniceanu, 1974].

Группировавшийся вокруг журнала кружок собрал литераторов, вдохновлявшихся идеями Ловинеску. Цивилизационные идеи, противоположные кругу интеллектуалов журнала «Збурэторул», выражал журнал «Гындирия» (Мысль, 1921–1944). Вместе с тем, как и «Збурэторул» журнал «Гындирия» провозглашал поиски новых путей в искусстве. «Последний критиковал румынское почвенничество (журнал «Сэмэнэторул») за примитивный

¹ В румынской народной мифологии Збурэторул – летающее фантастическое существо, символ неразделенной любви. В романтической литературе Збурэторул представлялся олицетворением сильной любви. Когда-то он был юношей, которого отвергла любимая. Теперь, превратившись в дух, он преследует и оскорбляет женщин. – *Прим. авт.*

этнографизм выражения национальной специфики» [Биткова Т., Фейгина Е., 2008, с. 491].

По признанию исследователей этого периода, журнал «Гындирия» стал наиболее популярным местом притяжения талантливой молодежи и определил духовную атмосферу того времени, которая, однако, все более проникалась националистическими идеями. В 1930-е годы именно в этом журнале сформировалось общественно-политическое и философское течение гындиризм, ставшее важным идейным источником доктрины легионаризма – крайне националистического политического движения. Гындиризм в завершающей фазе своего развития стал ярким выражением мистического иррационализма и воинствующего национализма, особенно в воззрениях своего руководителя Никифора Крайника¹.

Из гындиризма в 1930-е годы вышли многие крупные деятели культуры, а часть из них посвятила свой талант воспеванию этнически чистого тоталитарного государства, призыву к священной войне в духе легионерской идеологии².

Среди художников, тесно связавших свою творческую судьбу с журналом «Гындирия», следует выделить неоднозначную фигуру Лучиана Благы, поэта, драматурга и философа (1895–1961). Он был одним из основателей журнала и отразил в своем творчестве как национально-фольклорную ориентацию, так и модернистские поиски румынского искусства того времени. Творчество Благы неотделимо от экспрессионизма, идеи которого в журнале «Гындирия» «получили особый резонанс» [Фейгина Е., с. 76]. «Блага видел в экспрессионизме выражение глубоких общекультурных принципов» [там же].

Философские идеи Благы оформились в концепции бессознательного «румынского априоризма», нашедшего, как считал Блага, наиболее яркое выражение в знаменитой народной балладе «Миорица»³, некой области «миоритического пространства», в

¹ Никифор Крайник (1889–1972) – богослов, писатель, поэт, журналист, политик, редактор, философ и крупный правый идеолог. В 1940 г. был избран членом Румынской академии, в 1945 г. лишен членства, а в 1994 г. признан членом академии посмертно. Поддерживал «королевскую диктатуру», затем был ее противником. Во время диктатуры Антонеску был генеральным секретарем в Министерстве по делам религий при правительстве легионеров и министром пропаганды. – *Прим. авт.*

² О легионерской идеологии см. далее.

³ Существует много версий баллады. Ее содержание сводится к следующему: «Вещая овечка Миорица предупреждает “своего” пастуха, что его сгово-

пределах которой создавались и будут создаваться творения румынской духовности. Философско-культурологическое наследие Блага, по сути, синтезировало традиционалистский пафос с некоторыми идеями западноевропейской философской мысли (Шпенглера и Ницше), что было близко как национал-патриотам, так и европеистам.

В отличие от Никифора Крайника Лучиан Блага предложил (так трактуется этот вопрос в труде румынских исследователей «История Румынии»), «более современный подход к вопросу о национальной специфике и путях развития Румынии. Подобно всем “гындиристам” Блага подверг критике современное ему общество со свойственной тому тенденцией к урбанизации. Именно деревенский мир, как он считал, может служить единственным утешением. Блага восхищался немецкой культурой, которая, как он считал, побуждала к опоре на собственные силы, хотя и была лишена того динамичного влияния, каким обладала французская культура. Последней он отводил роль модельера, ибо она добивалась приспособления чужой культуры к собственным нуждам» [История Румынии..., с. 199]. Взаимоотношения Блага с журналом «Гындирия», однако, были весьма непростыми. Об этом, в частности, писал М.В. Фридман. Когда в 1930-е годы в журнале возобладала правонационалистическая ориентация, Блага отошел от сотрудничества с ним [Фридман, 1989, с. 263–264].

В 1930-е годы все больше набирали популярность праворадикальные идеи и националистические организации. Главным выразителем и двигателем не просто традиционалистских, но крайне националистических идей и политического экстремизма стало движение легионеров, начало которому положил кружок «Легион архангела Михаила». Его бессменным лидером вплоть до своей гибели в 1938 г. был Корнелиу Зеля Кодряну. В 1930 г. по его инициативе было создано военизированное крыло движения «Железная гвардия». Так со временем стали называть и все движение.

Идеология легионерства использовала идеи, получившие обоснование и развитие в трудах многих интеллектуалов тради-

рились убить другие чабаны». Пастух, вместо того чтобы спрятаться или защитить себя, воспринимает известие как неизбежность и лишь доверяет овечке свои последние желания. Он просит похоронить его вблизи любимого стада, а матери передать, что он не умер, а женился». Гацак В. Тайны народного эпоса // Румынская народная поэзия. – М., 1987. – Режим доступа: <http://tihomir-vg.narod.ru/roman/romanall.htm> (Дата обращения – 20.02.2019.) – *Прим. авт.*

ционалистской направленности. Среди них нельзя не упомянуть Нае Ионеску¹, которого называют одной из наиболее харизматических фигур того времени. Как и Никифор Крайник, Нае Ионеску видел будущее развитие страны на особых социальных и экономических принципах государственности, а также на православии. Будучи крайне правым идеологом, он к тому же проповедовал антисемитизм. Доктрина Нае Ионеску не просто послужила идеологии легионерства. Профессор сам был популярным лектором и талантливым пропагандистом движения, имел учеников, многие из которых вступили в «Железную гвардию».

Считая себя истинными поборниками православия и антикоммунистами, легионеры провозгласили борьбу с социальной несправедливостью и коррупцией правящих элит. Обширная социальная благотворительность легионеров сочеталась с организацией покушений на жизнь видных, но неугодных им политических деятелей. Террор для легионеров был составной частью борьбы за социальную справедливость.

Важнейшим направлением «практической деятельности» легионеров стала борьба с «инородцами», которые, по представлениям Кодряну, являлись главными угнетателями коренного населения. Возбуждение ненависти румын к иным национальностям выливалась в еврейские погромы. Антисемитские призывы, сконцентрированные в книге Кодряну «Моим легионерам», были крайне радикальными, к тому же в них присутствовали элементы расовой теории его германских «коллег».

«Конечной целью *Легиона* было создание православного румынского государства, сущностью и целью которого станет примирение румынского народа с Богом... Для Кодряну румынская национальная идея была неотделима от православия. Он заметил в разговоре с традиционалистом и консервативным революционером Юлиусом Эволой, что поскольку православию чужд дуализм веры и политики, оно дает движению необходимые этические и духовные принципы» [Железная гвардия...].

Развивая активную политическую деятельность и опираясь на страстную и талантливую пропаганду, легионеры получали все большую поддержку не только со стороны «простых людей», но и образованных слоев общества (в первую очередь студенчества). Во второй половине 1930-х годов под их влиянием оказалась зна-

¹ Нае Ионеску (1890–1940) – философ, журналист, политик, педагог. – *Прим. авт.*

чительная часть интеллектуальной элиты, в том числе группировавшаяся вокруг журнала «Гындирия». Среди деятелей культуры, поддерживавших идеологию «Железной гвардии» выделялись такие крупные фигуры общеевропейского масштаба, как философ и историк религии Мирча Элиаде (1907–1986)¹, уже упомянутый здесь философ и эссеист Эмиль Чоран.

Легионерская проповедь православия не оставила равнодушным к этому движению и клир, который вступал в движение массово, полагая, что должен быть, как и тот «миллион румын, к тому времени примкнувших – по естественному патриотизму и благородству христианского чувства – к Легионерскому движению» [Монах Филофей...]. Последняя цитата – из статьи о судьбе одного из членов этой организации отца Иустине², которую в переводе с румынского поместил сайт pravoslavie.ru.

Ввиду своего политического экстремизма легионерское движение время от времени запрещалось официальными властями, но возрождалось под другими названиями. 20 декабря 1937 г. на парламентских выборах легионерская партия «Все для отечества» сумела получить около 16% голосов, заняв третье место среди партий, участвовавших в избирательной кампании. Это чрезвычайно обеспокоило королевскую администрацию.

Черными днями для легионеров стала «королевская диктатура» (1938–1940), когда были упразднены почти все атрибуты демократии. Одновременно власти предприняли репрессивные действия в отношении легионеров. Многие из них были не только арестованы, но и уничтожены без суда и следствия, в том числе руководитель и вдохновитель движения Корнелиу Зеля Кодрану. Среди репрессированных представителей интеллектуальной элиты, поддерживавших идеи легионерства, оказался и идеолог движения профессор Нае Ионеску. Позже заключение было заменено домашним арестом. Но в марте 1940 г. он был отравлен: полицей-

¹ В статье Википедии Мирча Элиаде обозначен как румынский, французский и американский философ. Всемирную известность он получил как исследователь мифологии, религиозных ритуалов, магии. Он – автор более 30 научных, литературных и философских трудов, переведенных на 18 языков мира. Одной из последних работ Элиаде была трехтомная «История религиозных идей». – *Прим. авт.*

² В 1942–1944 гг. отец Иустин находился как священник-миссионер на Восточном фронте, затем вернулся на родину вместе с отступающей румынской армией. Позже был репрессирован, как и многие члены «Железной гвардии». – *Прим. авт.*

скому, который держал его под стражей, было поручено подменить лекарство арестованного на яд.

Более благосклонно отнеслась судьба к Мирче Элиаде, бывшему тогда ассистентом Нае Ионеску. В 1937–1938 гг. Элиаде опубликовал ряд статей в поддержку «Железной гвардии». В начале августа 1938 г. он, как и многие единомышленники, был заключен в концентрационный лагерь, но к этому времени Элиаде уже был фигурой слишком известной в Румынии и имел влиятельных покровителей. В ноябре 1938 г. он был освобожден и отправлен в качестве атташе по культуре в Лондон. На родину он больше не возвратился.

К сентябрю 1940 г. антиправительственные манифестации охватили многие румынские города. В первую очередь они были направлены против короля, который допустил потерю Бессарабии и Северной Буковины¹. Не представляя как справиться с массовыми протестами, Кароль II обращается к генералу Иону Антонеску, который имел безупречную репутацию как кадровый военный и к тому же не состоял ни в одной политической партии². Ему предлагается пост премьер-министра и поручается сформировать «правительство национального согласия». Не видя лучшего выхода для успокоения общественного мнения, Антонеску вскоре требует от короля немедленного отречения в пользу 19-летнего сына Михая, который ввиду возраста должен был играть роль декоративную. Кароль II вынужден подчиниться ультиматуму.

Вскоре Антонеску формирует новое правительство, где ключевые позиции занимают легионеры, оставшиеся к тому времени на свободе. Представители «исторических» партий, объяснял

¹ Эти территории были присоединены к СССР в соответствии с секретными протоколами пакта Риббентропа – Молотова 1939 г. Сталин некоторое время медлил с реализацией этого плана, ибо Румыния имела военные гарантии Франции. Однако оккупация Франции в мае-июне 1940 г. побудила советское руководство форсировать события. 28 июня 1940 г. в Бессарабию были введены части Краской армии, после чего на части ее территории была образована Молдавская ССР. – *Прим. авт.*

² У Антонеску за плечами была успешная карьера военного, но отношения с королем были непростыми. В 1937 г. он был назначен министром обороны, затем был смещен с должности в 1938 г. по подозрению в участии в путче, направленном против короля. Сменив пост военного министра на должность командующего военным округом, Антонеску критиковал внешнюю политику правительства, которое пыталось балансировать между англо-французским и германо-итальянским блоками. Антонеску считал более разумным ориентироваться исключительно на Германию. – *Прим. авт.*

позже Антонеску, отказались участвовать в новом правительстве, которое мыслилось им как прогерманское. Только по этой причине он якобы обратился к легионерам. Их новый лидер Хория Сима назначается вице-премьером. Тем временем потеря территорий продолжалась: 7 сентября под давлением Германии состоялась передача Болгарии Южной Добруджи. В том же сентябре венгерские войска вступают в Северную Трансильванию и берут ее под свой контроль. Гитлер не возражает.

В этих трагических обстоятельствах 14 сентября 1940 г. Антонеску объявляет Румынию национал-легионерским государством. Будучи приверженцем порядка и дисциплины, генерал возлагал надежды на сотрудничество с легионерами, которые не потеряли к тому времени своих организационных структур. 6 октября 1940 г. в Бухаресте прошел впечатляющий митинг-парад, посвященный одному месяцу правления Антонеску и легионеров. Генерал выступил с краткой, но очень эмоциональной речью: «Легионеры! Я призвал вас сегодня со всех концов изувеченной страны, чтобы почувствовать победу 6 сентября. Я собрал вас сегодня, зеленые рубашки, чистые и цельные души, чтобы вы объединились в единой мысли, в единой вере, в едином порыве...» [Discursul..., 2016].

Вскоре была сформирована так называемая «легионерская полиция». Еще до формального отречения короля был инициирован следственный процесс против участников расправы над легионерами в 1938–1939 гг. Процесс продолжался, но оставшиеся на свободе легионеры подозревали генерала в скрытом желании увести от ответственности политиков и чиновников королевской администрации, причастных к этому делу.

23 ноября 1940 г. Антонеску подписывает протокол о присоединении Румынии к Тройственному пакту, а через три дня, в ночь с 26 на 27 ноября, 65 политических деятелей, военнослужащих и высших офицеров полиции «королевской диктатуры», находившихся под следствием в тюрьме Жилава, были тайно и жестоко убиты проникшей туда группой легионеров. Вскоре прямо среди бела дня на улице были расстреляны несколько деятелей политики и культуры, которых считали противниками железногвардейцев, среди них – политик и крупнейший румынский историк Николае Йорга¹. Подобный политический экстремизм становился

¹ Николае Йорга (1871–1940) был приверженцем традиционализма. – *Прим. авт.*

опасным для самого Антонеску. Теперь он искал способы освободиться от «союзников», но Гитлер советовал подождать.

В январе 1941 г. легионеры организуют мятеж, сопровождавшийся невиданными по жестокости еврейскими погромами. Теперь Гитлер встает на сторону генерала, и тот решительно и жестоко подавляет беспорядки. Некоторым видным руководителям легионерского движения, правда, было дозволено покинуть пределы Румынии, среди них – лидер железногвардейцев Хория Сима.

Новое правительство формируется главным образом из военных. Все властные полномочия переходят к Антонеску, объединившему в своем лице все ветви власти. Возникает авторитарный режим «руководителя», или по-румынски – «кондуктэтора». Вскоре румынские войска пересекают границу с СССР, фактически одновременно с немецкими, и вступают на территорию недавно потерянной Бессарабии.

От конституционной монархии и многопартийной системы Румыния пришла к авторитарной диктатуре националистического типа. Авторитарное правление Антонеску должно было покончить с надвигавшимся хаосом, но вступление в войну привело к серьезным потерям собственной армии и массовым жертвам среди мирного населения. Не в последнюю очередь – это и жертвы Холокоста. Хотя, как отмечает ряд историков, в отличие от Германии и зон ее оккупации, на территории самой Румынии зверств не было, но они были, и в огромном количестве, на территориях Бессарабии и Украины, занятых румынской армией, чему имеются неопровержимые свидетельства.

Националистический пафос межвоенного периода всегда сопрягался с антикоммунизмом. Румынская коммунистическая партия была запрещена еще в 1924 г. Многие румынские коммунисты оказались в СССР, но имели связи с нелегальными группами на территории Румынии, а это беспокоило не только власти, но лидеров легионерского движения.

В научной литературе сегодня нет однозначного ответа на вопрос, можно ли отождествлять деятельность и идеологию «Железной гвардии» с фашизмом, тем более что само понятие «фашизм» имеет много толкований. Один из глубоких исследователей этой проблемы немецкий историк Вольфганг Випперман писал: «Хотя “Железная гвардия” возникла в слабо развитой аграрной стране, где было немного промышленных рабочих и где левое движение почти не имело значения, эта партия относится к группе

фашистских движений. В самом деле, она ориентировалась в политическом и организационном отношении на фашистские образцы и ставила себе националистические, крайне антисемитские, антикоммунистические и социально-революционные цели и в то же время отличалась радикальным стремлением к уничтожению. ...Значительной отсталостью страны объясняется и тот факт, что члены “Железной гвардии”, за исключением студентов, преподавателей, офицеров и немногих рабочих, были главным образом из низших слоев сельского населения. Это обстоятельство, а также ее утопически-реакционная программа, производящая определенное социально-революционное впечатление, придают ей специфический характер. Но если в этих моментах “Железная гвардия” существенно отличается от итальянского фашизма и немецкого национал-социализма, то она обнаруживает, с другой стороны, большое сходство с партией хорватских усташей» [Випперман, 2000, с. 91]. Идеология легионеров хотя и соотносилась с германским нацизмом, но все же не была его прямым порождением, подчеркивают некоторые румынские исследователи.

Оценивая смысл событий межвоенного периода, сегодняшние историки пытаются ответить на вопрос, почему в политической и духовной жизни объединившейся Румынии возобладали крайне националистические тенденции, которые в итоге привели страну к катастрофе.

Как отмечала исследовательница этого периода И. Левезяну, новое государство после 1918 г. столкнулось с рядом трудно разрешимых проблем, в том числе с региональной разнородностью законодательной, политической и культурной традиций присоединенных земель. По этой причине «для ассимиляции новых провинций с многочисленными национальными меньшинствами, а также региональным населением, говорившим на диалектах, румынское правительство предприняло культурно-воспитательную стратегию, которая привела к интенсивной национальной мобилизации... В свою очередь эта стратегия возбудила уже существовавший популистский, националистический дискурс, который постепенно начинал господствовать в политической, социальной, культурной жизни после 1918 г.» [Livezeanu, 1995, p. 5].

«История, – писал С. Демьянов, трактуя этот вопрос в более общем историческом контексте, – тысячелетиями жестко ставившая перед румынами вопрос о приспособлении к внешним обстоятельствам, вдруг сняла (или, по крайней мере, поставила куда мягче) эту привычную для них проблему... Нация... наконец, получила

основание осознать себя в качестве отдельного значимого центра. Даже ранее принятая с восторгом франкофилия отступила под натиском очарования румын собственным грандиозным успехом в деле объединения страны и стремления сделать Румынию достойной ее нового положения в мире. Однозначного ответа на то, могла ли Румыния успешно решить эту задачу, история так и не дала» [Демьянов].

Пролетарский интернационализм – идеология коммунистического режима послевоенной Румынии

Окончание Второй мировой войны означало для Румынии не только материальные потери, но и крах многих надежд и ожиданий как бывших государственных лидеров и политической элиты, так и представителей культурного и интеллектуального сообщества. Союзные державы, как известно, подтвердили присоединение к Румынии Трансильвании с ее значительным венгерским населением, но Бессарабия была включена в состав СССР и образовала Молдавскую ССР. Южная Бессарабия, Северная Буковина и Змеиный остров в Черном море оказались тоже в Советском Союзе, а именно в Украинской ССР¹.

Эти потери вызывали понятное неудовольствие, но никто не мог об этом сожалеть публично. Согласно известному «договору о процентах», заключенному Сталиным и Черчиллем в октябре 1944 г., Советский Союз получил 90% влияния в Румынии, и все, что последовало за этим, было инициировано и находилось исключительно в компетенции Москвы: и политика, и культура, и экономика, и социальный порядок. Главным стержнем новой эпохи было забвение традиционных ценностей и следование насаждавшейся из Москвы идеологии интернационализма.

Поначалу король Михай, как известно, пытался сопротивляться советскому диктату, рассчитывая на западную дипломатию.

¹ Историческое обоснование принадлежности этих территорий Румынии стало предметом многих румынских исследований сегодня. Время от времени в румынской печати всплывает также вопрос о Южной Добрудже, принадлежавшей Румынии с 1913 по 1940 г. Сегодня это болгарская территория. Даже самая стабильная граница – с Сербией – и та вызывает ностальгические реминисценции у традиционалистов, так как провинция Банат разделена между Румынией и Сербией. – *Прим. авт.*

ческую поддержку, но у него ничего не вышло. Еще в октябре 1945 г. на Национальной конференции Румынской коммунистической партии¹ была принята грандиозная программа модернизации страны. В докладе первого секретаря Г. Георгиу-Дежа тогда еще не говорилось о коллективизации, а лишь о содействии частной инициативе во всех областях, что вызвало живую поддержку. В результате принятия аграрной реформы в марте 1947 г. Румыния превратилась в страну мелких земельных собственников, владеющих 75,6% обрабатываемой земли. Все они стали социальной опорой нового правительства. Сразу после завоевания власти коммунисты приступили к ограничению экономической власти буржуазии. 30 декабря 1947 г. под давлением коммунистических лидеров король Михай вынужден был отречься от престола. В тот же день была провозглашена народная республика. Главным способом организации новой политической системы было ограничение гражданских прав и свобод при концентрации власти в руках узкого круга лиц. При этом продвижение по карьерной лестнице не в последнюю очередь зависело от прямых директив из Москвы.

После 1947 г. любые проявления, как традиционализма, так и западничества были исключены из публичной жизни. Значительная часть старой культурной элиты была либо репрессирована, либо эмигрировала на Запад, либо ушла в тень. Среди заключенных было много бывших легионеров. Идеологов легионерского движения (в том числе Никифора Крайника) постигла та же участь.

Массу новой интеллигенции составили выходцы из низших социальных слоев, вовлеченные в новое «социалистическое переустройство» общества. Румынские власти, находясь под жестким патронажем Кремля, вынужденно исполняли рекомендации Москвы. Всякий намек на национальную специфику расценивался как измена идеалам пролетарского интернационализма.

Деятели культуры и ученые, избежавшие репрессий, были отстранены от научной, педагогической и издательской работы. Многие вынуждены были или замолчать, или принять новые «правила игры», включившись в пропагандистские штампы социалистической идеологии. Как и в СССР, вульгарный социологизм в художественной критике и насаждение штампов соцреализма в искусстве не содействовали эстетическому развитию. Штампы, насаждавшиеся тогда, должны были стереть из памяти не только

¹ После объединения с социал-демократами в 1948 и до 1965 г. она называлась Румынская рабочая партия. – *Прим. авт.*

националистические крайности, но интеллектуальные поиски межвоенного периода. Хотя национальные чувства и националистические предубеждения не могли выражаться открыто, но о том, что они были, свидетельствуют выступления в печати после 1989 г., обвинявшие евреев, венгров и другие «чужеродные элементы» в установлении коммунистического режима в Румынии.

Основную вину за негативные явления тех лет румынские авторы после 1989 г. стали возлагать на сталинское руководство, которое насаждало внутри их страны советский тип общественного устройства. Определенную долю ответственности за случившееся, полагают в Румынии, несли и западные союзники антигитлеровской коалиции.

В начале 1950-х годов болезнь Сталина, его антисемитские акции, война в Корее содействовали закату так называемой «московской» группы партийной номенклатуры под водительством Анны Паукер и Василе Луки. Победа в результате достается «румынским» сталинистам.

После 1953 г. главную опасность для своей личной власти лидер партии и страны Г. Георгиу-Деж видел, по-видимому, не внутри партии. Она исходила из Москвы. «Первой очевидной реакцией на поползновения Москвы была расправа над Лукрециу Пэтрэшкану¹ (1954), которого русские могли прочить в руководители десталинизированной компартии» [Georgescu, 1995, p. 265].

Процесс демократизации, начатый Хрущёвым, вызвал, как известно, ирредентистские тенденции в социалистическом лагере. Румынское руководство в этих условиях, попыталось выйти из-под опеки Москвы. Успех этой деятельности был предопределен не только внешними, но и внутренними причинами. В обществе накопилась усталость, зрело желание освободиться от внешнего управления. Историк и культуролог Л. Бойа видел причину и возможность изменения курса не только в том, что этнически «чужеродные» элементы из партии все более удалялись, а у рычагов

¹ Пэтрэшкану (1900–1954) представлял интеллектуальную элиту компартии. В 1922 г. он окончил журналистский факультет Бухарестского университета, а в 1925 г. защитил диссертацию в Лейпцигском университете. В 1940 г. был арестован, но в 1941 освобожден. В 1944 г. был одной из ключевых фигур в организации смещения И. Антонеску. В новом правительстве К. Сэнэтэску он занял должность министра юстиции, которую сохранил и в последующих правительствах. Позже, не согласившись с политикой компартии в период правления Георгиу Дежа, Пэтрэшкану был репрессирован, затем снят с должности и арестован в 1948 г., казнен после показательного процесса в 1954 г. – *Прим. авт.*

управления становилось все больше этнических румын, имевших крестьянское происхождение и психологически склонных к изоляционизму и автохтонизму (Чаушеску среди них). Старая интеллигенция в той мере, в какой она все же медленно возрождалась, несла с собой волну национализма, мотивированную пережитым «антинациональным террором 50-х годов» [Voia, 1997, p. 70]

Первое дистанцирование Бухареста от Москвы проявилось в период идеологического советско-китайского конфликта. Внимательный анализ теоретических тезисов румынской стороны, заключал В. Фрунзэ, показывает отдаление от советской позиции и сближение с китайской, но заявить об этом открыто румыны не решились.

В 1958 г. Хрущёв уступил настойчивым просьбам румынского руководства вывести советские войска с территории Румынии. Все это происходит, несмотря на обозначившиеся трения между странами по поводу определения дальнейшего развития СЭВ. Освободившись от советского военного присутствия, Румыния позволила себе решительно заявить в СЭВе о своем несогласии с проектом социалистической интеграции. Апогеем румыно-советской «холодной войны» стало «Заявление о позиции РРП по проблемам международного коммунистического и рабочего движения», принятое на пленуме ЦК РРП в апреле 1964 г. (так называемая Апрельская декларация). Независимость и национальный суверенитет, невмешательство во внутренние дела и территориальная целостность стали доминантами новой румынской политики.

Дипломатическую, политическую и экономическую поддержку со стороны Запада руководство страны считало жизненно важной в этой ситуации, но предоставлялась она не без условий. Надо было пойти на две уступки: решить проблему ущерба, нанесенного иностранному капиталу национализацией 1948 г., а также объявить амнистию всем политическим заключенным. «В результате в период 1962–1965 годов из заключения было (согласно официальным данным) освобождено 12 500 человек» [Frunză, 1999, p. 396].

Оценивая период 1960–1965 гг., В. Джорджеску писал: «Группа Дежа с благоразумной осторожностью проводила реабилитацию старых понятий патриотизма и национальной самобытности, освобождая их от советизма и интернационализма, возвращая многие из ценностей, запрещенных после 1948 г.» [Georgescu, 1995, p. 275].

Основным инструментом обращения к национальным духовным истокам стала история. Исследователи начинают возвращать румынскую культуру к «латинским истокам», преуменьшают

роль славянских влияний в ее развитии, а также положительное значение России для румынской истории.

Деж умер неожиданно в марте 1965 г., находясь в самом начале нового политического курса. Либерализация во внешней политике и частично культурной жизни практически, правда, не затронула ни экономику, ни политическую структуру общества. Совершенно очевидно, что будущая «эпоха Чаушеску» с ее либерализмом и западничеством второй половины 1960-х годов, а также национальным коммунизмом и традиционализмом 1970–1980-х имела предпосылки в политике Дежа первой половины 1960-х годов. Как писал американский политолог румынского происхождения В. Тисмэняну, закат ленинского интернационализма совпал с утверждением национально-коммунистического государства. «Чтобы сохранить власть, бюрократические элиты взяли на вооружение более привлекательные символы национального интереса» [Tismăneanu, *Fantasmele...*, 1999, p. 17].

Что касается художественной культуры, то уже к началу 1960-х годов во всех ее областях также наблюдались признаки некоторой либерализации.

Режим Чаушеску: Витрина западничества и пропаганда «национального коммунизма» внутри страны

Показное западничество, а позже игра на национальных чувствах стали сердцевиной политики нового румынского лидера Николае Чаушеску (1965–1989). При этом он исходил как из подспудных антирусских, антисоветских настроений в обществе, так и скрытых прозападных симпатий интеллигенции.

Первым шагом Чаушеску стало открытое осуждение репрессивной политики режима Г. Георгиу-Дежа. IX съезд Румынской коммунистической партии, собравшийся в 1965 г., уже после утверждения Чаушеску на посту первого секретаря РКП, раскритиковал «недостаточно гибкие» методы идеологической деятельности предшествующего руководства, что было с энтузиазмом воспринято румынской интеллигенцией.

Хотя оговаривалось, что свобода выбора должна сочетаться с социальной ответственностью, декларации съезда внушали надежду на либерализацию. Действительно, наступили годы, которые с полным основанием можно назвать румынской «оттепелью».

Главным ее содержанием стал интерес к новым течениям в западной социальной и философской мысли, обращение к модернистским поискам XX в. в мировой художественной культуре. Демонстрируя явный отход от ортодоксальной советской идеологии, румынское руководство позволило распространять идеи, далекие от постулатов марксизма. В обществоведении выдвигается тезис о необходимости «диалога с немарксистскими концепциями». Последнее должно было демонстрировать не только продвинутость румынского обществознания, но и критическое отношение к марксизму в его советском варианте. Такая политика вместе с тем таила в себе опасности для режима. Совершенно отчетливо руководство осознало это позже, лишь к концу 1960-х годов. Тем не менее тенденции либерализации успели ярко проявиться в различных областях жизни. Возникла новая духовная атмосфера – под знаком относительной свободы творчества.

Сама национальная идея приобретает очертания по преимуществу либеральные. Культурная и интеллектуальная элита стремится ощутить себя частью Европы. Издаются и переиздаются произведения, недоступные читателю в 1950-е годы. Публикуются серьезные исследования монографического характера, посвященные отдельным авторам и целым периодам культурного и общественного развития. В прошлое уходят вульгарно-социологические оценки импрессионизма, экспрессионизма, экзистенциализма и других течений.

Повышенный интерес возникает к течениям межвоенного периода, которые вписывались в авангардистские, модернистские поиски западноевропейской культуры, а также отразили интерес к философским и социальным течениям Запада.

Значительно расширяется переводческая деятельность. В серии «Роман XX века» начинается систематическое издание наследия У. Фолкнера. Многие значительные переводы вышли отдельными изданиями. К ним относятся «Доктор Фаустус», «Волшебная гора» Т. Манна, «Сто лет одиночества» Г.Г. Маркеса.

Кинематографический репертуар второй половины 1960-х годов представляет известные работы ряда западных режиссеров, многие из них посещают Румынию.

Особое значение приобрело в эти годы наследие тех деятелей румынского происхождения, которые сыграли заметную роль в обновлении мирового искусства XX в. Зарубежные исследователи обычно относят их творчество к западноевропейской традиции. Черты национальной специфики в нем не усматриваются. Это и

Тристан Тцара – один из зачинателей дадаизма, это и Эжен Ионеско, явившийся одним из основателей театра абсурда.

Областью культуры, в которой произошли сходные перемены, была художественная критика. Понятия, которыми пользовалась критика 1950-х годов, стали совершенно неприемлемыми. При этом политическую окраску приобретал вопрос о реалистическом методе, за который традиционно ратовал коммунистический режим, но который одновременно ассоциировался с социалистическим реализмом – одним из компонентов репрессивной культурной политики не столько собственного руководства, сколько советского.

Отвергая натуралистическое копирование действительности и политическую ангажированность, выступая за расширение средств выражения, новое поколение критиков пыталось «узаконить» художественные течения, далекие от традиционной реалистической поэтики. Все это находило поддержку издательств, радио и телевидения. Однако средства массовой информации, испытывая все же цензурные ограничения, не давали авторам возможности полного самовыражения.

Особую роль в этих условиях приобретало художественное творчество с его способностью к иносказанию, символическому обобщению. Как и в СССР в «хрущёвскую оттепель», в Румынии выдвинулась целая группа молодых поэтов-нонконформистов: Н. Стэнеску, М. Сореску, А. Бландиана и др. Преодолевая повествовательность и сюжетность поэзии 1950-х, молодые авторы возрождают чисто лирические жанры, обращаясь к миру чувств, отражая глубоко интимное восприятие.

Наряду с поэтическим творчеством интересными были эксперименты в театральном искусстве, особенно в режиссуре. Развивается движение «ретеатрализации», у истоков которого стоял режиссер Ливиу Чулей, ратовавший за театральное новаторство еще в 1950-е годы.

Существенные изменения наблюдаются в прозе. Происходит смена тематических интересов, жанров и техники письма. Примечательны в этом плане первые романы талантливого румынского прозаика А. Ивасюка, трагически погибшего в 1974 г. во время бухарестского землетрясения. Его романы («Вестибюль», «Интервал», «Ночное дознание») разрывали круг псевдореалистической поэтики 1950-х годов.

Характерным явлением для прозы 1960-х стал философский роман с высокой степенью аллегорического отвлечения. Ярким

примером в этом отношении служил роман Р. Гути «Безумный и цветок», охарактеризованный в критике как «книга лирического абсурда». В 1970 г. роман был удостоен премии Союза писателей СРР.

Новые тенденции в искусстве не ограничивались расширением средств выражения. Меняются темы, страницы книг и театральные сцены передают новое авторское мироощущение, отражающее, как в зеркале, настроения в обществе.

«Европеизм» второй половины 1960-х годов сыграл важную просветительскую роль в румынском общественном сознании, хотя бы частично освободив его от гнета стереотипов прошлого. Однако в восприятии западной культуры ощущалось некое напряженно-эмоциональное акцентирование, признак того, что позже драматург Поль Эверак назвал культурным провинциализмом – «своеобразным комплексом неполноценности, заставляющим повторять, что румыны не хуже других» [Everac, 1975].

Параллельно с западничеством в разных областях художественной культуры и гуманитарных исследований начинает проявлять себя и национально-фольклорная, «историческая» ориентация.

В поисках истинных истоков национальной культуры исследователи обращаются к Средним векам. В научной литературе происходит переоценка культуры эпохи феодализма, отождествлявшейся в 1950-е годы с церковным искусством. Выходит много работ, посвященных разнообразным аспектам народного искусства. Изучается специфика румынской иконописи, ее отличие от византийского искусства, исследуются такие сугубо местные формы, как наружные фрески, икона на стекле. В этот период активизируют свою деятельность и учреждения, пропагандирующие народное искусство: Музей села, Музей народного искусства. Обращение к национальной традиции, ее фольклорным формам имело большое значение для поисков новых путей развития изобразительного искусства, в частности.

Однако уже в 1960-е годы в этой тенденции наблюдается ряд признаков того, что либеральная трактовка национальной идеи начинает уступать место идее национальной исключительности, к тому же в ущерб очевидным историческим фактам. Так, видный историк и культуролог Д. Замфиреску выдвинул на основе изучения средневекового памятника «Поучения Нягоз Басараба» концепцию, согласно которой истоки румынской национальной культуры окончательно оформились уже в феодальный период [Zamfirescu, Studii..., 1967].

Весьма своеобразным явлением 1960-х годов стало обращение к наследию, представляющему синтез народной традиции и модернистских поисков, которые воспринимались в Румынии как основополагающая черта западноевропейской культуры XX в. Большую популярность в этом контексте приобретает наследие крупнейшего скульптора европейского масштаба Константина Брынкуша (1876–1957). Покинув в молодости родину, Брынкуш прочно связал свое творчество с парижской школой, став одним из родоначальников абстракционистских поисков в мировой скульптуре. Брынкуш был одним из тех, кому удалось «ввести народное искусство в круг мировых художественных исканий XX в.» [Светлов, 1974, с. 182].

Плодотворным для художественной атмосферы 1960-х годов стало поэтическое новаторство Лучиана Благи, в творчестве которого особенно ощущается неразрывная связь народной культуры и авангардистских поисков XX в., о чем говорилось выше.

В образную ткань многих произведений изобразительного искусства 1960-х годов вводится повествовательно-фольклорное наследие. Отношение профессионального творчества к народной культуре имеет для Румынии особое значение. Как отмечала Е.П. Львова, в отличие от других европейских и некоторых славянских стран, где существовала непрерывная художественная традиция со времен Средневековья, в странах, долгое время находившихся под властью Османской империи, такая последовательность отсутствовала, как и неразрывная связь с общим ходом истории развития европейской художественной культуры. «Художественная культура Болгарии, Румынии, Сербии... еще в XVIII веке существовала в формах средневекового церковного искусства, переживавшего путь своеобразного развития, а также народного искусства, роль которого была особенно важна для сложения искусства нового времени» [Львова, 1974, с. 3].

Интерес к истокам национальной духовности очевиден в 1960-е годы также в разработке исторических тем. Надо заметить, что именно в жанре исторической драмы особенно широко использовались элементы фольклорных сказаний, народных обрядов.

В изобразительном искусстве живым памятником национальной духовности становится декоративное народное творчество, нашедшее широкую сферу применения, особенно в организации монументальных пространств. Правда, поверхностное заимствование фольклорной стилистики иногда вызывало лишь впечатление чрезмерной нарочитости. Озабоченность критиков вульгаризацией

народной традиции прозвучала и с официальной трибуны конференции «Критическое освоение культурного наследия», проходившей под эгидой ЦК РКП. Однако несравненно большее беспокойство со стороны партийного руководства вызывали тенденции «европеизма».

Формировавшиеся в общественном поле предпосылки либерально-западнического варианта национальной идеи были совершенно несовместимы с основами общественного устройства страны и постепенно складывавшемся культом личности Чаушеску. Отвлеченные, казалось бы, образы содержали порой вполне прозрачные намеки, а то и прямое неприятие румынского социально-политического бытия. Наибольшее опасение у режима вызывали театр, радио, телевидение, которые имели возможность прямого влияния на общество.

В качестве яркой иллюстрации в этом отношении можно привести пьесу И. Бэйешу «Дрессировка привидений», поставленную Театром драмы г. Бакэу. Согласно сюжету, американская туристическая фирма арендовала в Швеции замок, населенный привидениями. Абсурд ситуации состоял в том, что обученные фирмой привидения должны были обеспечить туристам хороший сервис и приятную художественную программу. При этом Бэйешу не только саркастически представлял чрезмерное преклонение перед Западом, но и с большой иронией показывал жизнь при социализме. Как писала официозная критика, «в карикатурном виде изображены реалии, отражающие важные социально-политические стороны жизни румынского общества» [Despre stagiunea..., 1971]. Пьесу запретили, и ее постановка была возобновлена в Национальном театре Бухареста только в 1990-е годы.

Аналогичная судьба была уготована фильму Л. Пинтилие «Реконструкция», который, по оценкам критики, должен был стать самым ярким кинособытием 1968 г. Жанр картины можно было бы отнести к комедии абсурда, если бы не прямые аллюзии с социально-политическим устройством времен Чаушеску, где привычка к послушанию, традиционализм мыслей и поведения приветствовались и использовались. Эта скупая по внешней изобразительности черно-белая лента поражает почти физическим ощущением боли за безжалостное отношение к доброму, истинному, высокому. Тупое соблюдение правил, показанное в фильме, приводит к человеческой гибели.

Скандал, разразившийся в связи с картиной, оказался столь невыносимым для режиссера, что он эмигрирует на Запад. Пред-

полагавшийся год выхода картины совпал с событиями Пражской весны, и не случайно последовала такая жесткая реакция власти. Размах и радикализм чехословацких событий 1968 г. внушали опасения бухарестским властям. Они почувствовали, что румынское общество тоже было готово к переменам. В 1968 г. в Бухаресте прошло несанкционированное студенческое шествие. Его участники, как отмечалось в прессе 1990-х годов, всего-навсего пели народные песни. Последовал жесткий разгон демонстрации.

Вскоре начались гонения на либерально настроенные молодежные СМИ. Были сняты со своих постов главные редакторы журналов: И. Бэйешу («Амфитеатру») и Н. Драгош («Скынтейа тинеретулуй»). Резко изменился и характер литературного журнала «Лучафэрул» под руководством Э. Барбу. И. Бэйешу с тех пор пытался зарабатывать только публикациями в прессе. С большим трудом ему удалось издать сатирический роман «Весы», который вскоре был запрещен так же, как и упомянутая пьеса «Замок с привидениями».

В 1969 г. X съезд ЦК РКП однозначно заявил о намерении руководства страны прекратить игры в свободомыслие. Апофеозом наступления на культурную и общественную жизнь в целом стал собравшийся в ноябре 1971 г. Пленум ЦК РКП, принявший «Программу улучшения идеологической деятельности».

В западной печати того времени этот новый курс был назван «культурной миниреволюцией» по аналогии с маоистским Китаем. Задачей Румынской коммунистической партии было преодоление «сопротивления, оказанного ей, прежде всего, журналистами и художниками» [Gabanyi A., p. 131]. «Миниреволюция» растянулась на два десятилетия, в течение которых шло нарастающее подавление всякого инакомыслия и культивирование идей об особом историческом пути румынского народа.

Социальные науки и художественную культуру достаточно быстро удалось связать идейными постулатами, разработанными близким кругом Чаушеску. К середине 1970-х партийное руководство выдвигает задачу создания «национальной эпопеи» – произведений, отражающих историческое становление «национального типа» румынского народа. Широкое распространение получают работы, трактующие понятие «патриотизм» как составную часть идеологического содержания культуры. Во второй половине 1970-х годов обществоведческая терминология пополняется понятием «социалистическая цивилизация», которое очевидно было

изобретено для скрытой полемики с принятым в СССР термином «развитое социалистическое общество».

Даки и древние римляне теперь не только персонажи прошлого. Они становятся близкими предками румын и призваны обозначить историческое величие румынского народа, так необходимое пропаганде «истинных национальных ценностей».

Особая значимость придается исследованиям, посвященным Средневековью. Они призваны были доказать непрерывность румынской культурной традиции, ее постоянство (континуитет). Вскоре единство культуры средневековых румынских земель стало главным мотивом исторических исследований. Тем самым Москве как бы напоминали, что Бессарабия – земля исконно румынская, а Будапешту, – что в Трансильвании издревле теплился очаг румынской культуры. То же касалось Северного Баната, оказавшегося на землях Западной Украины.

Но наиболее открыто и остро обсуждался «трансильванский вопрос». Длительная дискуссия с венгерскими историками по поводу Трансильвании трансформировалась в определенный момент даже в конфликт на высшем политическом уровне. Положение венгров, составляющих значительную часть населения Трансильвании, постоянно заботило Будапешт.

В связи с идеей континуитета нельзя не упомянуть концепцию протохронизма (опережения), автором которой стал культуролог Эдгар Папу. Развивая идеи, заложенные в трудах по истории культуры Дана Замфиреску, Э. Папу пришел к неожиданному выводу, что некоторые явления румынской культуры Средневековья и эпохи Просвещения стоят выше по своему гуманистическому содержанию, чем соответствующие памятники западноевропейской культуры. «Теория» Папу вызвала обоснованные возражения среди части румынских ученых, но она была очень примечательна как детище крайне традиционалистского крыла румынской культурологии, отвечавшего идеологическому заказу сверху.

Протохронизм коснулся даже оценки художественных течений XX в. Так, Д. Замфиреску писал, что мировой модернизм как высшее достижение современной культуры обязан почти исключительно румынскому гению. В связи с этим он подчеркивал, что Брынкуш и Тцара – феномены румынской культуры, повлиявшие на европейское искусство XX в. И более того: «Дадаизм сделал из румынского авангарда первое литературное движение мирового значения, вышедшее из недр румынской культуры» [Zamfirescu, 1980, p. 363]. Тут надо напомнить, что творчество Брынкуша и

Тцары развивалось на территории Западной Европы и в тесном контакте с теми течениями, которые имели место там.

Как справедливо отмечал П. Поантэ, протохронизм «рассчитывает на эффект, выхватывая произведения из исторического контекста, анализируя их абстрактно, искажает и саму национальную специфику» [Poantă P. Protocronism..., 1977, p. 2].

В связи с усиливавшейся пропагандой национальной специфики и континуитета в 1970–1980-е годы несравненно чаще, чем в 1960-е, публикуются исследования творчества тех деятелей прошлого, которым была близка идея национальной самобытности. При этом высоко и без необходимой детализации оценивается наследие и тех, кто вольно или невольно способствовал националистическому угару межвоенного периода.

Постепенно всякий художественный поиск в глазах идеологов режима стал олицетворять собой «буржуазную западную культуру», которая наносит ущерб национальному самосознанию. Из зарубежного наследия в первую очередь приветствовалось то, что имело хоть какое-то отношение либо к коммунистической идеологии, либо к традиции реалистического бытописания. Место Ионеско и Хичкока занимают Брехт, Горький, А. Островский. Особый интерес издателей вызывает зарубежная литература, отразившая темы народно-патриархальной жизни. Так, в 1970-е годы начинает переводиться «деревенская проза» советских писателей: Абрамова, Белова, Астафьева, Распутина и др. Издается проза Шукшина, привлекающая, как отмечалось в критике, искренностью народного мироощущения. Живой отклик в Румынии находят фольклорно-мифологические мотивы в творчестве Айтматова. В 1970-е годы увеличивается количество изданий Есенина.

Что касается художественного творчества, вновь поступает политический заказ на отражение тем производства и рабочего движения. Из опубликованных произведений, сохранивших все же живое творческое начало, следует выделить романы, посвященные проблематике 1950-х годов. Руководство не препятствовало разработке и критике послевоенной действительности.

Но сквозь призму «непосредственной истории» некоторые авторы находили возможность отражения современной проблематики. Эта тенденция наметилась еще в 1960-е годы в романах А. Ивасюка «Интервал», «Ночное дознание», М. Пределы «Морометы» (т. 2). Новую страницу в этом отношении открывал роман А. Ивасюка «Птицы» (1970), свидетельствовавший как о намерении автора отказаться от безоговорочного отрицания 1950-х годов,

так и о желании расширить смысл моральных коллизий той эпохи. Однако разработка моральных проблем создавала аллюзии с социально-психологической атмосферой режима Чаушеску, с ее безнравственностью, трусостью, подлостью и предательством. Аналогии не могли не возникать у читателя. Поэтому цензура внимательно следила за словесными видами искусства.

Партийным руководством поощрялся интерес к далекому прошлому, где таилось меньше опасностей. При этом надо признать, что не вся литература на исторические темы была следствием целенаправленной политики. Ведь обращение к прошлому – естественная потребность любого национального искусства. Другой вопрос, как это использовалось националистической политикой Чаушеску, по прямому указанию которого возник мощный поток псевдоисторических произведений.

Обращение к народному искусству в 1970–1980-е годы оказалось при этом благотворным для румынского изобразительного и словесного искусства. Уже говорилось о значении наследия таких крупнейших фигур румынской культуры XX в., как Брынкуш и Блага. В эти годы их творчество все глубже переосмысливается в фольклорном ключе.

При этом все более очевидно обнаруживается идейная преемственность традиционализма 1970–1980-х годов с теми течениями в румынской культуре межвоенного периода, которые соприкасались с национально-ориентированными, в том числе националистическими, течениями. Одно из них – трэиризм (трэире – жить). Являясь вариантом философии жизни, трэиризм утверждал преобладание инстинктивной, подсознательной жизни над разумом. К трэиристско-экзистенциалистскому направлению можно отнести пьесу П. Эверака «Подвал», главным пафосом которой было утверждение особой ценности исконной, цельной крестьянской натуры, в основе которой лежит бессознательный древний крестьянский инстинкт. По своему идейному содержанию произведению Эверака близка пьеса М. Сореску «Матка», хотя ее можно трактовать и шире.

Мотивы, близкие романтической слащавости сэмэнэтористской литературы, тоска по исконной, патриархальной жизни румынского села и детализация быта вырисовываются в ряде произведений на исторические темы. И здесь, так же как и в трэиристско-экзистенциалистской литературе, отмечается повышенное внимание к судьбе крестьянина как носителя исконных нравственных достоинств, «хранителя народно-этического кодекса».

Идеализация прошлого в своих крайних, иногда вульгарных, выражениях во многом определила облик конъюнктурных произведений на исторические темы. В основном это было романтическое «творчество», порожденное партийными указаниями о создании «национальной эпопеи».

Ярким примером такой романтической трактовки стал образ валашского князя XV в. Дракулы, известного также под именем Влада Цепеша (Цепеш – Сажатель на кол). Как показывают исторические источники, за беспримерную жестокость он снискал себе репутацию кровожадного дракона. В 1970–1980-е годы Цепеш становится одной из самых популярных фигур общественного поля. В мероприятие общегосударственного значения превратилось празднование 500-летия со дня рождения Цепеша.

Чрезмерное любование деталями, в частности аксессуарами власти, пышными костюмами свойственно портретистике этих лет, как живописной, так и скульптурной. Некоторые художники-модернисты 1960-х годов перевоплотились в 1980-е в портретистов-натуралистов, прославляющих не только подвиги средневековых князей и прародителей-даков, но и партийное руководство, прежде всего в лице Чаушеску.

Апофеозом официальной культуры как по концентрации идей национальной исключительности, так и по глубине падения в китч становится с середины 1970-х годов фестиваль национального искусства «Песнь Румынии», который стал постоянно действующим институтом, имевшим солидную материальную базу. Охватывая почти все жанры искусства, и не только самостоятельное, но и профессиональное творчество, фестиваль вовлекал в систему ежегодных конкурсов очень большое количество участников. При этом, как свидетельствовала печать, некоторые участвовали в фестивале почти в принудительном порядке: на предприятиях для репетиций выделялась часть рабочего времени.

Руководство страны не смущало, что националистическая риторика, обращенная к собственным гражданам, создавала изоляционистскую тенденцию в их сознании. Противоречие состояло в том, что внешняя политика Чаушеску, напротив, все более поворачивалась к Западу. При этом внутри страны ужесточалась цензура, подавлялось политическое, научное, художественное инакомыслие.

Лицемерная и двойственная политика Чаушеску на самом деле способствовала разрушению подлинных ценностей национальной культуры. Это выражалось и в прямом их уничтожении, и в сокрытии этих ценностей от тех, кому они предназначались.

Часть произведений уходит на полку, в стол, в домашние запасники. Кроме того, с начала 1970-х годов усиливается поток эмигрантов и невозвращенцев. Многие стало известным широкой публике только после падения режима Чаушеску.

Наиболее вопиющим свидетельством варварского отношения к культурному наследию стало разрушение части исторического центра Бухареста. Планомерное уничтожение архитектурной среды началось после землетрясения 1974 г., а с 1977-го приняло интенсивный характер. «Вождь» стал воплощать в жизнь «параноидальную идею» превращения одного из центральных районов Бухареста (причем, наименее пострадавшего от землетрясения) в бульвар Победы социализма, украшенный роскошными административными зданиями, «несущими печать гигантомании и дурного вкуса» [Ionescu G. Legea..., 1990, p. 1].

Начало осуществления этого так и не законченного «проекта века» совпало с началом массового сноса многих памятников истории и культуры в других местах. Как свидетельствовала румынская печать уже после падения Чаушеску, попытки предотвратить безумные начинания диктатора неизменно оканчивались неудачей.

Вместе с тем позиция неучастия и даже дистанцирования от партийных установок все же просматривалась в некоторых средствах распространения культуры. Так, редакция журнала «Артэ» долго сохраняла некоторую автономность, но в 1980-е годы все же и ей пришлось смириться.

Сопротивление насаждению пропагандистских схем, причем не всегда пассивное, отчетливо ощущалось в издательстве «Картя ромэняскэ», еженедельнике «Ромыния литерарэ», а также в самом Союзе писателей СРР. Крупнейший румынский писатель Марин Преда (1922–1980) заявил лично Чаушеску еще в 1971 г.: «Если Вы будете насаждать социалистический реализм, я покончу жизнь самоубийством». Критик М. Иоргулеску приводит и другие примеры, свидетельствующие о гражданском мужестве писателя. Тем не менее это не могло остановить наступления на культуру. Умер Преда, добавляет автор, «неожиданно и при загадочных обстоятельствах» [Iorgulescu, 1990].

Политической сенсацией 1977 г. было опубликование романа М. Преда «Бред». Стремясь нарисовать объективную картину исторических событий, Преда отмечает политическую слепоту Антонеску, но одновременно и его положительные качества: достоинство, смелость, компетентность в военном деле, патриотизм. Вскоре после выхода романа, вызвавшего большой интерес у чита-

телей, последовала жесткая отповедь в адрес автора из Москвы. Он обвинялся в антикоммунизме и антисоветизме. В этой ситуации руководству в Бухаресте пришлось посоветовать писателю внести некоторые коррективы в ткань повествования, что, однако, сделано не было.

В условиях жесткой цензуры литература и театр начинают использовать изощренные способы нонконформизма. Возникает особый тип сюжета-притчи, имеющего определенный подтекст, но цензура зорко следила за такими изысками. Так, постановку пьесы Д. Соломона «Сократ», несмотря на ее неоднократные публикации (первая – в 1969 г.), многократно не позволяли довести до сцены, хотя действие происходит в Древней Греции. Впервые она была поставлена только в 1992 г. в Ясском национальном театре.

Политика Чаушеску в отношении деятелей культуры не всегда, однако, была прямолинейной, порой проявлялась и некоторая гибкость. «Ведь только определенным художникам было позволено писать портреты Чаушеску (Бэлаша, Пилиуцэ) и только определенные писатели могли писать об Антонеску (Преда) или о Трансильвании (Лэкрэнжан)» [Nedelcoviçi, 1996, p. 131]. Насилие, добровольное или вынужденное, конечно, искажало творческие поиски и замыслы. Трагедия состояла в том, что все художники старшего поколения испытали политический прессинг.

Несмотря на жесткую цензуру, в удушливой атмосфере 1980-х годов рождается и начинает свои первые творческие шаги сообщество молодых поэтов и прозаиков, которых позже окрестили «поколением 80-х». Наибольший вклад в их формирование внесли два литературных сообщества: кружок «Понедельник» под руководством критика Николае Манолеску и кружок «Жунимя» («Молодежь»), которым руководил критик и историк литературы Овид С. Крохмэлничану. Оба кружка были организованы при Бухарестском университете. Первый объединял в основном поэтов, второй – прозаиков. В обоих кружках обсуждались и зачитывались произведения нового поколения литераторов, которое хотело творить, экспериментировать, продвигать свои идеи, далекие от идеологических постулатов эпохи Чаушеску. Участники кружков публиковались в студенческих журналах того времени, формируя исподволь новую художественную атмосферу. Участникам «Понедельника» удалось издать и собственные антологии поэзии «Воздух с бриллиантами» (1982) и «Пять» (1983).

Эти кружки, по сути, были школой творческой свободы, стимулирующей таланты. В 1983 г. «Понедельник», однако, был

упразднен по решению партийной организации Бухарестского университета, посчитавшей его деятельность подрывной и вредной.

Самым представительным сборником прозы, который удалось издать кружку «Жунимя», стал «Десант 83». Однако большинство его участников не печатались из-за запрета цензуры, но деятельность их не прошла бесследно, ибо после 1989 г. они начинают публиковаться и становятся, по оценке критики, талантливыми представителями румынского постмодернизма.

Несмотря на продолжавшееся идеологическое давление, с середины 1980-х годов в интеллектуальной среде все же явно наблюдается оживление, снова проявляется и все более усиливается интерес к Западу. Так, во второй половине 1980-х годов возрождается дискуссия о постмодернизме, но после 1989 г. она иссякает, ибо внимание всех переключается с культуры на политику.

Значительная часть общества во второй половине 1980-х годов, по-видимому, просто начинает чувствовать одряхление режима, его неспособность к тотальному идеологическому контролю. Это и позволило наиболее активным критикам и писателям высказываться публично. Горбачёвская перестройка и гласность, несомненно, уже начинали внушать страх режиму Чаушеску, и давление несколько ослабело.

Ощущение близких перемен витало в воздухе. 11 марта 1989 г. в эфире радио Би-би-си и «Свобода» было зачитано открытое письмо («Письмо шести»), подписанное известными деятелями коммунистической партии и диссидентами, которые обвиняли Чаушеску в нарушениях прав человека, Конституции, в извращении смысла деятельности спецслужб, проведении неразумной аграрной политики и т.д. После допросов все подписавшиеся были подвергнуты домашнему аресту. Появление такого письма свидетельствовало о том, что обстановка накалялась и общество было готово преодолеть последние страхи перед «Секуритате», нитями которой была пронизана вся румынская жизнь.

Оглядываясь назад, мы видим, что режим Чаушеску видоизменялся и прошел два этапа. Вторая половина 1960-х годов находилась под знаком определенной либерализации. Европеизм и западничество характеризовали как духовную жизнь, так и внешнюю политику.

В 1970–1980-х во внутренней политике режим Чаушеску являл собой национал-коммунистического монстра и был одновременно некой либеральной модификацией сталинизма (ибо все же физической расправы над политическими и идейными оппо-

нентами не было). При этом внешняя политика в меру гибкости дипломатии была по-прежнему ориентирована на Запад.

С самого начала и до конца своего правления Чаушеску проводил достаточно осторожную политику дистанцирования от СССР по всем направлениям, но иногда действуя весьма решительно. Так, Румыния не участвовала в подавлении Пражской весны 1968 г. и открыто осудила эту акцию. Она сохранила дипломатические отношения с Израилем, когда СССР разорвал отношения с ним после Шестидневной войны (1967). Первой из коммунистического блока Румыния признала Западную Германию (1967). В 1979 г. она выступила с осуждением ввода советских войск в Афганистан. Будучи членом Варшавского договора, она активно поддерживала Движение неприсоединения. В 1984 г. Румыния была единственной страной – членом СЭВ, которая не бойкотировала Олимпиаду в Лос-Анджелесе.

После 1968 г. Румыния демонстративно сближалась со странами Запада в военном плане. Она заключила ряд соглашений о военном сотрудничестве со странами НАТО, участвуя только в штабных учениях Варшавского договора. Полевые учения она проводила вместе с некоторыми странами Запада. Румыния также развивала сотрудничество в области производства вооружений. Восточноевропейские страны направляли своих офицеров на учебу исключительно в Москву, но Румыния в это время подготовила много офицеров на Западе. Это единственная восточноевропейская страна, которая не зависела целиком от российской военной технологии.

Румыния также наводила мосты с Западом в области экономического сотрудничества. В 1971 г. она начала сотрудничать с МВФ, а в 1980-м первой из социалистических стран заключила договоры с ЕЭС.

При этом она пользовалась режимом наибольшего благоприятствования в экономических связях с США, ибо они, как известно, проводили дифференцированную политику в отношении соцстран в зависимости от их отношения к Москве. В этом отношении Румыния была уникальна и поэтому имела большие политические и экономические преимущества на Западе перед другими странами социалистического лагеря. Насаждая внутри страны идеологию особого национального пути и поддерживая националистически ориентированные круги общества, Чаушеску видел свою цель в том, чтобы использовать Запад в качестве защиты от политического давления Москвы.

3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ 1990–2010-х годов

Правящая элита новой Румынии: Либерально-западническая и национал-патриотическая составляющие политической жизни

Особенности формирования и развития партий. Роль идеологии в политическом размежевании. Элита как замкнутая внеполитическая каста

Революция 1989 г. развернулась под лозунгами западной демократии и экономической свободы, но дальнейшие события показали, как непросто достичь желаемого. «Несколько часов экзальтации в декабре 1989 г., – ярко описывала ситуацию с “вхождением в Европу” А. Мунджиу-Пиппиди, – казалось, спасли нас от жгучей проблемы нашей идентичности... Она воплотилась в том, что до тех пор было желанием или пропагандистским клише, – в Румынии героической, прозападной, демократической, для которой ее балканская суть была только случайностью, изгнанием и незаслуженным наказанием. Однако с этих пор реальность разрушала эту иллюзию каждодневно, во время длительного и изнуряющего урока скромности, доказывая, что для такой очень простой вещи, как определение нашего места в Европе, необходимо несколько поколений напряженного труда и жертв» [Mungiu-Pippidi, 1996, p. 281].

Обобщенную и яркую картину этого времени дал М. Мачь: «В 1990 г. румынское общество выглядело как срез различных геологических эпох. Еще были живы legionеры, сторонники Карла II, поклонники короля Михая и апологеты Антонеску. Существовали адепты Георгиу-Дежа, Чаушеску и приверженцы Илиеску с памятью о “коммунизме с человеческим лицом” между 1964 и 1971 гг. Воскресли царанисты, либералы и социал-демократы. Сторонники венгерской автономии вспоминали о “третьей Европе” Габсбургов. Постмодернисты открывали Америку. Католики и греко-католики – Рим. Теософы все объясняли в символическом ключе. Националисты всюду усматривали опасность и т.д. Каждый из этих идейных лагерей имел собственную историю румынской нации, высшим и неоспоримым критерием которой являлись свидетельства очевидцев» [Мачь, 2015].

Весь период 1990–1992 гг. оценивался либералами-западниками как противостояние бывшей коммунистической элиты элите интеллектуальной, более прозападной. Первая, считали ее критики, рассматривала изменение режима как операцию по самоселекции и перераспределению командных должностей, в том числе из госаппарата в экономическую сферу [Barbu, 1996].

Западники вступили в политическую игру только после выборов 1992 г. К этому времени старая номенклатура, по их оценкам, уже отвоевывает свои прежние позиции. Значительной группой, претендовавшей на власть в начале 1990 г., была прозападно настроенная культурная элита, в том числе из эмигрантских кругов. Некоторые из ее представителей стали членами первого посткоммунистического органа власти – Совета Фронта национального спасения (ФНС). Однако интеллектуалы-западники постепенно покидали коридоры власти и вливались в ряды оппозиционных партий и движений.

Среди первых оппозиционеров, многие из которых через несколько лет также войдут в новую политическую элиту, были видные деятели политической жизни докоммунистической Румынии, а также бывшие диссиденты, быстро почувствовавшие свою несовместимость с государственной властью, представленной ФНС. К ним присоединились некоторые лидеры участников революционных событий на улицах Бухареста, Тимишоары и других городов.

Интеллектуальную элиту тогда представляли люди, имевшие доступ к спецфондам больших библиотек, учившиеся на Западе в эпоху либерализации 1960-х годов. Что касается бывших политических лидеров буржуазной Румынии, то все они были весьма преклонного возраста и вызывали порой в общественном сознании незаслуженно насмешливое отношение как ожившие «тени прошлого».

С точки зрения оппозиционных лидеров-европеистов, группа либеральных коммунистов во главе с Ионом Илиеску, первым президентом новой Румынии (1990–1996, 2000–2004), представляла консервативные (в смысле – прокоммунистические) взгляды с умеренно-националистическим уклоном. Президент подозревался в скрытых коммунистических и пророссийских симпатиях. Основанием для такого заключения было его партийно-номенклатурное прошлое, обучение в Москве и личное знакомство с Горбачёвым. Подозрительными казались и социал-демократические пристрастия президента, его инициативы по созданию левоцентристской

социал-демократической партии, где заметное место заняла бывшая партийная номенклатура.

Наиболее резкой критике со стороны либерально-европеистской оппозиции подвергся первоначальный тезис Илиеску об «оригинальной демократии», которой не нужны политические партии. Впервые этот тезис прозвучал у Илиеску в начале 1990 г., но как концепция был сформулирован в начале 1992-го, что дало оппозиции основание для очередных обвинений президента в «ностальгии по авторитаризму».

Вместе с тем, доказывал В. Пасти, с декабря 1989 по май 1990 г. (когда состоялись первые выборы) Румыния действительно прошла через стадию «оригинальной демократии». Некоторые ее черты установились именно тогда, хотя в известной мере присутствовали и в политической жизни середины 1990-х годов [Pasti, 1995, p. 152].

Недостаточная кристаллизация социальных сил осложняла стремление новых политических лидеров найти себе социальную базу, чтобы, защищая ее интересы, обеспечить себе победу на выборах. В этих условиях понятия «левые» и «правые» приобрели двойственность. Лидеры новых политических движений проявляли уклончивость, когда речь заходила о категоричном декларировании своих взглядов: все предпочитали примкнуть к центру. Даже партии явно экстремистские остерегались участвовать в политических баталиях, выставляя слишком радикальные программы.

Идеология либерально-европеистских оттенков находила понимание, прежде всего, в среде интеллигенции. Социал-демократические взгляды, выразителем которых стала группа Илиеску, имела большой резонанс в массовом общественном сознании. При этом Илиеску сразу ощутил, что популистский, национально-ориентированный дискурс близок обществу, воспитанному на национализме. Именно поэтому он, по-видимому, и пошел на коалицию с национал-экстремистами из партии «Великая Румыния» в 1990–1996 гг., хотя последнюю нельзя было заподозрить в «центризме».

Стремительное возрождение националистической риторики в политической жизни Румынии, кровью заплатившей за то, чтобы покончить с национал-коммунизмом, кажется, на первый взгляд, удивительным. Уже в начале 1990-х возникли националистические организации, заявившие о себе как о преемниках легионерского движения. Исследователи называют это явление неолегионаризмом. В качестве модели своей организации они даже брали упомянутый

«Легион Архангела Михаила» (1927). Возникает вопрос, кто же финансировал эти организации. Некоторые из них «пользовались поддержкой старых адептов легионаризма, находившихся за рубежом, или тех, кто приехал в Румынию для ведения бизнеса» [Cîrăianu, 2014, p. 15].

Старики-эмигранты с легионерским прошлым выражали надежду на возрождение движения, но вскоре стали возмущаться тем, что новые власти ассоциировали их с немецким нацизмом. В Декрете Фронта национального спасения, взявшего на себя властные полномочия после устранения Чаушеску, говорилось о свободе политических организаций, но кроме тех, кто представляет фашистские взгляды. Эта отсылка была воспринята как обращение именно к легионерам. Тогда они выступили с Декларацией, опубликованной в Мадриде в их журнале «Страна и Изгнание», где отрицалась их прошлая связь и с итальянским фашизмом, и с немецким национал-социализмом. Они отвергали также обвинения в экстремизме. Что касается еврейских погромов января 1941 г., то они тоже якобы проводились не легионерами. Речь же шла исключительно об устранении от власти Антонеску. Сам Хория Сима призывал своих сторонников к осторожности действий на территории Румынии, опасаясь новых гонений [Lixeanu, 2012].

Формальным лидером группы «Легионерское движение» после кончины Х. Симы в 1993 г. стал профессор Шербан Суру. Правда, далеко не все адепты движения признавали его лидерство, тем более что еще в 1950-е годы они распались на две враждующие группы. Последнее не помешало возникновению в новой Румынии ряда националистических организаций, таких как «Румынское действие» (во главе с племянником Корнелиу Кодряну Никадором), «За Родину», «Новые правые». Затем появились и другие, например «Движение за Румынию» Мариана Мунтяну, лидера студентов в событиях 1989–1990 гг.

Оценивая место неолегионаризма в посткоммунистической Румынии, исследователи этой темы отмечали его маргинальность: «Хотя группы такого рода и приобрели известную популярность (прежде всего среди молодежи) и даже сформулировали свои политические проекты (националистического и даже антисемитского толка), некоторые авторы расценивают посткоммунистический неолегионаризм как движение “анемическое”» [Cîrăianu, 2014, p. 15].

Это, по сути, признают и сами приверженцы легионаризма: «Анализ эволюции Легионерского Движения, а также других,

близких ему по идеологии, групп в условиях посткоммунизма позволил увидеть их широкую перспективу в зоне маргинальной, но не лишенной все же значения для румынской политической жизни» [Lixeanu, 2012].

Наиболее активной из ультранационалистических групп был «Румынский очаг». Он был образован в феврале 1990 г. и поначалу не заявлял о своей прямой связи с легионерами, но по существу таковым был в силу своей бескомпромиссности и акционизма. Именно инициаторы «Румынского очага» провоцировали антивенгерские выступления, в том числе нападение на штаб-квартиру Демократического союза венгров Румынии в марте 1990 г. Апофеозом усиливавшихся беспорядков тогда стали кровавые столкновения между румынами и венграми в Тыргу-Муреш 21 марта 1990 г.

«Румынский очаг» явился предтечей националистической Партии национального единства румын (ПНЕР), появившейся в 1992 г. В 1992–1996 гг. эта партия даже входила в правящую коалицию. Ее лидер Г. Фунар на протяжении многих лет был мэром самого большого города Трансильвании – Клуж-Напоки. Однако, потеряв много голосов на выборах 1996 и 2000 гг., многие из руководителей ПНЕР один за другим перешли в партию «Великая Румыния», которая выросла из одноименного издания – газеты «Ромыния маре» (Великая Румыния), главный редактор которой Корнелиу Вадим Тудор и возглавил эту партию.

На протяжении многих лет партия «Великая Румыния» занимала видное место в политической жизни страны, а в 1990-е имела собственную фракцию в парламенте.

Первоначально партия финансировалась из-за рубежа миллиардером румынского происхождения Иосифом К. Дрэганом (1917–2008), еще в довоенный период разделявшего идеи «Железной гвардии».

Корнелиу Вадима Тудора (1949–2015), журналиста с философским образованием, в свое время считали придворным поэтом четы Чаушеску. После свержения Чаушеску Тудор активно включился в политику, выражая крайне националистические взгляды. При этом он славился языком, который не имел ничего общего с нормальной политической лексикой из-за скандальности и оскорбительности выражений. Вместе с тем это был человек, без сомнения, очень яркий. Он сумел собрать вокруг себя команду, которая долгое время играла не последнюю роль в политической жизни страны. Сам Тудор был и сенатором, и европарламентарием, но

пиком его карьеры стало выдвижение в 2000 г. на пост президента Румынии и выход во второй тур президентских выборов.

Пока националистический дискурс пробивал себе дорогу в общественной и политической жизни, европеизм также все более формировался как политический и культурный тренд. Выборы 1996 г., на которых победил лидер оппозиции Эмиль КонстантINESКУ (1996–2000), впервые показали тот вес, который удалось приобрести прозападной оппозиции и новым социальным силам, находившимся пока в эмбриональной фазе развития. Победа либерала КонстантINESКУ (причем очень незначительная) объяснялась, в первую очередь, «эффектом ожидания». Ученый-геолог, университетский профессор, внешне он был воплощением абсолютного интеллигента и прямо ассоциировался в представлениях публики с вхождением страны в «круг цивилизованных стран Европы». Правда, при КонстантINESКУ из-за реформ по типу шоковой терапии в стране чуть было не случился экономический и политический коллапс, несмотря на солидные западные вливания.

Все президентские команды и после 2000 г. были твердо ориентированы на Запад. Смысл же политической борьбы сводился в основном к противостоянию элит, выражавших более или менее центристские взгляды. Вопрос «Запад или Восток» не стоял жестко на повестке дня. Что касается националистической и популистской риторики, то по мере надобности ее использовали и те, кто заявлял о своих социал-демократических пристрастиях, и те, кто числил себя правым либералом.

Находясь в оппозиции в период 1996–2000 гг., Партия социальной демократии Румынии сохранила за собой значительное число мест в парламенте. Социал-демократические взгляды левоцентристского толка, которые выражала программа этой партии, по-прежнему привлекали большую часть румынского электората.

В отличие от праволиберальных политиков лидеры ПСДР имели прочные позиции в румынском обществе. С одной стороны, вокруг них сгруппировались, как это стало очевидным позже, самые влиятельные и процветающие олигархические группы, а с другой – их риторику поддерживали бедные слои общества и представители местных элит.

В результате президентских и парламентских выборов 2000 г. к власти снова пришел Ион Илиеску, а Партия социальной демократии Румынии из парламентской оппозиции вернулась на арену политической жизни как самая влиятельная политическая организация страны.

ПСДР, образовав блок «Социал-демократический полюс», шла на парламентские выборы общим списком с двумя небольшими, но «историческими» партиями схожей ценностной ориентации – Румынской социал-демократической партией и Гуманистической партией Румынии (наследницей «исторической» Консервативной партии).

Выборы-2000 продемонстрировали не только провал праволиберальной политики. Неожиданно мощную поддержку избирателей получила националистическая партия «Великая Румыния» и ее лидер Корнелиу Вадим Тудор, о чем упоминалось ранее.

Взывая к национальным чувствам и отличаясь крайностью суждений, Тудор в то время даже отрицал Холокост. Его оппонентов просто шокировали заявления вроде таких, как «Мы будем расстреливать воров из пулеметов на стадионах», «Правительством Румынии управляет венгерский жид Джордж Сорос из США». В предвыборной кампании 2000 г. Тудор открыто апеллировал к антивенгерским, антицыганским и антисемитским чувствам избирателей, но главным лозунгом было включение Бессарабии в состав Румынии. Правда, кроме националистических лозунгов Тудор сконцентрировал свое внимание на обличении коррупции и борьбе с бедностью, что также привлекло к нему значительный электорат. Получив 28,34% голосов избирателей, он легко вышел во второй тур президентских выборов вместе с Илиеску.

Согласно социологическим опросам, ксенофобские, националистические и даже расистские настроения достаточно распространены в румынском обществе, но такой успех все же был неожиданным. Он вызвал большую озабоченность как левоцентристской, так и праволиберальной румынской общественности. Но Тудору все же не суждено было стать президентом.

После выборов 2000 г. левоцентристская Партия социальной демократии Румынии оказалась самой большой и влиятельной политической силой в стране, но даже в блоке с Румынской социал-демократической партией и Гуманистической партией она не имела большинства в парламенте. Положение усугублялось тем, что все другие партии (за исключением партии «Великая Румыния») считали себя праволиберальными. Тем не менее ПСДР удалось подписать протоколы о сотрудничестве с Демократическим союзом венгров Румынии (ДСВР) и Национал-либеральной партией, но договоренности эти были весьма хрупкими.

Уже в апреле 2001 г. Национал-либеральная партия выступила против принятия бюджета и фактически отказалась от своих

обязательств перед ПСДР. Бюджет был принят только потому, что его поддержала националистическая партия «Великая Румыния», оказавшаяся в парадоксальном союзе с Демократическим союзом венгров Румынии, представляющим исключительно интересы венгерского меньшинства.

Вскоре руководство ПСДР предприняло политический ход, имевший для нее важное стратегическое значение. 16 июня 2001 г. было объявлено о слиянии Партии социальной демократии Румынии с небольшой Румынской социал-демократической партией. Эта партия не была очень сильной и в довоенное время, но она входила в парламент и имела заметное влияние на политическую жизнь того времени. После своего возрождения в 1990-е годы РСДП стала членом Социалистического интернационала и Европейской социалистической партии.

Такой имидж был очень полезен для укрепления авторитета и влияния Партии социальной демократии Румынии в условиях весьма неустойчивого парламентского большинства. В результате слияния ПСДР и РСДП была образована Социал-демократическая партия (СДП), что отвечало программе ПСДР и ее стремлению выглядеть респектабельно в общеевропейском контексте.

После прихода к власти социал-демократов в румынской экономике наметились положительные сдвиги, но произошли они благодаря не только смене президентской команды, но и значительно усилению западной помощи.

Следующие президентские выборы (2004) оказались самыми непредсказуемыми и драматичными со времени падения коммунистического режима. Ион Илиеску в них уже не участвовал¹. На них с минимальным перевесом победил представитель либеральной оппозиции Траян Бэеску. Благодаря активной хозяйственной деятельности на посту мэра Бухареста и яркой популистской риторике он привлек большое количество избирателей. Бэеску получил 51,2% голосов электората, представляя Демократическую партию, накануне выборов вошедшую в альянс «Справедливость и правда» с Национал-либеральной партией. Соперником Бэеску был действовавший тогда премьер-министр и председатель Социал-демократической партии А. Нэстасе. Перевес Бэеску был столь минимальным, что Нэстасе пытался его оспаривать, но победа осталась за бывшим мэром.

¹ Согласно Конституции, на посту президента нельзя находиться более двух сроков. – *Прим. авт.*

Новый альянс праволиберальных сил, как и правая оппозиция 1996–2000 гг., оказался непрочным. Демократическая партия, позиционировавшая себя как социал-демократическая, не могла долго сотрудничать с либералами. К тому же в соответствии с предвыборным соглашением на пост премьера президент назначил председателя Национал-либеральной партии К. Попеску Тэричану. С самого начала отношения их не сложились. Конфликт во многом был вызван тем, что Бэеску хотел лично контролировать работу правительства.

Открытое противостояние между президентом и премьер-министром вылилось в первые месяцы 2007 г. в серьезный кризис политической системы: президенту решением обеих палат парламента 19 апреля того же года был объявлен импичмент. За это решение проголосовали не только оппозиционные партии, но также и ряд депутатов из Национал-либеральной партии и Демократического союза венгров Румынии, которые входили в правительственную коалицию.

Бэеску навлек гнев и страх правящей элиты рядом бескомпромиссных и неосторожных действий: вскоре после избрания президент подписал указ о создании Национального управления по борьбе с коррупцией, задачей которого было расследование фактов коррупции в высших эшелонах власти.

Главным организатором интриги с импичментом, по версии наблюдателей, был новый председатель СДП Мирча Джоанэ, который рассчитывал, что эмоциональный Бэеску еще до объявления импичмента подаст в отставку, и будут объявлены новые президентские выборы. Расчет оппонентов, однако, не оправдался. В последний момент Бэеску согласился на всенародный референдум, предусмотренный Конституцией в случае отстранения президента от власти парламентом. Такой референдум состоялся, и избиратели вернули своего любимца в президентское кресло: около 70% голосовавших высказались против импичмента.

История с президентским импичментом 2007 г. показала не только действенность демократических институтов румынского государства. Как левые, так и правые силы объединились тогда против президента, опасаясь, в том числе, за свой статус и личное благополучие. Тенденция превращения верхнего слоя румынских политиков в замкнутый деидеологизированный класс проявилась в этой истории в полной мере.

Новым обстоятельством румынской политической жизни стало то, что в 2008 г. националистическая партия «Великая Ру-

мыния» не прошла в парламент. С националистами это случилось впервые за весь посткоммунистический период и именно тогда, когда Румынию в 2007 г. уже приняли в Евросоюз, а представители ПВР вошли в Европарламент. Судя по всему популистская риторика Либерально-демократической партии, поддерживавшей «народного» президента страны Т. Бэеску, была положительно воспринята традиционным электоратом партии «Великая Румыния».

В 2008 г. снова пришлось формировать правящую коалицию, но ее наполнение оказалось совершенно иным: она объединила две равновеликие, но во многом противоположные силы. 14 декабря 2008 г. было подписано коалиционное соглашение «Партнерство ради Румынии», предусматривавшее создание союза из непримиримых оппонентов – левоцентристских социал-демократических и праволиберальных сил. Результатов такого «союза» недолго пришлось ожидать. В октябре 2009 г., накануне президентских выборов, Румыния оказалась фактически без правительства.

Несмотря на неустойчивость своего положения, на выборах-2009 «народный» президент Т. Бэеску победил своего оппонента – председателя Социал-демократической партии М. Джоанэ, но с перевесом приблизительно в 1% голосов. В связи с такими результатами снова, как и в 2004 г., сложилась скандальная ситуация, ибо Джоанэ результаты выборов оспаривал. После пересчета голосов Конституционный суд все же признал победу действующего президента.

В состав последующей правящей коалиции вошли три политические партии – Либерально-демократическая партия (ЛДП) (продукт тактических манипуляций команды Бэеску) во главе с премьер-министром Э. Боком, Демократический союз венгров Румынии и Национальный союз за прогресс Румынии. Ведущую роль в ней играла ЛДП.

Второй срок президентства Бэеску совпал с мировым экономическим кризисом. Власти пришлось принимать жесткие меры экономии. Кризис ударил по Румынии сильнее, чем по другим странам Восточной Европы. Улицы наполнялись протестующими многократно.

В январе 2012 г. страну охватили массовые протесты против намеченной реформы здравоохранения. Протестующие требовали отставки президента и правительства. В результате правительство Э. Бока, поддерживающее президента, ушло в отставку. В феврале 2012 г. левоцентристская Социал-демократическая партия и праволиберальная Национал-либеральная партия сформиро-

вали странный, если иметь в виду их идеологические постулаты, альянс «Социал-либеральный союз», занявший большинство мест в парламенте. Этот союз в мае 2012 г. утвердил нового премьер-министра – социал-демократа Виктора Понту.

С этого момента начались новые разногласия: между новым премьером и парламентом, с одной стороны, и президентом и его командой – с другой. В 2012 г. «Социал-либеральный союз» обвинил Траяна Бэеску в нарушении конституции, ущемлении прав граждан и создании помех для нормальной работы правительства.

6 июля 2012 г. парламент Румынии снова вынес Траяну Бэеску импичмент. И снова был назначен референдум. Незадолго до этого Бэеску призвал граждан к бойкоту референдума. За импичмент проголосовало 87% проголосовавших, но в результате недостаточной явки (46%) референдум был признан недействительным. Президент получил право вернуться к исполнению своих обязанностей.

Несмотря на все экономические и политические сложности, Бэеску удерживал власть в течение положенных ему десяти лет. Не последнюю роль в этом сыграла популистская составляющая его риторики. При этом Бэеску проявил себя и как человек дела, готовый служить своей родине до последнего. Имидж правдолюбца и «своего парня», который в любых обстоятельствах может рубить правду-матку, Бэеску создал и на международной арене.

За годы президентства Траяна Бэеску Румынии удалось максимально приблизиться к Западу (2004 – вступление в НАТО, 2007 – вступление в Евросоюз). Но самой характерной чертой правления Бэеску стала демонстрация полнейшей лояльности политике Вашингтона. Румыния преуспела в этом отношении даже более других восточноевропейских соседей. Бэеску отличался и особо демонстративной антироссийской риторикой. Смелые геополитические импровизации Бэеску становились порой скандальным хитом мировых СМИ.

Описанные события в очередной раз показали, что элита Румынии, несмотря на разные политические предпочтения входящих в нее групп, представляет собой достаточно замкнутую однородную касту. При этом после 2000 г. националистический дискурс, хотя и использовался в прагматических целях либералами и социал-демократами, сам по себе уже не был популярным на политическом олимпе.

Тем не менее партия «Великая Румыния», хотя и теряла свои позиции, продолжала пользоваться поддержкой определенной

части общества. Поддержав лозунг «Европа наций», ПВР установила тесные связи с французской ультраправой националистической партией «Национальный фронт» во главе с Жаном-Мари Ле Пеном¹. После вхождения Румынии 1 января 2007 г. в Евросоюз благодаря ПВР количество праворадикальных депутатов в Европарламенте увеличилось на шесть человек, что позволило европейским националистам в тот момент создать самостоятельную фракцию. Вскоре, правда, Европарламент лишился этой фракции, ибо в ноябре 2007 г. ее покинули именно румынские депутаты.

Этот шаг они совершили в знак протеста против заявления коллеги по фракции, внучки Бенито Муссолини – Александры Муссолини, резко отреагировавшей на зверское убийство итальянки, совершенное в Риме гражданином Румынии цыганского происхождения, что вызвало всплеск антирумынских настроений среди итальянцев. Хотя фракции праворадикалов в Европарламенте больше не стало², однако связи и поддержка партии «Великая Румыния» со стороны европейских праворадикалов оставались. ПВР продолжала поддерживать тесную связь с французским «Национальным фронтом». На частичных выборах в европарламент, проходивших в Румынии вскоре после этих событий, ПВР не получила ни одного места. Правда, на выборах в европарламент 2009 г. она получила 8,65% голосов, получив три мандата.

Идеология партии «Великая Румыния» никогда не была абсолютно чуждой прозападным кругам румынского истеблишмента. Мы упоминали о коалиции с ПВР Партии социальной демократии в 1992 г., с самого начала позиционировавшей себя в качестве силы социал-демократической. Позже, в 2003 г., праволиберальные партии – Национал-либеральная и Демократическая – заключали союз с Корнелиу Тудором, чтобы также воспользоваться его популярностью.

К 2004 г. Тудор перестает выступать с резкими антисемитскими лозунгами и в том же году получает из рук тогдашнего президента И. Илиеску орден «Звезда Румынии» за «заслуги в области

¹ В 2002 г. на выборах президента Франции Ле Пен вышел во второй тур, набрав 16,86% голосов. В первой половине 2000-х годов «Национальный фронт» по результатам парламентских и муниципальных выборов являлся третьей по значимости партией Франции. – *Прим. авт.*

² Согласно регламенту Европарламента, для образования политической фракции необходимо, по меньшей мере, 20 депутатов. После ухода румынских парламентариев у фракции «Самобытность, традиция, суверенитет» осталось лишь 15 мандатов. – *Прим. авт.*

культуры». В ответ на это американский писатель и выходец из Румынии, лауреат Нобелевской премии мира Эли Визель, который возглавлял тогда Международную комиссию по изучению Холокоста в Румынии, вернул в знак протеста эту же награду румынскому президенту.

После вступления Румынии в НАТО (2004) и Евросоюз (2007), когда общество охватила эйфория ожидания скорого преодоления всех бед, в первую очередь экономических, интерес избирателей к риторике партии «Великая Румыния» все более угасал.

На президентских выборах 2004 г. Тудор оказался на третьем месте, получив 12,57% голосов. На президентских выборах 2009 г. он был четвертым с 5,56%. На выборах 2014 г. Тудор получил лишь 3,68%. На парламентских выборах 2008 г. партия «Великая Румыния» не смогла преодолеть 5%-ный электоральный барьер, и ее представителей не оказалось в парламенте.

Что стало с электоратом Тудора? У экспертов было предположение, что политический дискурс Демократическо-либеральной партии, поддерживавшей «народного» президента Траяна Бэеску, положительно воспринял традиционный электорат партии «Великая Румыния». Бэеску своей крайне популистской и одновременно яркой обличительной риторикой, судя по всему, привлек к себе часть электората Тудора. А идеи воссоединения с Бессарабией, которые были главным козырем Тудора, стали частью предвыборных деклараций Бэеску. В 2012 и в 2016 гг. ПВР снова не преодолела избирательный порог и не стала парламентской партией.

После вступления Румынии в Евросоюз партия «Великая Румыния» и ее «трибун» (так называли Тудора приверженцы) явно смягчают свою риторику. Теперь доктрину партии стали называть «просвещенным национализмом». Внутри же партии началась турбулентность из-за неудач на выборах. 2013 год был обозначен скандалом, до того невиданным. 15 июня 2013 г. на экстренном заседании Национального совета ПВР Тудор был отстранен от должности председателя, затем лишен членства в партии. Временно исполняющим обязанности председателя был избран Г. Фунар, бывший председатель Партии национального единства Румынии, вошедшей в ПВР. Однако Тудор, тогда еще и европарламентарий, обратился в суд, который постановил возратить ему партийные полномочия.

Причиной увольнения было названо жесткое отношение к своим соратникам, а также абсолютное равнодушие к европейской позиции партии, из-за чего, полагали оппоненты Тудора, партия «Великая Румыния» оказалась в политическом вакууме.

Тудор считал себя незаменимым и единственным председателем ПВР, проводя бескомпромиссную кадровую политику. За предшествовавшие годы Тудор сумел удалить из руководства многих известных деятелей, кто намеривался поменять или скорректировать программные установки партии. Наиболее громким был уход политика Корнелиу Чонту, которого считали лицом наиболее близким и доверенным Тудору. С ним ушли еще несколько видных членов партии. После ухода Чонту Тудор выступил в своем привычном амплуа: с рядом оскорбительных характеристик бывшего коллеги, назвав его невежественным, неграмотным и т.д.

Было очевидно, что партия испытывает трудности, ее состояние можно было бы назвать кризисным. Часть бывших членов ПВР (Х. Шерб, В. Власин, В. Морару) в феврале 2015 г. стали соучредителями нового политического формирования националистической направленности – партии «Единая Румыния», которую характеризует абсолютный радикализм. Однако как и ПВР она не смогла преодолеть электоральный порог на парламентских выборах 2016 г. Инициатором же ее образования был бывший депутат парламента, член социал-демократической фракции Богдан Дьякону. Вот такая очередная метаморфоза!

В сентябре 2015 г. Корнелиу Вадим Тудор неожиданно ушел из жизни. Его приверженцы говорили, что сердце «трибуна» не выдержало из-за травли общества и внутрипартийных интриг и что он, таким образом, отдал свою жизнь за спасение румынского народа от воров и злоумышленников как внутренних, так и внешних.

Даже уход Тудора из жизни стал событием скандальным: здесь присутствовал черный юмор и мрачный карнавал. СМИ сообщали, что «почти все венгры Румынии, а также многие проживающие за ее пределами прибыли на кладбище Генча, чтобы удостовериться в долгожданном уходе из жизни Вадима» [2 milioane..., 2015]. Репортеры сообщали, что интервьюированные говорили: «Мы радуемся больше, чем если бы вы нам вернули Ардял». После кремации венгры якобы устроили фейерверк [там же].

Даже на официальном уровне Тудор, уйдя в мир иной, оказался в скандальной ситуации. Поскольку лидер ПВР был членом Сената, семья обратилась с просьбой организовать прощание с ним в холле здания Сената. Ей отказали, что вызвало многочисленные комментарии в СМИ. Один из них – в газете ПВР «Триколорул» – был озаглавлен «Осужден посмертно».

В последний год жизни Тудор, оставив кресло евродепутата, искал новые способы выживания себя и партии. В конце 2014 г., когда президентом Румынии уже был избран Клаус Йоханнис, Тудор предпринимает неожиданную инициативу в поисках сближения с российским политическим истеблишментом. Через российского посла в Бухаресте О. Мальгина он передает подарок для российского президента – книгу 1777 г. издания из собственной библиотеки «Эссе о коммерции в России» (на французском языке). В это же время Тудор начинает публикацию статей, в которых обличает американцев в том, что они препятствуют сближению Румынии и России, ставя тем самым под удар суверенитет его страны [Epure, Aberația..., 2014; Epure, Vadim., 2014].

Пост председателя партии после кончины Тудора занял генерал Эмиль Стрэину, известный не только крайне националистическими взглядами, но и мистическими наклонностями: генерал был известен своим увлечением паранормальными явлениями, верил в сглаз и черную магию. Стрэину также утверждал, что есть веские аргументы, чтобы подозревать иностранные государства, как Россию, так и Запад, в скрытой электронной войне против Румынии. Именно вследствие таких действий, как он думал, природные катаклизмы (наводнения, обильный снег в Бухаресте и т.д.) время от времени охватывают Румынию. Стрэину подозревал также, что на территории страны живут таинственные инопланетяне, от которых неизвестно, чего ждать. Генерал, однако, недолго возглавлял партию: в марте 2016 г. он ушел с этого поста и отказался от политической карьеры. Однако избрание подобной странной и экстравагантной личности, хотя и на короткий срок, определенно свидетельствовало о партийном кризисе.

Следующим председателем, но уже с формулировкой временно исполняющего обязанности, стал Адриан Попеску, старейший член партии, медик по образованию, бывший председатель отделения ПВР в уезде Вранча. В интервью, которое уважаемый Попеску дал телевидению накануне парламентских выборов декабря 2016 г., он почти исключительно говорил о социально-экономических вопросах. Все высказывания были взвешены: никакой театральности, эмоций, тем более оскорблений. Сдержанность, жалобы на политические интриги, из-за которых с 2008 г. партия не является парламентской, – вот тон интервью.

Идеологическая часть рассуждений сводилась только к защите суверенитета страны и благу румынского народа. Даже венгров он призвал голосовать за ПВР, ибо как граждане Румынии они

могут рассчитывать на поддержку партии «Великая Румыния». Вместе с тем как и предыдущий председатель он коснулся ситуации, которая возникнет, «если русские придут». Правда, это выглядело как нечто дежурное. В мягкой форме он сетовал, что Румыния похожа на героиню бесконечного телесериала о невзгодах, виновниками которых являются внутренние воры и экономические разбойники, а, следовательно, – не патриоты, а также заинтересованные силы за рубежом и их политические пособники внутри страны [Adrian Popescu, 2016].

Как уже упоминалось, парламентские выборы декабря 2016 г. ПВР снова проиграла, хотя накануне было объявлено о ее предвыборном альянсе с небольшой Партией народа, образованной в 2011 г. В настоящее время руководство ПВР находится в состоянии внутренней борьбы, на ее арену вступила и дочь Тудора Лидия. В 2017–2019 гг. она исполняла обязанности пресс-секретаря партии, но вышла из партии, обвинив руководство в неправильной политике и предательстве идей отца.

Сегодня, по-видимому, уже нельзя рассматривать ПВР как сплоченную политическую силу. Ее лидеры находятся в поиске и выясняют отношения. Встраиваясь в общеевропейский контекст, они все больше отказываются от крайностей, подчеркивая необходимость практической деятельности «для блага румынского народа».

Надо еще раз подчеркнуть, что за исключением все же солидной партии «Великая Румыния» новые националистические группировки, заявляющие о своем радикализме, не имеют массовой поддержки в обществе, как это было с их предшественниками в межвоенный период. Оценивая место таких формирований в посткоммунистической Румынии, исследователи пишут об их маргинальности. Это, по сути, признают и сами приверженцы нового легионаризма: «Анализ эволюции группы “Легионерское движение”, а также других, близких ему по идеологии, объединений в условиях посткоммунизма позволило увидеть их широкую перспективу в зоне маргинальной, но не лишенной все же значения для румынской политической жизни» [Lixeanu, 2012].

Сегодня экстремистские группы держатся на расстоянии от публичных политических дебатов: «неофашизм проявляет себя в зоне румынского андеграунда, пытаясь возродить традиции легионаризма» [Ideologii., 2012]. Группировки «Новые правые», «Железная гвардия» или «Легионерское движение», продвигающие идеи легионаризма, отмечают аналитики в Румынии, следует рассматривать лишь как некую субкультуру [там же].

Однако эта «субкультура», несмотря на относительно небольшой круг приверженцев, временами проявляет себя весьма активно в публичном пространстве. Конечно, это не мощные марши «Железной гвардии» межвоенного периода, но стилистика сходная. В связи с этим нельзя не остановиться подробнее на группе «Новые правые», образовавшейся в 2000 г. Она ведет свое происхождение от Ассоциации «Христианский форум – Университетская площадь¹», затем переименованной в Христианский форум «Новые правые». В 2007 г. формирование было зарегистрировано как Ассоциация «Новые правые». Но в 2015 г. организация стала политической партией с числом членов около 1500 человек. Ее эмблемой стал Кельтский крест, что напоминает символику «Железной гвардии». Партия прямо поддерживает доктрину легионеров, кумиром ее членов является лидер железногвардейцев Корнелиу Зеля Кодряну.

Так же как и легионеры «Железной гвардии» «Новые правые» проповедуют национализм, опираясь на православные догматы, они ненавидят цыган, выступают против однополых браков, аборт. Они отрицают коммунизм, глобализацию, они против НАТО и Евросоюза. Им претят браки между представителями разных рас и национальностей. Они – за традиционные семейные ценности. Марксизму и капитализму они, как и их кумиры из «Железной гвардии», противопоставляют идеи «социальной справедливости».

В разных частях страны «Новые правые» организуют марши с антиевропейскими и антиглобалистскими лозунгами, активно участвуют в мероприятиях европейских организаций правонационалистического толка.

¹ Университетская площадь Бухареста имеет символическое значение для румынской политической жизни. Именно здесь, в ночь с 21 на 22 декабря 1989 г., пошатнулись устои коммунистического режима. Позже здесь же состоялась знаменитая «голаниада» – акция гражданского неповиновения, начатая 22 апреля 1990 г. студентами и профессорами Бухарестского университета. Основным требованием участников было запрещение бывшим членам компартии участвовать в первых демократических выборах 20 мая 1990 г. Для манифестантов новая власть и ее лидер Ион Илиеску олицетворяли неокommунизм. Постепенно количество манифестантов возросло до 30 тыс. человек Илиеску назвал протестующих «golani», что можно перевести как «хулиганы», «бездельники». Электорат, напуганный «возвращением капиталистов», 20 мая все же проголосовал за Илиеску. Акция, однако, продолжалась и завершилась 13–15 июня 1990 г. кровопролитием из-за вмешательства шахтеров, призванных властями из бассейна Валя Жиулуй. – *Прим. авт.*

Во внутривластическом плане «Новые правые» выражают протест против идеи венгерской автономии. Очень широкий резонанс в Румынии имел организованный «новыми правыми» в 2008 г. марш «нормальности» – контрманифестация, направленная против парада геев в Бухаресте. Марш был раскритикован в румынских СМИ, но акции подобного рода продолжались в последующие годы. В июне 2017 г. вместе с «Новыми правыми» в ней участвовали и представители партий «Великая Румыния» и «Единая Румыния».

Сайт «Новых правых» транслирует не только неприятие людей иных рас и национальностей, он целенаправленно проводит идеи антисемитизма, публикуя соответствующие статьи периода между двумя мировыми войнами. Особое значение для движения имеет личность поэта, классика румынской литературы Михая Эминеску (1850–1889), в наследии которого есть статьи националистического и антисемитского характера. Многие материалы сайта проповедуют теории заговора. Даже события 11 сентября в Нью-Йорке трактуются, исходя из конспиративных домыслов.

В 2017 г. политическая сцена Румынии разнообразилась новым альянсом – альянсом праворадикальных националистических сил. Альянс назвали «Блоком национальной идентичности в Европе», он объединил партию «Великая Румыния», партию «Новые правые», а также частично членов партии «Единая Румыния». Таким образом, правые радикалы продолжили поиски способов возрождения своих позиций и усиления своего влияния в румынском обществе. Поиски новых способов политического возрождения в 2010-х годах, не привели, однако, националистов к достижению желаемых результатов.

Хотя радикалы не имеют гласной поддержки со стороны властных структур, осторожная политика последних тем не менее направлена на собирание исторических земель. В этом политические декларации радикалов и практическая деятельность центральной власти совпадают. Массовая раздача румынских паспортов румынам и молдаванам, проживающим в Молдавии и в Украине, недвусмысленно свидетельствует об этом. Из государственного бюджета Румынии на поддержку румынской диаспоры за рубежом постоянно выделяются солидные средства, что в сопредельных с ней странах расценивается как поддержка идей «Великой Румынии». У аналитиков за рубежом вызывает опасение тот факт, что в Румынии действует разработанная МИДом «Стратегия развития отношений с этническими румынами за границей». «Для контроля над осуществлением данной стратегии учрежден Межминистер-

ский комитет поддержки заграничных румын, опекаемый политиками высокого ранга. Благодаря своему членству в ЕС, Бухарест умело лоббирует свои интересы...» [Гулевич., 2010].

Этот комитет, по сути, проводит политику, направленную на объединение Румынии и Молдавии под эгидой гражданской платформы «Действие 2012» («Actiunea 2012»). Платформа, объединяющая преимущественно молодежные организации, имеет свои филиалы не только в Румынии, но и за рубежом. Она организует мероприятия, направленные на лоббирование объединения Молдавии и Румынии, что вызывает беспокойство в силовых структурах Молдавии. Так, в 2015 г. лидер платформы Г. Симион был выслан из Молдавии без права въезда в страну в течение пяти лет.

Под названием «Новые правые» действует аналогичная организация и в Республике Молдова. Она имеет здесь разветвленную сеть уездных филиалов и отделений. Организация ввиду своего радикализма и связей со своим аналогом в Румынии находится в сфере внимания молдавских силовых структур. Так, СМИ сообщали, что 19 декабря 2014 г. был произведен обыск в офисе «Национал-христианского движения – Новые правые». Уголовно-процессуальные мероприятия проводились в рамках уголовного дела по ст. 346 «умышленные действия, направленные на разжигание национальной, этнической, расовой или религиозной вражды, дифференциации или розни» и ст. 287 «хулиганство». В ходе обысков были конфискованы флаги, книги, документы, а также изъяты компьютеры лидеров движения Серджиу Лашку и Георгу Бузу. Накануне, 26 ноября, молдавские силовики заявили, что сорвали планы «по насильственному захвату власти» [Молдавские., 2014].

2014-й год стал для румынской политической элиты новой страницей ее новейшей истории, и это связано с личностью нового президента. Впервые им стал немец из трансильванских саксов и мэр небольшого трансильванского города Сибиу, представитель религиозного меньшинства, протестант-лютеранец, Клаус Йоханнис. Выборы состоялись 14 ноября. Эта новость потрясла многих и румынских, и зарубежных аналитиков. Румынские граждане, которые по социологическим оценкам весьма склонны к националистическим настроениям, избрали президентом этнического немца.

Сразу же после избрания главной проблемой Йоханниса эксперты сочли взаимодействие с политическими элитами. «Человек без компромата», как его называли СМИ, должен был столкнуться с серьезными проблемами, встраиваясь в скандальную среду бухарестской коррумпированной элиты, полагали комментаторы.

Йоханнис же, сдержанный и лаконичный, сразу же заявил, что перемены, которых от него ждут, могут привести к результатам, но только условием этого является труд каждого гражданина. Задачей же номер один внутри страны он сразу же назвал борьбу с коррупцией, которая должна привести, как он выразился, к «санации политической элиты». Бэеску, как мы видели, также боролся с этим злом, но Йоханнис действовал одновременно и более осторожно, и более бескомпромиссно.

Уже после избрания Йоханниса возникла ситуация, которая снова показала: сплоченность элит независимо от их политических пристрастий перед опасностью потери своего статуса остается весьма значительной. Так, Палата депутатов в июне 2015 г. отклонила запрос Национального антикоррупционного управления о начале уголовного расследования в отношении экс-премьера В. Понты. Клаус Йоханнис расценил результаты этого голосования как безответственность и неуважение граждан страны.

Все сферы жизни Румынии: политика, армия, бизнес, спорт, здравоохранение, образование, по оценкам экспертов, пронизаны коррупцией. Бичом всей системы общественного устройства является коррупция политическая – покупка голосов, привилегий, мест в избирательном списке для достижения частного интереса. Именно здесь происходит соединение и взаимодействие политики с крупным бизнесом и даже влияние на судебную систему. «Наиболее распространенными формами политической и избирательной коррупции в посткоммунистические годы являются злоупотребление материальными и людскими ресурсами государственных учреждений в политических / избирательных целях, расточительное распределение государственных денег правящей партией; взятки на выборах и незаконное финансирование избирательных партий / кампаний за незаконные будущие выгоды» [Matuița, 2017, p. 44]

Масштабы и глубина проникновения коррупции столь велики, что заставляют говорить о ней, как о некой цивилизационной черте, присущей так называемому «балканизму». Даже повседневная жизнь румын устроена таким образом, что взяточничество и коррупция выглядят обыденно и естественно, как норма жизни. Так, железнодорожный или театральный билет покупать совсем не обязательно: любой контролер с пониманием отнесется к безбилетнику, получив небольшое подношение и не чувствуя какого-либо неудобства. И в этом есть, безусловно, какой-то восточно-балканский колорит.

Борьба с коррупцией в Румынии, как и других странах, находящихся в состоянии транзиции, представляет особую сложность, ибо «во многих случаях феномен коррупции превалирует над способностью государства противостоять ей» [Radu, 2010].

Венгерский исследователь А. Сайо писал: то, что считают коррупцией в Центральной Европе, на самом деле – «сервилизм – комплексная, почти феодальная система патронов и подчиненных, что, оказывается, труднопреодолимо» [цит. по: Radu, 2001]. И здесь есть большая доля истины. По сути, борцы с коррупцией сталкиваются с сущностными, цивилизационными особенностями, которые с трудом поддаются внешней коррекции. Именно эндемическую коррупцию наряду с прочим Евросоюз ставит в вину Румынии, не принимая страну как в Шенген, так и в зону евро.

Тем не менее за последние годы Румынии все же удалось в этой области достичь заметных результатов. В 2002 г. (отчасти под давлением Евросоюза) была создана Национальная прокуратура по борьбе с коррупцией, преобразованная в 2005–2006 гг. в Национальное антикоррупционное управление (НАУ)¹. Но реальные успехи этого органа были достигнуты лишь после того, как во главе его в мае 2013 г. встала Лаура Кодруца Кёвешу.

Результативную деятельность НАУ высоко оценило гражданское общество. Свидетельством этого стали массовые уличные антикоррупционные выступления 2017–2018 гг. Первыми были демонстрации в январе 2017 г., через несколько дней после принятия присяги социал-демократическим правительством под руководством Сорина Гриндяну. Это была реакция общества на намерение правительства внести поправки в Уголовный кодекс с целью декриминализации ряда статей, по-новому сформулировать понятие «превышение полномочий». Цель – увести от ответственности ряд лиц из высшего эшелона власти.

Новая волна митингов началась, когда был принят закон, ограничивающий независимость судов. В воскресенье 26 ноября 2017 г. в Бухаресте прошли новые масштабные акции протеста. К антикоррупционным лозунгам добавились и экономические требования. В СМИ фигурировала численность в 45 тыс. участников. Эти акции поддержали и другие большие города Румынии.

Волна протестов усилилась после встречи Нового года. 15 января 2018 г. премьер Михай Тудосе подал в отставку, но новый премьер не сразу был назначен. На этом фоне десятки тысяч жи-

¹ Direcția Națională Anticorupție (DNA).

телей Румынии снова вышли на улицы. На дворе было 20 января 2018 г., и это была уже третья волна массовых протестов. СМИ свидетельствовали: в Бухаресте митингующих оказалось около 70 тыс. человек, включая специально приехавших из других регионов. Менее крупные демонстрации прошли еще в 20 городах. 29 января премьер-министром, наконец, была утверждена Виорика Дэнчилэ.

Что послужило поводом к новым демонстрациям? Невзирая на акции протеста в конце ноября 2017 г., парламент по инициативе правящих сил – АЛД (Альянс либералов и демократов) и Социал-демократической партии – принял законы, ограничивавшие полномочия прокуроров при расследовании дел по статьям о коррупции. Румынская оппозиция заявляла, что подобные изменения в правовой системе превратят судебные органы Румынии в инструмент политического давления. Евросоюз поддержал требования демонстрантов, поэтому о разгоне митингующих с помощью полиции речи быть не могло.

Антикоррупционные митинги вызвали замешательство и страх во властных структурах. Достаточно много высокопоставленных лиц было заинтересовано в дискредитации НАУ. В румынских СМИ несколько месяцев шла активная кампания против Лауры Кёвешешу. Недовольные интенсивностью работы антикоррупционного управления сравнивали ее с «охотой на ведьм», обвиняли в применении незаконных методов. Знаменательно, что каждое выступление Кёвешешу на европейских форумах встречалось бурными аплодисментами. Французское правительство наградило отважную женщину орденом Почетного легиона, король Швеции представил к награде «Командор Ордена полярной звезды».

Авторитетный американский политолог румынского происхождения В. Тисмэняну заявил в связи с нападками на Кёвешешу: «Отставка Кёвешешу будет означать месть номенклатурной нечисти, триумф трясины» [Vladimir., 2018]. Президент Йоханнис прокомментировал эту ситуацию следующим образом: «Некоторые преступники пытаются атаковать и дискредитировать НАУ и его руководителя» [Klaus Iohannis, 2018].

Однако в 2018 г. президент все же был вынужден подписать отставку Кёвешешу. Хроника победы «номенклатурной нечисти» такова:

– 29 мая в Бухаресте и ряде других крупных городов проходят массовые акции протеста против решения Конституционного суда об увольнении Кёвешешу, но 30 мая Конституционный суд

подтверждает компетенцию министра юстиции назначать и снимать с должности главу НАУ;

– 9 июня по инициативе спикера нижней палаты парламента, лидера социал-демократов Ливиу Драгни в столицу привозят 200 тыс. «сторонников» социал-демократов и он угрожает: если понадобится, то можно привезти больше;

– 21 июня Высший кассационный суд Румынии, игнорируя давление со стороны правящей Социал-демократической партии, все же приговаривает Ливиу Драгню к трем с половиной годам заключения за злоупотребление служебным положением;

– 25 июня Ливиу Драгня заявляет, что если президент не подпишет увольнение Кёвеша, парламент запустит процедуру импичмента;

– 4 июля правящая коалиция, воспользовавшись подавляющим большинством в парламенте, принимает беспрецедентную серию поправок к Уголовному кодексу, полностью декриминализирующих все виды «нарушений служебных обязанностей». Также оказываются пересмотренными определения «организованного преступного сообщества» и «злоупотребления служебным положением»;

– 9 июля президент Клаус Йоханнис подписывает приказ об отставке.

Уже после отставки Кёвеша, в мае 2019 г., Ливиу Драгня, один из самых влиятельных румынских политиков, все же был осужден без права апелляции на три с половиной года тюремного заключения.

Высокий же авторитет Кёвеша не только внутри страны, но и за рубежом послужил тому, что в сентябре 2019 г. она была избрана на пост главы новой Прокуратуры Евросоюза. Ее кандидатуру поддержал Европарламент, в то время как правительство Румынии возражало.

В перипетиях отчаянной борьбы социал-демократов с антикоррупционным управлением и его главой Лаурой Кёвеша политолог А. Мунджу-Пиппиди увидела проявление низкой политической культуры и даже люмпенизацию политики, отражающих румынскую национальную специфику. «Обычное манипулирование этой жалкой массой, безусловно, является частью нашей столетней национальной самобытности, но частью, которую было бы предпочтительнее забыть. Привычные нам манипуляторы в политике, госслужбах и связанных с ними СМИ смогли достичь вершин, которые мы наблюдаем в наши дни. Все это следствие

реальности, о которой я давно предупреждала: систематическое обольванивание общественного мнения и преднамеренная изоляция любых голосов, призывающих к спокойствию, разуму, уважительному отношению к политическому противнику и объективности» [Alina Mungiu-Pippidi..., 2018].

Какие же выводы следуют из этой истории? Можно было бы лишь посотевать и заключить с грустью, что «нет пророка в своем отечестве» и что «балканизм» непреодолим. Однако противостояние между НАУ и коррумпированными кругами элиты не осталось без реакции со стороны гражданского общества. Массовые уличные выступления 2017–2018 гг. явились яркой демонстрацией твердого желания румынских граждан покончить с пережитками «балканизма». Неслучайно размах и характер антикоррупционных протестов наблюдатели соотносили с массовыми выступлениями декабря 1989 г.

Итак, «балканизм» с трудом отступает перед «европейскими ценностями», но все же отступает. Доведение до конца дела Драгни тоже внушает оптимизм. К тому же в августе 2019 г. были опубликованы результаты опроса социологической службы IMAS, согласно которым на ожидаемых 10 ноября этого года президентских выборах действующего главу государства, который всеми силами старался сломать напор социал-демократов на Кёвешу, готовы поддержать 41,7% избирателей. Другие претенденты на президентское кресло набирали голосов значительно меньше [Sondaj IMAS: Klaus..., 2019]. По результатам первого тура президентских выборов Йоханнис лидировал с 37,82% голосов, но второй тур, состоявшийся 24 ноября, принес ему уверенную победу – 65,88%.

Экономические реформы под эгидой западного капитала:

За и против

На протяжении последних трех десятилетий экономические реформы в Румынии, проводившиеся при поддержке западных и международных структур, испытали все трудности становления рыночной экономики. Но разруха и падение производства, случившиеся сразу после свержения режима Чаушеску, постепенно преодолевались. Наиболее же опасной оказалась шоковая терапия, предпринятая праволиберальными правительствами при президенте Э. КонстантINESКУ (1996–2000). Эта «терапия» чуть было не ввела финансы страны в коллапс. Более продуманные и осторожные действия социал-демократов после возвращения во власть

И. Илиеску дали свои плоды, но решающим фактором были все же западная помощь и внешние кредиты.

Сегодня, хотя политические элиты в целом единодушны в оценках проводимых в Румынии экономических реформ, в экспертном сообществе имеются сомнения на этот счет. Критике подвергается, в первую очередь, слепое следование за рекомендациями международных организаций и неумение отстоять собственные интересы. Хотя Румыния на протяжении всего посткоммунистического периода пользовалась кредитами и безвозмездной помощью разнообразных западных структур, ее экономика развивается недостаточно динамично, жизненный уровень (как и в Болгарии) остается самым низким в Евросоюзе, существуют и серьезные трудности структурного характера.

У некоторых экономистов даже возникают сомнения в правильности избранного пути. Они связывают экономические неурядицы с засильем в румынской экономике западного и международного капитала.

Известный румынский экономист Кэлин Джорджеску, эксперт ООН по проблематике устойчивого развития и член Римского клуба, суровый критик крайнего неолиберализма, выступил с идеей румынского национального проекта, который «должен разбудить сознание румынского народа». Необходимо, полагает он, поставить у руля страны группу специалистов, озабоченных общественным благом, а не просто декларирующих необходимость реиндустриализации страны, озабоченных восстановлением тех областей хозяйства, в которых Румыния может преуспеть (энергетику, продовольствие, водоснабжение) и даже стать важным игроком в международном плане, по крайней мере на региональном уровне.

Как убежден Джорджеску, страной сегодня руководит не правительство, не президент или какая-либо государственная структура. «Ею руководят иностранцы. Пока активы в промышленности, банки принадлежат иностранцам, пока им принадлежат стратегические рычаги, Румыния лишена суверенитета» [цит. по: Ronkov, 2017]. Этот же автор писал: «Румыния вошла в ЕС, не потому что мы такие умные, но потому, что Запад был в этом заинтересован. Нас присоединили к ЕС, потому что у нас есть сырьевые ресурсы, которых у Евросоюза нет» [Romania afara din UE NATO..., 2014].

Сходную позицию занимает и Дан Тэнэсеску, литератор, эссеист, бывший член румынского сената, который частично выходит за рамки экономической целесообразности в сферу политики.

«Неолиберальная пропаганда, – пишет Тэнэсеску, – вбила в нашу голову мысль, что единственно возможное решение для развития страны и ее экономики исходит от МВФ, Всемирного банка и других инструментов колонизации со стороны американской империи» [Tănăsescu, 2013]. По мнению автора, демократия, упакованная неолиберализмом, – это так называемая представительная демократия по американской и западноевропейской модели, но на самом деле она является псевдodemократией, контролируемой олигархами [Tănăsescu, 2013].

В Румынии, подчеркивает Тэнэсеску, где банковская система на 99% состоит из иностранных банков, а внутренний капитал почти равен нулю, ибо остальное вкладывается в виллы, яхты, роскошные автомобили или иностранные счета, государство еще более беспомощно, чем в западных странах, ибо попадает в ловушку задолженности. При этом частный бизнес контролируется на 80% из-за рубежа. Единственные меры, которые государство может принять, относятся к сфере законодательства, но поскольку правительства целиком зависят от внешних займов, дающихся на определенных условиях, включая контроль над внутренними законами, к которым также добавляются обязательства, взятые Румынией, как членом ЕС и НАТО, государство не имеет силы для решения задач общенационального значения [там же].

Взгляды Кэлина Джорджеску и Дана Тэнэсеску разделяет Василе Дынку – видный румынский социолог и политический деятель. Румыния, напоминает автор, находится среди стран, которые после падения Берлинской стены верили, что им поможет стратегическое планирование, исходившее от МВФ. Сегодня их экономики, в том числе румынская, находятся в зависимости от внешнего мира, испытывают не только влияние внешних кризисов, но и внутренних. «Мы, румыны, видим, что у нас нет ни институтов, ни культуры, способных принять решения или разработать стратегии для противостояния кризисам, исходящим от глобализма» [Dâncu, 2018].

С критикой сегодняшней экономической политики правительства социал-демократов выступал президент К. Йоханнис. На Форуме по вопросам развития финансового рынка, проходившем в Бухаресте 15 мая 2019 г., он, в частности, заявил: «В настоящее время, с экономической точки зрения Румыния движется в неверном направлении... Проводимая правительством экономическая политика игнорирует главный источник долгосрочного экономического роста – инвестиции». Президент обвинил правительство в

«приукрашивании бюджетной ситуации» в условиях, когда экономическая модель Румынии «неустойчива, основана исключительно на расширении потребления, пренебрегая главным двигателем развития – инвестициями» [Klaus Iohannis: Economic., 2019].

Национальные культурные мифы и европеизм в новой политической парадигме

Роль наследия и переосмысление прошлого: Политика, культура, общественное сознание

Сразу после падения режима Чаушеску румынское общество интересовала почти исключительно политика. Когда люди отошли от психологического шока смены режима, они обнаружили, что государству не до поддержки художественного творчества. Эйфория и ожидание лучшей жизни сменились сложностью выживания культуры в условиях рыночных реформ. Из-за финансовых трудностей драматическую ситуацию испытали литературные и искусствоведческие журналы, издательства. Серьезным источником как политической, так и культурной информации стало телевидение. Многие писатели и критики исчезли со страниц литературно-художественных изданий и появились в общественно-политическом пространстве. Очень немногим удавалось совмещать политическую активность с привычной профессиональной деятельностью.

В ситуации финансового выживания оказались все: и западники, и традиционалисты. Казалось, что проблемы культуры вообще уже мало кого интересуют. Падение престижа художественной культуры в целом не затронуло, правда, мемориалистики. Предпочтительным жанром чтения становятся дневники, воспоминания, документы, которые несли сведения из жизни недавнего прошлого.

Эта прошлое будоражило умы, и очень скоро возникает целая волна яростной критики не только политической, но и духовной жизни ушедшего в небытие социализма. При этом культура эпохи Чаушеску зачастую рассматривается целиком как «просоветская» и «антизападная», что на самом деле не так. Но такое представление, и это надо подчеркнуть, порой объединяет и западников, и традиционалистов.

Гротескные образы Гойи возникали в связи с недавним прошлым на страницах румынских периодических изданий. «Сон

нации рождает чудовищ», – писал поэт Шт.А. Дойнаш [Doinaş, 1990, p. 11]. «Чаушеску для меня – воплощение дьявола, ...одна из сатанинских фигур», – говорил румынский эмигрант, отец мирового театра абсурда Эжен Ионеско [Ionescu, 1990, p. 21]. А вот как описывал состояние, в котором оказалась румынская культура, литературный критик А. Марино: «Творец чудовищной “культурной революции”, импортированной из маоистского Китая, но внутренне присущей всему догматическому утопическому марксизму, был сметен волной народного, и в первую очередь молодежного, негодования... Но глубокие, зияющие, тяжелые раны румынской культуры открыты, и так будет еще долго... У нас свершился настоящий геноцид культуры. ...Перекраивали и передергивали все: классические и современные произведения, исторические документы, реальные факты» [Marino, 1996, p. 199].

Среди критических исследований о социалистическом периоде выделяется книга М. Ницеску «Под знаком пролеткульта», посвященная эпохе 1950-х годов. Она была написана в последние годы жизни автора, когда он был вынужден уйти с поста главного редактора литературного журнала «*Viața românească*» и занялся в 1984–1989 гг. правозащитной деятельностью. Эта работа характеризуется очень резким неприятием «социалистической культуры».

Другая достойная упоминания книга – «Политика и история» – диссидента-эмигранта, историка В. Джорджеску. Впервые она была опубликована в Германии в 1977 г. В ней анализируется политика Георгиу-Дежа и Чаушеску в области исторической науки, подчеркивается националистический характер концепции истории Чаушеску и определяется значение этой концепции для культуры. Глубокий анализ социально-политической и культурной ситуации социалистического периода содержится в несколько раз переизданной после 1989 г. книге В. Джорджеску «История румын. От истоков до наших дней» (впервые издана в США в 1984 г.).

Особенно резкая, гиперболизированная критика присутствует в работах абсолютных приверженцев европеизма. Так, известный публицист и политолог Х.Р. Потapieвич писал, что румыны, выйдя из периода террора и уничтожения 1948–1964 гг., стали представлять собой радикально деструктурированное в социальном, политическом и экономическом отношении население. «Психологически запуганное, оно было готово принять любую форму. Задачей нового этапа было придание этому населению, ищущему любое убежище, форму, угодную режиму. После 1971 г. были

созданы условия для нового общественного договора, к которому румынское население присоединилось как будто целиком... В 1980-е годы новое румынское общество – продукт во многом успешной социальной инженерии – представляло плачевный образ народа, страдающего как от материального, так и морального убожества, отлично выдрессированного в социальном плане, с несколькими идеологическими рефлексам, жестко обусловленными коллективной психологией» [Patapievici, 1997, p. 100]. И в связи с этим невольно вспоминаются наивные герои-роботы из фильма Л. Пинтилие «Реконструкция».

Национальное чувство, подчеркивал Х.Р. Потапиевич, прошло как бы две стадии в зависимости от этапов социалистического строительства. Национальное чувство тех немногих, которые активно сопротивлялись установлению коммунистического режима, было ориентировано либо на верность традиционным институтам классической Румынии (королевский дом, королевская армия, система демократических политических партий), либо на национализм в духе легионерской идеологии. Для тех, кто пассивно сопротивлялся социализму, национальное чувство было обусловлено сознанием, что большевизация страны представляла собой внешнюю агрессию, национальное угнетение, равное иностранной оккупации.

После уничтожения гражданского общества и периода утешения национальные приоритеты были интерпретированы идеологами так, что коммунизм представлялся самой интимной струной румынского существования. «Благодаря политической ловкости Чаушеску, его ложному антисоветизму, провозглашенному в 1968 г., новая интерпретация национального чувства стала составной частью общественного договора между коммунистическим режимом и новым румынским обществом. То, что мы сейчас называем национал-коммунизмом, и есть эта новая интерпретация национального чувства, в котором элементы идеологии равенства и классовой вражды объединились с элементами легионерского национализма. Правда, сегодня мы не хотим признать, что эта новая интерпретация была крайне популярной» [Patapievici, 1997, p. 100–101].

Что касается переосмысления социалистического прошлого с позиций традиционалистов, они трактуют социализм исключительно как период подавления румынской нации и национально ориентированных течений в духе «пролеткульта и Коминтерна», когда главное зло исходило с «Востока». При этом традиционали-

стические опусы времен Чаушеску представляются даже как некая оппозиция свергнутому режиму.

Так, Эдгар Папу, создатель упомянутой тенденциозной концепции протокхронизма, характеризуется в статьях М. Унгяну как «ангел безоружный перед агрессорами». В память об ушедшем в 1993 г. в мир иной профессоре критик публикует несколько очерков, где обвиняет журналы «Romania literara» и «Luceafarul» в том, что в 1970-е годы они выступали с резкой критикой идеи Папу об «опережении» румынской культурой ценностей культуры западноевропейской. С пафосом отвергает Унгяну обвинения в адрес Папу в том, что его теория была изобретена для поддержки национал-коммунистической доктрины Чаушеску [цит. по: Zamfirescu, 1996, p. 95].

На страницах таких традиционалистических изданий, как «Ромыния Маре», «Время», «Ватра», звучали в 1990-е годы обвинения новых руководителей страны в недостаточной поддержке национальной идеи, неполного отречения от коммунистического прошлого.

Особое значение для формирования духовной атмосферы 1990–2010-х годов имеет переосмысление наследия межвоенного периода, богатого противоречивыми политическими идеями и художественными экспериментами. Если эстетические новации того времени привлекают художников и критиков-европеистов, то интерес к разработке национальной специфики проявляют в первую очередь сторонники традиционализма, склонные к реабилитации националистических идей и течений.

В 1990-е годы начинается, а затем и продолжается публикация произведений тех крупных деятелей культуры, которые оказались за рубежом еще в предвоенный период (философские труды Эмиля Чорана, литературное и философское наследие Мирчи Элиаде). Их взгляды были далеки от марксизма, поэтому они не могли получить признания коммунистических идеологов. Наследие это, однако, весьма неоднозначно, если иметь в виду и политические пристрастия авторов. Иррационалистические идеи, отверженцами которых были будущие эмигранты, их отношение к национальному вопросу, о чем говорилось ранее, прямо или косвенно формировали духовную среду, породившую идеологию легионерства. Отношение же к легионаризму в новое время стало той чертой, которая стала водоразделом между европеистским и традиционалистским видением национальной истории.

Хотя реабилитация «Железной гвардии» особенно очевидна была в 1990-е годы, эта тенденция остается актуальной и сегодня. «История этого правого движения, – отмечал историк И. Скурту в 2016 г., – противоречива и неясна для сегодняшних поколений» [24 iunie., 2016]. В связи с этим он осторожно напоминает, что идеи легионеров восприняли многие выдающиеся деятели культуры того времени. Наверно в этом что-то было... как будто хотел сказать автор, но воздержался.

Ответственность за ухудшение политического климата накануне Второй мировой войны, полагает И. Скурту, выступая на «Румынском международном радио», нельзя взваливать только на плечи легионеров. Он напоминает: «Это драматическое положение началось после ликвидации лидера Корнелиу Кодряну и 13 других видных легионеров... Тогда, в сентябре 1939 г., впервые в Румынии практиковался государственный терроризм. Было убито более 200 легионеров, большинство из них находились в лагерях и тюрьмах. Они не имели никакой возможности защититься, и против них не существовало никакого обвинения. Они были просто-напросто расстреляны, а другие, которые находились на свободе, были захвачены ночью в собственных домах, и были повешены на центральной площади. Конечно же, мы, осуждая легионерские убийства, не можем не напомнить и то, что и они в свою очередь были подвергнуты репрессиям и ликвидации во время режима Кароля II» [Легионерские..., 2010].

Националистическое формирование «Румынский очаг», действующее и сегодня, называет себя неправительственной культурной организацией. При этом ее участники прямо заявляют о необходимости реабилитации «Железной гвардии» и ее лидера Кодряну, а также категорически отрицают Холокост в Румынии. Для продвижения этих идей в обществе иницируются различные мероприятия, в том числе научного характера. В частности, в 2013 г. была проведена международная конференция, посвященная Холокосту. Цель ее организаторов – доказать, что Холокоста на территории Румынии не было [Vatra., 2013].

Активную образовательную и политическую деятельность продолжает сегодня ультраправая националистическая организация «Новые правые», называющая себя партией. «Новые правые» прямо объявляют себя наследниками «Железной гвардии», они организуют в разных частях страны марши с антиевропейскими и антиглобалистскими лозунгами, чтут память Кодряну, называя его

своим учителем, активно участвуют в мероприятиях европейских организаций правонационалистического толка.

На Фейсбуке зарегистрирована группа «Легионеры 2015», которая выражает свои националистические взгляды в многочисленных общедоступных публикациях.

В 2012 г. под эгидой уездного совета города Сучава был издан сборник стихов для детей ветерана легионерского движения Георге Унгуряну. Книгу он посвятил своим бывшим соратникам (в этот момент автору исполнилось 100 лет). На обложке книги – портрет Кодряну. Сам факт подобного издания и популяризация автора книги вызвали протесты со стороны Национального института по изучению Холокоста.

В посткоммунистический период публика получает возможность ознакомления со многими трудами идейных мэтров и политиков легионаризма. Дело, конечно, не в факте издания, а в характере его презентации. Вот, к примеру, – книга последнего руководителя легионерского движения Х. Симы «Призвание национализма», впервые опубликованная в 1951 г. в Испании, где автор провел долгие годы эмиграции. Критика отмечала, что, если мотивацией к изданию является необходимость информации, то излишне было бы предварить его подробным предисловием, освещающем деятельность и труды Х. Симы. Такое предисловие, однако, отсутствует.

Очень важным для характеристики духовной жизни посткоммунистического времени является переосмысление фигуры маршала Антонеску. Актуальным становится вопрос о том, кто он, национальный герой или злодей, поставивший страну на грань катастрофы. После падения режима Чаушеску бывший «кондуктор» сразу же стал объектом своего рода культа. Произошла политизация и даже популяризация личности маршала. Ему посвящаются не только многочисленные публикации, его именем стали называть улицы, появились его бюсты в городской среде.

Благоприятная память об Антонеску, отмечал М. Мачь, вписывалась, с одной стороны, в антикоммунистический пафос времени, когда были раскрыты документы о политических преследованиях при режиме Георгиу Дежа, о драме бессарабцев, депортированных советской властью в Сибирь, когда создавались ассоциации в память политических заключенных и т.д. Симпатии к Антонеску создавали его образ «антикоммуниста» через призму тяжелого опыта послевоенного развития Румынии. С другой стороны, фигура Антонеску соответствовала ностальгии по «Великой

Румынии»: ведь маршал призван был ее возродить, но пал жертвой новых «оккупантов».

Наиболее непреодолимым препятствием для течения «про-Антонеску» оказалась политика маршала в отношении евреев, о чем появлялось все больше сведений. Трудно переоценить в этом плане значение исследования, обобщенного в Докладе Международной комиссии по изучению Холокоста в Румынии под руководством лауреата Нобелевской премии, румынского писателя-эмигранта еврейского происхождения Эли Визеля (2003–2004). Доклад подтвердил, что с 1940 по 1944 г. жертвами румынских властей стали около 400 тыс. евреев, большинство из которых проживали на оккупированных румынскими войсками территориях Украины и Молдавии.

В 2004 г. Румыния официально, устами тогдашнего президента Иона Илиеску, признала свою ответственность за геноцид евреев и цыган как в самой Румынии, так и на оккупированных территориях в период Второй мировой войны. Кроме того в стране был учрежден день памяти жертв Холокоста, открыт Национальный институт по изучению Холокоста в Румынии «Эли Визель». Правда, анализ учебников показывает, что авторы, как правило, стараются обойти наиболее острые моменты, связанные и с личностью Антонеску, и с политикой его режима в отношении еврейского населения.

В октябре 2009 г. в соответствии с рекомендациями Международной комиссии по изучению Холокоста в Румынии в Бухаресте был установлен памятник жертвам Холокоста. На церемонии его открытия президент страны Траян Бэеску подчеркнул, что признание факта геноцида в период Второй мировой войны и почитание его жертв является обязанностью Румынии.

В июне 2011 г., в послании по случаю 70-летия Ясского погрома 1941 г., президент Бэеску заявил, что для румын и их истории Антонеску остается ответственным за Холокост против евреев и цыган. «Почтение памяти погибших в столь трагических обстоятельствах – это выражение нашей ответственности и зрелости», – заявил Бэеску [Бэеску: Мы..., 2011].

И все же сегодня в коллективном сознании румын маршал Антонеску, как отмечают некоторые авторы, пользуется определенной симпатией. Поскольку Антонеску не принадлежал ни к какой политической партии, «память о нем не была связана, как в случае легионеров, с массовым движением, а только с “порядком и дисциплиной”, присущими любой диктатуре... меры Кон-

дукэторула трактовались как рационально обоснованные и приемлемые в условиях войны» [Мачь, 2015].

Этот вывод подтверждается данными социологических исследований. Так, согласно опросу 2015 г., который проводился Национальным институтом по изучению Холокоста, 54% опрошенных назвали покойного диктатора «патриотом» [Четверть..., 2015].

В целом персонажи «того времени» наделялись аурой жертв, не обязательно невинных, но все-таки несправедливо наказанных. «Пропаганда не могла подавить “частную” память, спасавшуюся в семейном окружении. Более того, она вооружила ее идеологией непрерывной осады со стороны всемогущих абстрактных существ (капиталистов, американцев, русских, евреев), в которой румыны предстают только невинными жертвами и положительными героями» [Мачь, 2015].

Но зачастую люди просто не знакомы с историческими фактами, непосредственными свидетелями которых ни они, ни их близкие не были, а историки предпочитают обходить их стороной. Одна из «темных» для широкой публики страниц истории – румынская оккупация Украины, и в первую очередь события октября 1941 г. в Одессе.

Желая восполнить этот пробел, румынский режиссер Флорин Иепан снял фильм «Одесса». За несколько лет до выхода фильма режиссер развернул кампанию, целью которой было показать румынскому обществу, что оно не знакомо с трагическими страницами национальной истории. Автор, как свидетельствует печать, столкнулся, в том числе, и с жесткими, истеричными, антисемитскими и ксенофобскими откликами. Но лента, вызвав бурную реакцию, не нашла широкого зрителя. Ее прокат ограничился просмотрами для узкого круга лиц.

Фильм посвящен известному историческому факту: в октябре 1941 г., когда румынские войска заняли Одессу, в здании, где располагалась комендатура, прогремел мощный взрыв. Под обломками погибли 67 человек, в том числе 16 офицеров, среди которых был румынский комендант города генерал Ион Глогожану. «Ответственность за взрыв была возложена на евреев и коммунистов...» [Холокост...]. Согласно данным, привлеченным Иепаном, только за два дня число жертв гражданского населения, большинство из них – евреи, превысило 22 тыс. человек.

Снять фильм о кровопролитии в Одессе Иепану задумал после того, как Антонеску занял пятое место в рейтинге опроса «Великие румыны», который был проведен на телевидении в

2006 г. «Знакомясь с материалом, – говорил позже Иепан, – я понял, что маршал, которого я, как и большинство румын, считал патриотом и антикоммунистом, несет ответственность за убийство 300 000 человек в Румынии и Украине» [цит. по: Both, 2013].

Цифры, приводимые в фильме, вызвали сомнения у ряда историков: некоторые из них утверждали, что фильм находится в русле советской пропаганды военных лет. Адриан Чорояну, декан исторического факультета Бухарестского университета и министр иностранных дел Румынии в 2008 г., приветствуя фильм, отмечал, что на самом деле «историки прекрасно знают суть одесских событий, но публично не принято об этом говорить» [цит. по: Both, 2013].

Незнание рождает мифологические представления о прошлом, что наиболее очевидно проявилось в дискуссиях о Законе 217/2015, вступившем в силу 30 июля 2015 г. Полный и аргументированный обзор этих дискуссий представил М. Мачь. Закон 217/2015 большей частью общества был встречен с неприязнью потому, что «на этот раз фашизм, ксенофобия и военные преступления имели прямое отношение к истории Румынии» [Мачь, 2015].

Не только мифологизированное восприятие трагического прошлого как такового стало причиной крайне негативного отношения к Закону 217/2015. Объяснение тому можно видеть и в другом. Это постановление, объяснял М. Мачь, трактовалось на уровне публичного сознания как уступка требованиям «мирового еврейства», которое требует у мирового сообщества глобального осуждения Холокоста.

Особенностью же румын «является вера в мировой заговор, руководимый евреями. При этом антисемитами они себя не считают. «Знакомый еврей, тот с которым румын делит повседневные тяготы, воспринимается как добрый сосед... Зато те, кто “правят миром”, с точки зрения рядового румына, во всех отношениях (экономически, социально, религиозно) разительно отличаются от обычных людей» [Мачь, 2015].

Сложность адекватного понимания сегодняшнего отношения титульной нации к евреям, без сомнения, состоит в том, что оно отягощено прошлым. Речь идет об упомянутом ранее экономическом влиянии еврейской диаспоры и ее роли в процессе модернизации Румынии XIX в., что уже тогда вызывало отрицательное отношение местных феодальных элит и последующую дискриминационную политику властей. Предпосылками воинствующего антисемитизма межвоенного периода, который привел к

политике Холокоста в период Второй мировой войны, следует считать те настроения, которые проявились еще до Первой мировой войны. Их отголоски мы находим и в сегодняшней Румынии.

Румынская история в трактовке традиционалистов и западников

В эпоху Чаушеску, как помним, исторические сюжеты приобрели значение политических символов, призванных иллюстрировать древность и величие румынской нации. Эта тенденция плавно перетекает и в посткоммунистическое общество.

Согласно традиционалистской историографии, критически комментирует ее идеи Л. Бойа, все предыдущие усилия румын служили конечной цели объединения земель, цели, записанной в «судьбоносной книге народов» [Boia, p. 145–176]. Начиная с Н. Йорги, румынские историки писали о «румынских землях» (*târile românești*). Это понятие удобно тем, что его можно использовать в отношении любой политической, этнической, культурной или географической реальности, начиная с момента этногенеза. Трансильвания поэтому рассматривается как неразрывная часть Румынии не только с точки зрения современной политико-административной реальности, но и как цивилизационная сущность румынской культуры, «ядро» ее специфики, как душа «румынизма». Она является родиной Децебала – правителя древней Дакии, она – колыбель латинской сути румынской культуры. Именно здесь, в Ардяльской лингвистической школе, подчеркивают традиционалисты, были открыты латинские корни румынского языка, построена и распространена модель румынской идентичности.

Сегодня эти клише, этот миф единства, комментировал С. Миту, отражают в деформированном свете историческую реальность. Хотя есть румынские историки, критически относящиеся к вышеизложенным схемам. Они предлагают альтернативные точки зрения в противовес вульгарной традиционной историографии. «Но она по-прежнему доминирует количественно и по-прежнему востребована публикой. Эти люди не хотят менять свою точку зрения, и диалог с ними бесполезен» [Mitu, 1999, p. 71].

«Историографические дебаты последних двух десятилетий, – пишет и философ А. Марга, – выявили такую трактовку национальной идентичности, которая не имеет ничего общего с Новым временем, но зато переносится в далекое прошлое. Причина проста: современные историки, обсуждающие национальную идентич-

ность, не работают в архивах, не делают реконструкций, достойных доверия как с точки зрения документации, так и их трактовки» [Marga, p. 15]. Тема стала банальной и перешла в область идеологии, констатирует автор. «Националисты видят ее [идентичность. – Т. Б.] повсюду на протяжении истории, и только скрупулезные профессиональные историки относят идентичность к Новому времени» [там же]. Марга особенно подчеркивает непрофессионализм новых традиционалистов. Они «допускают элементарные ошибки: налицо путаница в понятиях этнической принадлежности и нации, неправильное понимание общности, которая формирует нацию, определение национальной идентичности только в сопоставлении с другими нациями, отрывочное чтение документов, цитирование источников, только с целью их опровержения, культивирование мифов вопреки документам» [там же].

Наличие особого места в Европе – вот стержень, вокруг которого воздвигают свои аргументы некоторые традиционалисты Нового времени. При этом одни из них подчеркивают, что именно на территории Румынии издревле была граница великих империй, и это определило достаточно высокий уровень цивилизации этой зоны, другие утверждают, что для самоидентификации румын особое место имела археологическая Трипольская культура, распространенная в IV–III тыс. до н.э. в Дунайско-Днепровском междуречье. «Мы находимся в зоне, где родилась первая европейская цивилизация – Трипольская культура (румыны называют ее “Cucuteni-Ariusd-Tripolie”). Это была самая высокоразвитая культура IV тыс. до н.э. в Европе, и находилась она на территории Восточных Карпат, – многозначительно подчеркивал на одном из коллоквиумов директор Национального института истории Трансильвании В. Каврук. – Поэтому вопрос о том, в какой мере мы являемся европейцами, мне кажется надуманным. Независимо от того, пришли ли первые импульсы европейской культуры с Балкан или из Центральной Европы, постоянная характеристика Восточных Карпат состоит в том, что в любую эпоху здесь взаимодействовали три культуры: восточноевропейская, центрально-европейская и западноевропейская» [Identitatea..., 2000].

И это, по убеждению автора, доказывает принадлежность румын к истокам европейской цивилизации!

Еще в 1970-е годы получила распространение упомянутая ранее теория протохронизма Эдгара Папу, пытавшегося доказать, что культурные памятники европейского Возрождения вторичны в сравнении с некоторыми памятниками письменности региона,

который называют «румынскими землями». Другая, возможно еще более парадоксальная, концепция – теория Габриела Георге, согласно которой в древности Франция была румыноговорящей. Кроме этого Г. Георге выдвинул гипотезу о том, что древнейший румынский – это общий индоевропейский язык [Coja, 2014].

Европейцы придерживаются иного мнения в трактовке прошлого и, следовательно, настоящего проекта Румынии. Румынская нация, как и другие балканские нации, настойчиво напоминает А. Мунджиу-Пиппиди, – продукт поздний. В этой зоне не было ни великих предшествующих политических образований, ни «высоких культур», стремление которых к созданию государств послужило бы для создания наций. «Мы не находились на пересечении великих цивилизаций, как с гордостью писали наши эссеисты в XX в., стремясь обосновать чудо собственного происхождения. Мы находились на пустом месте между этими цивилизациями, на некоем культурном безлюдии (no man's cultural). Мы – латиняне, официальные акты и церковные службы которых велись на древнеславянском языке. Первая Библия на румынском языке была составлена венгерским князем, в то время как в Будапеште господствовала латынь, которая была языком и Западной Европы. Румынская церковь в большой степени была изолирована от движения европейских ценностей. Мы жили во внеисторическом времени непростительно долго... Следы нашей непрерывности очень слабы, так как наше выживание имело только рамки повседневной жизни, а не культурного существования» [Mungiu-Pippidi, 1996, p. 283].

Румынская история Нового времени, пишет исследовательница, – это история узкой интеллектуальной элиты, история ее попыток создать государство и некоторые политические институты не под давлением уже создавшейся нации, но параллельно с созданием этой нации. «Это повесть трагического отставания, а не величественной истории... Было бы зрелым и мудрым жить с такой историей, какая есть, признавая тем более великими усилия тех, кто боролся с этой историей, поколений интеллектуалов конца XIX – начала XX века. К сожалению, сегодняшние интеллектуалы должны выполнять все ту же работу. Но у них грамотный народ, общество, которое коммунизм урбанизировал, пусть бессистемно и насильственно, но в котором социальную коммуникацию, этот мотор национальной идеи, легче реализовать, чем 100 лет назад» [там же, p. 285].

Гражданское общество должно научиться защищать себя от интоксикации посредством истории. В этом, по мнению Л. Бойи, залог того, что румынская культура, наконец, перестанет подчиняться истории, угнетаться ее мифологией. «Вхождение в современность и европейская интеграция уже не могут строиться на мифологии с традиционалистскими акцентами» [Voia, 1997, p. 292].

Это предполагает рождение развитого гражданского общества, наличия которого, по мнению многих экспертов, пока в Румынии нет. Потрясенные неожиданным свержением Чаушеску и размахом массовых уличных выступлений конца 1989 – начала 1990 г., некоторые поспешили сделать вывод, что гражданское общество уже есть. Однако если иметь в виду, что неотъемлемым признаком гражданского общества кроме всеобщей грамотности является развитая система общественных организаций населения, автономных от государственной власти, то на этот вопрос придется ответить отрицательно. Сегодня можно констатировать лишь наличие предпосылок для такого процесса, полагают приверженцы европеизма.

Главной причиной этого, как считают некоторые румынские авторы, является полусельский характер румынского общества, сохраняющийся до сих пор. Именно крестьянам, а также новым, недавно урбанизированным группам, как показывают социо-культурные анализы, свойственно поведение традиционалистского типа. Его характерной чертой является отсутствие навыков самостоятельной оценки ситуаций и событий. Именно эти группы населения в первую очередь становятся жертвами манипуляций над общественным сознанием.

Живучесть националистических настроений, которым способствует и традиционалистская историография, вызывает озабоченность у либерально настроенной части общества. Если почвенники обвиняют власть в недостаточной поддержке национальной идеи, то западники, напротив видят в государственной политике приверженность традиционализму, возможно невольную или неосознанную. Прогулка по Музею национальной истории в Бухаресте, отмечал Л. Бойа, позволяет увидеть отсутствие серьезных изменений в экспозиции, составленной еще при Чаушеску. Закрыт лишь раздел новейшей истории. Все остальное – в духе идеи полного и незыблемого единства румынской нации с древнейших времен, что так настойчиво культивировалось при национал-коммунизме.

Отголоски эпохи Чаушеску проявляются и в передачах ТВ. Один из примеров – неоднократное обсуждение на телевидении «актуального» вопроса: был ли столь любимый чаушеской пропагандой средневековый князь Влад Цепеш Дракулой-вампиrom или это – легенда, не имеющая ничего общего с реальностями национальной истории. В СМИ устами историков неустанно повторяется, что настоящий Влад Цепеш – образованный, талантливый и мужественный князь – не имеет ничего общего со сказкой о кровожадном Дракуле.

«Внимательный анализ официальной политики вскрывает настойчивое проявление изоляционистских тенденций, глубоко укоренившихся под кажущимся присоединением к европейским ценностям» [Boia, 1997, p. 279]. Так, некоторые школьные учебники обходят стороной французское влияние, которое радикальным образом изменило румынскую культуру XIX в. При этом модернизация XIX в. объясняется исключительно внутренними факторами, что «не соответствует исторической правде, но прекрасно демонстрирует навязчивые идеи периода до 1989 г.» [Boia, 1997, p. 280].

Сходные в этом смысле интерпретации наблюдаются в отношении румынской средневековой культуры, из которой изымается влияние славяно-византийских элементов в угоду неповторимой самобытности Румынии. Л. Бойа приводит красноречивый пример. В 1990 г. на волне патриотического подъема был переиздан учебник П.П. Панайтеску «История румын». Учебник повторял издание 1943 г., в котором были отражены многие идеи легионерского движения. Тем не менее в новых условиях учебник оказался предметом традиционалистических нападков, так как, по мнению П.П. Панайтеску, формирование румынского народа по обеим сторонам Дуная проходило в Средние века под влиянием славян, Влад Цепеш был дегенератом, князь Михай Храбрый не обладал национальным сознанием, а французская модель для румынской культуры XIX в. являлась определяющей [там же].

Отличительной чертой румынского национализма, как в прошлом, так и в настоящем, является то, что он обращается к прошлому и будущему. Настоящее выпадает из его системы ценностей. «Механизм, посредством которого сегодняшнее убожество замещается фетишизацией опереточного исторического пантеона прошлого и само собой разумеющегося величия будущего, является лишь банальной психологической компенсацией, типичной для слабых, неврастенических душ, не способных смотреть правде в глаза» [Patapievici, 1997, p. 104].

Все крайние националистические проявления прошлого и настоящего, – справедливо писал Х.Р. Потапиевич, – наносят лишь ущерб нации, ибо «наша преувеличенная восприимчивость к самым пагубным националистическим лозунгам контрастирует с нашим равнодушием к конкретным аспектам патриотизма, предполагающего длительную напряженную политику... Зло проистекает из нашей неспособности идентифицировать национальный идеал с настоящим, с умелой политикой защиты точно выверенных национальных интересов» [Patapievici, 1997, p. 106].

Западники уверены, что апология неразвитости, к которой апеллирует националистическая идеология, отдаляет румынскую культуру от идей просвещения, либерализма и интеграции, которые лежат в основе развития европейской цивилизации. Исключительность национальной культуры, ее замкнутость и герметизм, которые насаждают историки-традиционалисты, должны восприниматься сегодня как архаизм, принадлежащий крайнему национализму межвоенного периода.

Европейские горизонты румынской художественной культуры

Важной областью переосмысления культуры коммунистического прошлого с позиций европеизма наряду с политикой и художественной критикой стало само искусство. Заметный вклад в эту переоценку внесла румынская культура зарубежья. Большую работу по возвращению «изгнанной литературы» развернул после 1989 г. еженедельник «Romania literara». Так, вскоре после революции читатели смогли познакомиться с фрагментом романа Б. Недельковича «Второй вестник», опубликованного в 1985 г. во Франции. В центре повествования – история известного писателя, который, исколесив весь свет, возвращается на свой родной остров. После научного «перевоспитания» он начинает тесно сотрудничать с деспотическим правительством острова. Таким образом, роман представлял «параболу компромисса с властью» [Manolescu, 1990, p. 14]. После полной публикации романа выходят и другие произведения Недельковича. По роману «Второй вестник» снимается фильм. Не возвращаясь окончательно на родину, писатель много печатается в румынской периодике.

Одно за другим издаются произведения Пауля Гомы, значение творчества которого для румынского общества и культуры 1970–1980-х годов сопоставимо с деятельностью Солженицына для

России. Правозащитная деятельность Гомы увенчалась в 1977 г. открытой акцией протеста, затем последовали годы эмиграции. Все произведения, написанные в интервале с 1971 по 1990 г., публиковались только на Западе. Большая часть творчества Гомы относится к жанру мемуарной литературы. Обладая ярким художественным звучанием, она вносит неоценимый вклад в переоценку всего послевоенного периода, примыкая к такой особой области художественного творчества, как литература о лагерях и тюрьмах.

Среди возвратившихся имен – литераторы-эмигранты Моника Ловинеску (дочь создателя теории синхронизации румынской культуры с западноевропейской Эуджениу Ловинеску) и Вирджил Иерунка, которые были создателями литературных программ на румынском языке на радиостанции «Свобода». Ни одно значительное произведение не прошло мимо внимания этих талантливых критиков.

В печати после 1989 г. появились сведения о жизни внутренней эмиграции, к которой отнесен и старейший румынский живописец Корнелиу Баба. Широко известны реалистические портреты художника, его постоянная обращенность к теме труда и быта простого человека. Все это, казалось, гармонично входило в социалистический реализм при Георгиу-Деже и не противоречило традиционализму Чаушеску. Но не так, оказывается, ощущал себя мастер: «Только профессионализм помог мне пережить демагогию и догматизм 1950-х годов». Только в атмосфере революции «можно понять, каковы были терзания моей души в последние годы, души, склонной к драматическим переживаниям». Именно в последние годы нравственно страдающий художник создает свои символические циклы «Страх» и «Сумасшедший король», ставшие известными только после декабря 1989 г. В этих работах, говорил сам Баба, «выражена постоянная для моего творчества тема “портрета” нашего вечного одиночества» [Dumitrescu, 1990, p. 18].

Внутренняя эмиграция независимо от возраста была представлена главным образом западниками. Как и представители последней волны эмиграции 1970–1980-х годов, в основном она формировалась в атмосфере 1960-х. Зрелость этих художников, писателей, критиков, журналистов совпала с «расцветом» эпохи Чаушеску. Среди них А. Бландиана, О. Палер, М. Сореску, Д. Соломон, А. Марино, Н. Манолеску и многие другие. Значительная часть из них после 1989 г. включилась в общественную и публицистическую деятельность, формируя новую духовную среду.

На экранах кинотеатров и театральных сценах появляются произведения, прежде запрещенные для показа. В Ясском национальном театре ставится упомянутый «Сократ» Д. Соломона, в Бухарестском национальном театре – «Замок с привидениями» И. Бэйешу. Запущен в прокат фильм Д. Пицы «Скалы из песка» (соавтор сценария – Б. Неделькович). В 1983 г. этот фильм показывали только семь дней. Он вызвал гнев лично Чаушеску. Негатив был смыт, звуковая дорожка стерта, остались лишь копии. Выходит в прокат и упомянутый фильм Л. Пинтилие «Реконструкция».

Общественное признание находят многие неизданные произведения представителей старшего поколения. Шедевром литературы сопротивления критика назвала вышедший в 1992 и 1993 гг. символический роман-эссе И.Д. Сырбу «Прощай, Европа», работа над которым была закончена еще в 1985 г. В нем описываются ситуации в духе литературы абсурда и прозы Оруэлла. Одновременно роман явился своеобразной репликой из коммунистического мира вольтеровскому «Кандиду». В его основе лежит сатирическое повествование о несчастных приключениях молодого профессора Кандида, который в течение всей жизни был жертвой разнообразных обстоятельств. После десяти лет заключения профессор отправлен в турецкий населенный пункт Исарлак, население которого живет, как в колонии азиатской империи. Кандид попадает в своего рода нецивилизованный оазис, где политика поглотила все. Профессор не в состоянии выносить всеобщего чувства стадности и рабства. В романе детально описывается разложение господствующего клана Тутела, который, находясь в зависимости от Высокой Порты, обезглавливает всех, кто не хочет присоединиться к великим идеям, идущим из Центра.

Тоталитаризму автор романа противопоставляет, однако, не западную демократию (отсюда название книги), а природу, органическое начало. Это мир Старца, которого олицетворяет дед Кандида – крестьянин с гор. И здесь, как видим, опять перед нами классическая традиционалистская идея о спасительности румынского крестьянского начала, что так было характерно для почвеннической литературы и близко националистической атмосфере межвоенного периода.

При этом Сырбу, отмечала критика, размышляет таким образом, что может вызвать неудовольствие как западников, так и традиционалистов. Роман знакомит читателя с персонажем, который может быть охарактеризован как человек, который живет в скобках. Это не лишний человек, не побежденный человек, не

человек, который неспособен адаптироваться. Кандид – натура сильная. Он терпит неудачи не потому, что не может приспособиться к историческим обстоятельствам, а потому, что история стала иррациональна, она пишется (и делается) великими мошенниками. Земной путь Кандида, обстоятельства его жизни автор во многом списывал из собственной биографии, биографии старшего поколения интеллигенции, среди которой было много людей сложной, драматической судьбы, не избежавших участи стать жертвами произвола властей. Таким образом «скрытая» культура постепенно становилась фактом культурной жизни.

Неприятие культурных реалий коммунистического прошлого сопровождается после 1989 г. стремлением адаптировать художественное творчество к течениям и ценностям западной культуры XX в. Поэтому понятна актуализация критического наследия европейца Э. Ловинеску. Но в отличие от 1960-х годов отсутствие цензуры позволило осмысливать жизненный материал не только в ракурсе чисто эстетических новаций, но и обратиться к идейно-экзистенциальным проблемам.

Относительная эмансипация духовной жизни в период «оттепели» второй половины 1960-х годов, как помним, позволила реализовать свои таланты многим художникам. В новое время румынская художественная культура после тяжелого в финансовом отношении периода 1990-х начинает возрождаться.

В 2000-е годы международное признание получает румынский кинематограф. «Совершенно неожиданно в последние несколько лет Румыния стала одной из ведущих кинематографических держав... Появление целой плеяды талантливых режиссеров, сценаристов, операторов, актеров в румынском кино последних лет было воспринято многими как настоящее чудо. На карте Европы появилась новая кинодержава, бросившая вызов кинематографиям-ветеранам – Франции, Германии, Италии, России» [Клейман, 2010].

Целая плеяда молодых режиссеров, выросших при Чаушеску, но получивших образование уже после 1989 г., заявила о своем высоком профессионализме и самобытности, завоевав в первой половине 2000-х множество призов в короткометражных программах европейских кинофестивалей. Впервые серьезно заговорили о «новой румынской волне» после признания, которое получила на Каннском кинофестивале 2005 г. лента «Смерть господина Лазареску» режиссера Кристи Пуйю. Наряду с призом в Каннах «Особый взгляд» фильм получил в том же году много других наград международных кинофестивалей.

После того, как фильм «4 месяца, 3 недели и 2 дня» Кристьяна Мунджу стал лауреатом премии «Золотая пальмовая ветвь» 60-го Каннского фестиваля (2008), стало очевидно, что румынский кинематограф – абсолютно оригинальное явление современного европейского кино.

«Новая румынская волна» заставила кинокритиков ломать голову над природой и особенностями этого художественного явления. Первое, что приходило на ум – неореализм. Был даже предложен термин «неонеореализм». Возможно, что суть состояла и в чем-то другом. Безусловно, это – «эстетический феномен с чертами национального своеобразия» [Хомякова, 2015, с. 471]. Все критики обращали внимание на маленький бюджет и минимализм изображения, на то, что в центре повествования не общество, а отдельный человек перед лицом трудно преодолимых обстоятельств.

Действие всех фильмов происходит или во времена Чаушеску, или сегодня. Но тень прошлого не оставляет день сегодняшний. «Новое румынское кино – это вынужденные как-то строить жизнь в обществе легитимного кошмара и пестуемого абсурда обыватели, которых общие планы камеры застают посреди дурных казенных интерьеров и преследуют до тех пор, пока маленькие частные трагикомедии не оборачиваются опытом уже общим» Это кино прямого высказывания – ультрареалистическое [Рузаев, 2010].

Как уже отмечалось, еще в 1980-е годы в Румынии возник феномен литературного «поколения в джинсах», которое вопреки цензуре и политическому давлению пыталось продолжить традицию европеистской, универсальной эстетики, обозначившейся еще в годы «оттепели» второй половины 1960-х годов. После 1989 г. многие из этих писателей – Иоан Михай Кочинеску, Джордже Кушнаренку, Мирча Неделчиу, Кристиан Теодореску, Сорин Преда и другие – становятся известными читающей публике как прозаики-постмодернисты.

Яркая звезда на этом небосклоне – Мирча Кэртэреску, воплотивший в себе образ румынского художника, эстетически полностью интегрированного в западное культурное пространство, но одновременно и отражающего всю специфику национального существования. Его центральным произведением критика называет вышедшую в 2007 г. трилогию «Ослепленный», над которой писатель работал 15 лет.

Отмеченный двумя десятками национальных и международных премий, Кэртэреску остается человеком, полностью погру-

женным в свое «Я», художником, для которого внешняя реальность и собственные фантазии предстают как единое, перетекающее пространство. Литературоведы соотносят прозу Кэртэреску с творчеством Достоевского, Кафки, Маркеса.

Роман «Ослепленный» автобиографичен: он описывает предков, детство и юность самого писателя. При этом бытовой реализм переплетается с психоаналитическим изучением внутреннего мира героев. Сны и фантазии окутывают реальность, создавая единую ткань произведения. Критика обращала внимание, что, наряду с этим роман является сатирой на «эпоху Чаушеску», представляя политический гротеск того времени. «Я пишу, чтобы преодолеть груз того времени, залечить раны прошлого и реализовать возможности внутренней свободы», – сказал Кэртэреску в одном из интервью [цит. по: Румынский писатель..., 2015].

Писатель болезненно воспринимает образ румынской культуры, присутствующий в сознании читающей публики на Западе. Он хотел бы освободить его от клише, сложившихся за рубежом. В интервью голландской газете «De Volkskrant» (2010) он говорил: «Быть румынским автором всегда было для меня помехой. Часто наталкиваешься на неблагоприятный имидж своей страны и предвзятости. А те, кто читает меня, потому что я румынский писатель, получают в результате нечто иное, чем то, что ожидали... Моя настоящая страна называется Мирча Кэртэреску. Что меня беспокоит, так это то, что происходит в моей голове», но именно «литература, – полагает писатель, – может изменить имидж Румынии» [цит. по: Mircea Cartarescu. Monștrii...].

Однако укоренившийся в повседневном сознании зарубежного обывателя имидж Румынии как страны Дракулы и Чаушеску, страны, населенной чуть ли не исключительно «дикими цыганами», изменить непросто. Националистическая риторика и возврат к демагогии времен Чаушеску этому точно не способствуют, и, к сожалению, эта проблема остается актуальной.

«Сегодня мы являемся свидетелями усиленного распространения любимых тем национал-коммунизма», – писал Л. Бойа [Boia, 1997, p. 288]. Если Дакия была сердцевинной культурной политики Чаушеску, то и в последующие годы печать также демонстрирует экстремистский «дакизм». «Даки наводняют рынок печатной продукции, продвигая с помощью самых разнообразных и хитроумных способов идею первенства и превосходства румын» [там же].

Массовая культура, как и при Чаушеску, дает тому многочисленные примеры. Один из них – творчество бывшего высокопоставленного сотрудника контрразведки П. Коруца, ставшего после 1989 г. автором многочисленных романов, основанных на воскрешении актуализированной мифологии даков. Эти романы «с жадностью поглощает многочисленная публика» [Boia, 1997, p. 288]. «Утверждение внеисторической самобытности, политикорелигиозный фундаментализм, дьяволизация заграницы, вечно строящей заговор против румын, откуда следует необходимость бдительности и мощного государства – вот идеологический субстрат литературы, продолжающей новыми, более изощренными способами манипуляции, когда-то практиковавшиеся службами Секуритате», – заключает Л. Бойа [там же].

Создается впечатление, что для сегодняшнего румынского интеллектуала есть литературный постмодернизм и изыски новой кинематографической волны, а для массового употребления тиражируются романтические сюжеты из древней истории, сомнительного качества и сомнительного смысла, но имеющие несомненный финансовый успех.

Ориентиры внешнеполитической деятельности

Евро-атлантическая ориентация в контексте смены президентских команд. «Либералы» и «националисты» во время Балканского кризиса. Украинский фактор как зеркало внешнеполитических амбиций румынского руководства

После падения режима Чаушеску опасения вернуться под опеку Москвы у Бухареста рассеялись: политика СССР, а затем и России в отношении стран бывшего социалистического блока изменилась. Восточная Европа оказалась в свободном плавании. Сама румынская революция совершалась под знаменем идей западной демократии. Теперь политическая элита заявила о безусловной евро-атлантической ориентации. Но путь в евро-атлантические структуры был непростым. Страна не отвечала многим необходимым требованиям и стандартам как в ракурсе экономики, так и по своему институциональному устройству. В числе последних из восточноевропейских соседей Румыния вступила в НАТО (2004) и Евросоюз (2007).

Но в моменты обострения международных отношений, даже еще до вступления в эти организации, Румыния придерживалась евро-атлантического курса. Аналитики объясняли эту позицию необходимостью исключить традиционную угрозу со стороны России. «История нового и новейшего времени Румынии определялась ее связями с Россией. Идет ли речь о царской России, о Советском Союзе или о России посткоммунистической, соседство с этой страной – было оно более близким или менее – никогда не сулило ничего хорошего. У нас достаточно тех, кто бьет тревогу в связи с рисками, которые испытает Румыния, если останется в сфере интересов кремлевской политики» [Pavel, 1998, p. 16].

Согласно документам, принятым на саммите Евросоюза в Люксембурге в декабре 1997 г., Румыния являлась лишь участницей «процесса присоединения», но не «процесса переговоров», т.е. она не вошла в число пяти стран первой волны, с которыми предполагалось вести переговоры о вступлении в ЕС до 2005 г. Главной причиной такой отсрочки называли неудовлетворительное экономическое положение.

Вместе с тем румынские эксперты выдвигали предположение, что одной из основных причин сдержанного и осторожного отношения западных партнеров к инициативам румынской дипломатии, являлся недостаточно твердый курс самой румынской администрации в 1990-е годы: и президент Илиеску, и президент КонстантINESКУ не проявляли достаточной решительности в определении своих позиций относительно Запада и России.

Заявляя о своей евро-атлантической ориентации, румынские руководители неоднократно в своих выступлениях, как казалось экспертам, склонялись к российской позиции. Они отмечали, что Илиеску не раз в своих публичных высказываниях был близок к идее превращения НАТО из военного союза в систему коллективной безопасности по типу ОБСЕ, что противоречило концепции США относительно дальнейшей судьбы НАТО. Эта альтернатива по существу определяла разницу взглядов на Североатлантический альянс американского и российского руководства. Именно здесь проходила граница между американской и российской доктринами безопасности после ликвидации Варшавского договора. Для стратегов НАТО идея ее превращения в систему безопасности была неприемлема. Илиеску также высказывал точку зрения, согласно которой «Партнерство во имя мира» могло бы превратиться в военную опору для ОБСЕ, что также было российской идеей.

Действительно, румынская внешняя политика в 1990-е годы придерживалась в известной мере принципа балансирования, который критиковался бескомпромиссными западниками. Но надо было учитывать, что Ион Илиеску, будучи политиком опытным и гибким, возможно делал подобные заявления из осторожности на фоне сложных переговоров о заключении Основного договора с Россией.

Прозападный курс был продолжен при либерале Эмиле КонстантINESКУ, но содержание высказываний президента КонстантINESКУ, который, как казалось, придавал внешней политике более прозападный курс, все же давало повод упрекнуть и его в некоторой неопределенности формулировок, что также, по мнению западников, свидетельствовало о двойственности его позиций.

При этом важным фактором, влияющим на успех евроатлантической ориентации Румынии, была в определенном смысле и сама Россия. Западу не было безразлично, насколько успешно и бесконфликтно развивались российско-румынские отношения, их обострение не приветствовалось. Заключение базового договора с Россией было необходимо не только для образа респектабельной демократической страны. Наличие основных договоров со странами-соседями было просто условием вступления страны в Альянс.

Отношения Румынии и России на протяжении 1990-х годов осложнялись поиском компромиссов в переговорах о базовом политическом договоре. Румыния добивалась включения в текст договора формулировок из Договора с Украиной, где косвенно осуждался пакт Молотова – Риббентропа. Кроме этого, она считала необходимым пересмотреть ряд статей.

В Румынии при этом внимательно следили за тем, что происходило в политической жизни России, продолжая ожидать сюрпризов. Румынским аналитикам не внушала оптимизма перспектива социально-экономического и политического развития бывшего союзника, а следовательно, и его внешнеполитического курса. Тем более что складывание благоприятных для Румынии отношений с НАТО в первую очередь все же зависело от модели отношений не с Россией, а с США, где также существовали проблемы.

Все решил косовский кризис. В 1999 г. официальный Бухарест поддержал бомбардировки и даже предоставил в распоряжение НАТО свое воздушное пространство. Это произошло, невзирая на критику независимой прессы и части оппозиционных партий, которые подчеркивали: румынская экономика понесла значительные потери по причине поддержки международных

санкций в отношении Югославии, а в результате бомбардировок нанесен ощутимый экологический ущерб районам, сопредельным с Югославией, нарушено судоходство по Дунаю, главной водной артерии страны. Правда, в целом оппозиция все же поддержала сдержанную декларацию по поводу событий в Югославии, и она была утверждена большинством парламента.

События в Югославии разделили румынское общество. «Пронатовцы» обвиняли своих оппонентов в предательстве национальных интересов, в антизападничестве, в том, что они являются «агентами прошлого», пособниками Москвы и режима Милошевича. Сторонники пронатовской позиции утверждали, что, как бы аморально ни выглядели бомбардировки, национальный интерес Румынии состоит в поддержке Запада любой ценой, а критика НАТО формирует в обществе антизападничество, что небезопасно для дальнейшего политического развития страны.

Конфликт в Югославии болезненно воспринимался в Румынии и в связи с внутренними межэтническими проблемами, в первую очередь, постоянными трениями центральной власти с представителями венгерского национального меньшинства в Трансильвании. Противники натовской операции били тревогу: они считали, что в случае обострения взаимоотношений с венграми можно ожидать подобных действий НАТО и в отношении Бухареста.

Когда косовский конфликт в его самой тяжелой фазе был преодолен, президент Констанинеску выступил с обращением, напоминавшим в некоторых деталях покаяние. Однако румынское руководство не пожалело, что пошло против большей части общественного мнения внутри страны. Сразу же после конфликта была утверждена Национальная программа подготовки румынской армии для присоединения к НАТО. Вместе с тем тогда трудно было определить, насколько решительное поведение Румынии приблизило ее к НАТО, но к Европейскому союзу, как следовало из дальнейших событий, все же заметно приблизило. Это оказалось тем более полезным, что в 1999 г. Румыния находилась на грани тяжелого экономического кризиса, а отношения с Европейским союзом складывались не лучшим образом.

При этом Румыния не прекращала активной деятельности, чтобы убедить западных партнеров в неотложности начала переговоров о вступлении в ЕС. Министры финансов стран ЕС выступали против начала переговоров: в Румынии не была достигнута макроэкономическая стабилизация. Тем не менее Европейская комиссия, проанализировавшая румынскую экономику за 1999 г.,

хотя и подтвердила эти выводы в целом, все же отметила некоторые положительные сдвиги и рекомендовала ЕС начать переговоры с Румынией.

Итак, Румыния, несмотря на низкие экономические показатели, в 2000 г. была включена в переговоры о вступлении в ЕС. Сам этот факт вызвал настоящую эйфорию в румынских СМИ. Радость, однако, была омрачена тем, что по-прежнему в отличие от других стран-переговорщиков для Румынии сохранялся режим визового въезда в страны ЕС.

Обстоятельства включения Румынии в переговорный процесс не внушали оптимизма экспертам-скептикам. «Румыния вступает в Европу через заднюю дверь», – писал В. Кириак, политический обозреватель и корреспондент газеты «Адевэрул» на саммите в Хельсинки в 2000 г. [Chiriac, 1999]. Хотя румынское руководство не выполнило соглашений с МВФ и провалило собственные правительственные программы, к новому 2000 г. оно получило от ЕС часть обещанного транша в 209 млн евро, чем и обрадовал своих сограждан президент КонстантINESКУ в своем Новомоднем обращении. В 2002 г. было отмечено значительное увеличение объема вложений Европейского банка реконструкции и развития в румынскую экономику.

Включение Румынии в переговорный процесс по вступлению в ЕС создало новые параметры в ее отношениях с НАТО и США. С одной стороны, продолжались переговоры и консультации по поводу вступления Румынии в НАТО, с другой – румынские политики, ощущая себя причастными к Евросоюзу, должны были учитывать противоречия внутри НАТО между США и рядом европейских государств. Это было тем более значимо, что к началу 2000 г. внутри НАТО ясно обозначились разные подходы к дальнейшему урегулированию балканского кризиса. Как считали румынские аналитики, положение Румынии в связи с этим весьма усложнялось, особенно ввиду возможного усиления кризисных явлений в Черногории.

В этих обстоятельствах непраздным оказался вопрос, сможет ли Румыния в случае возникновения нового конфликта снова поддержать позицию НАТО. Во время косовского кризиса Запад хотя бы внешне выражал согласованную позицию, а Румынию держали перед дверями НАТО и ЕС, делая неопределенные обещания. «Румыния не осмелилась тогда выразить свою точку зрения в качестве страны данного региона, чтобы показать, что на самом

деле будут означать для Восточной Европы бомбардировки Югославии» [Chiriac, 2000].

В ожидании начала переговоров с ЕС «позиция Бухареста по любому вопросу внешней политики не должна быть далекой от позиции Брюсселя», писал В. Кириак [там же]. К тому же с 1 января 2000 г. Румыния заняла место в председательской тройке ОБСЕ, а в 2001 г. получила пост председателя. В этих обстоятельствах Румыния в первую очередь должна «играть на собственной территории, оставив амбиции стать региональным лидером. Будучи принята в Европу, Румыния не должна бояться выражать собственную точку зрения, точку зрения страны, находящейся у ворот Балкан», заключал В. Кириак [там же].

После начала переговоров с ЕС Румыния действительно вынуждена была больше ориентироваться на интересы и позиции ЕС в противовес политике НАТО и ее неформального лидера – США.

В 2004 г. Румынию принимают в НАТО. Еще не будучи членом Альянса, Румыния на практике стремилась демонстрировать ему свою лояльность. С июля 2002 г. Румыния участвовала в войне в Афганистане в составе Международных сил содействия безопасности ISAF. С 2003 г. она принимала участие в войне в Ираке.

Надо подчеркнуть, что именно администрации «пророссийского», как считали прозападные круги, президента Иона Илиеску удалось подготовить страну к этому желаемому событию. Именно ей удалось и в 2003 г., несмотря на, казалось бы, непреодолимые трудности, подписать основной договор с Россией. К тому же Илиеску сумел преодолеть кризисную политическую и экономическую ситуацию в стране, сложившуюся при предыдущей праволиберальной администрации Константинуеску.

С 2004 г. внешняя политика Румынии, продолжая евро-атлантический курс, приобретает черты некоторой театральности. Следующий президент Траян Бэеску (2004–2014), бывший когда-то капитаном морского судна, прославился своей невероятной конфликтностью и скандальностью на внутривнутриполитическом поле. Острота высказываний, кажущаяся необдуманность суждений стали отличительной чертой его поведения не только внутри страны, но за рубежом. Яркая антироссийская риторика и заявления о срочной необходимости вхождения Республики Молдова в объединенную Румынию порой шокировали международный политический истеблишмент.

Внутри страны Бэеску сумел восстановить против себя как оппонентов, так и бывших союзников. Даже вступление Румынии в Евросоюз не ассоциировалось с его деятельностью. Дважды парламент голосовал за его импичмент, но популистская риторика президента привлекала народ, который на референдумах не подтверждал импичмент, и Бэеску оставался в президентском кресле.

Несмотря на многие несоответствия стандартам ЕС, 1 января 2007 г. Румыния была принята в Евросоюз. В стране благодаря иностранным вливаниям к этому моменту наблюдался экономический рост. Но обстоятельства включения Румынии в ЕС были аналогичными решению о начале переговоров о ее вступлении. Здесь не было ничего кроме геополитических интересов. Румыния в момент вступления лишь обязалась достигнуть всех европейских стандартов в течение трех лет.

В общественном сознании это событие воспринималось как исторически важный момент. В новогоднюю ночь 2006–2007 гг. на Университетской площади Бухареста собралось много людей. Присутствовал Траян Бэеску и официальные представители Евросоюза. Как отмечали очевидцы, почти 50 тыс. человек вышли тогда на улицу, «все радовались, пели и плясали». Контрастом для этой народной эйфории явились позже ироничные и даже порой уничижительные комментарии в западных СМИ, что вызвало реакцию возмущения в Румынии.

Следующий президент Клаус Йоханнис вступил в должность 21 декабря 2014 г., в год украинского кризиса, послужившего причиной кардинального ухудшения взаимоотношений России с западным миром.

В отличие от своего предшественника Йоханнис сдержан, дипломатичен и в высшей степени осторожен в высказываниях. Суть же внешней политики Румынии осталась прежней.

В своих первых интервью Йоханнис заявил о безоговорочной приверженности Румынии политике и действиям НАТО в целом, а также о стремлении продолжать реформы для вхождения в Шенгенскую зону. Что касается российско-румынских отношений, он подчеркивал, что, несмотря ни на что, необходимо стремиться к диалогу с Россией.

Разразившийся весной 2014 г. украинский кризис начался еще при администрации президента Бэеску, который сразу же выступил в крайне алармистском тоне, усугубляя беспокойство румынских граждан. Широкое хождение в СМИ получило выражение «российская агрессия». Появились предположения о возмож-

ности распространения Россией гибридной войны с юго-востока Украины на территорию Молдавии с помощью ресурсов Приднестровья, а также угроз непосредственно Румынии. Антирусские настроения в целом усилились.

На этом фоне диссонансом выглядели оправдания действий России в Крыму со стороны некоторых правонационалистических политиков, заявления об исторической правоте возврата Крыма в лоно России. Уместно здесь вспомнить и о шагах Вадима Тудора по наведению мостов с российскими властями.

В отличие от натовских бомбардировок Югославии 1999 г., разделивших румынское общество на два противоположных лагеря, события на Украине оправдывали лишь представители некоторых националистических групп. Общество в целом выражало тревогу и было настроено резко критично в отношении действий России.

С началом кризиса активизировались контакты румынских официальных лиц со структурами Североатлантического альянса, а также главами и представителями военных ведомств стран – членов НАТО.

Прямо ссылаясь на украинские события, премьер-министр страны В. Понта сообщил в конце апреля 2014 г., что правительство Румынии увеличило бюджет Министерства обороны на 217,4 млн долл., что составляет 0,2% ВВП. Правительство также списало долги компаний военно-промышленного комплекса страны на 1 млрд лей (около 300 млн долл.). Эти средства предполагалось направить на закупку вооружений и техники для армии. В мае 2014 г., по итогам переговоров с генеральным секретарем НАТО Расмуссенсом, В. Понта заявил, что Румыния берет на себя обязательство увеличить оборонный бюджет до 2% ВВП к 2017 г., чего, собственно, от нее давно уже добивались североатлантические структуры.

Как сообщали информационные агентства, Румыния наряду с Польшей и странами Прибалтики обратилась к НАТО и США с просьбой усилить военное присутствие на своей территории и начала переброску своих войск к восточным границам. Румынское руководство, возможно, несколько успокоили натовские самолеты с авиабазы в Германии, которые начали совершать ежедневные полеты над югом Румынии, проводя радиолокационную разведку юга Украины, Молдавии и Крыма. 3 сентября президент Бэеску сообщил, что НАТО окажет поддержку Румынии в патрулировании ее воздушного пространства. Высший совет по обороне дал

согласие на присутствие на территории страны боевых самолетов Североатлантического альянса. В августе 2014 г. румынский президент призвал НАТО предоставить военную помощь украинской армии. Поддержав экономические санкции в отношении России, президент Бэеску заявил даже о необходимости их ужесточения.

Резкая критика Москвы и моральная поддержка Киева со стороны официального Бухареста были ожидаемы. Хотя недружелюбное отношение Румынии к своему восточному соседу продолжалось на протяжении многих лет, тут в стратегии Бухареста обнаружилась определенная гибкость. Несмотря на территориальные претензии, Бухарест симпатизировал прозападной ориентации Киева и сочувствовал ему из-за «российской агрессии».

Надо обратить внимание, что до острой фазы кризиса 2014 г. политические процессы в Украине не вызывали в Бухаресте однозначной поддержки. Румынские власти, отмечал А. Гошу, не проявляли последовательности в своих декларациях, возможно, ввиду быстроты разворачивавшихся событий. К тому же, румынское руководство и в прошлом относилось к событиям в Украине двояким образом, демонстрируя осторожность. Даже «оранжевая революция» 2004 г. в Киеве не повлияла на румыно-украинские отношения в лучшую сторону [Goșu, 2014].

В 2014 г. Румыния не была рядом со странами Веймарской группы¹, представители которой с 2011 г. вели консультации с В. Януковичем для нахождения согласия между властью и оппозицией. Румыния также не была рядом с Венгрией, Чехией и Словакией, сразу же признавшими временное правительство А. Яценюка.

20 февраля 2014 г. Траян Бэеску, проявляя осмотрительность, призывал президента Украины Виктора Януковича «не использовать армию для подавления уличных протестов, а силы правопорядка – не применять непропорционально серьезные средства в отношении манифестантов», лидеров же украинской оппозиции он призвал «отмежеваться от крайне радикальных групп, не поддерживать провокационные действия против сил правопорядка» [Apelul președintelui..., 2014].

На будапештской встрече Вышеградской группы, проходившей 24 февраля 2014 г. с участием представителей Греции, Болгарии и Румынии, министр иностранных дел Румынии Т. Корлэцян

¹ Веймарская группа быстрого реагирования, в состав которой вошли военнослужащие из Польши, Германии и Франции, была учреждена в Брюсселе 5 июля 2011 г. – *Прим. авт.*

выразил озабоченность по поводу отмены украинского Закона об основах государственной языковой политики. В этом вопросе позиция Румынии оказалась близка российской, отмечал А. Гошу. МИД РФ, однако, критиковал отмену закона в более резкой форме.

Сдержанность румынского руководства могла быть обусловлена ожиданием выхода на некие неофициальные контакты с Москвой в связи с болевыми точками российско-румынских отношений: золотым запасом (переданным на хранение в Российскую империю в декабре 1916 г. – *Т. Б.*), проблемой Приднестровья и Республики Молдова, «хотя это маловероятно» [Goșu, 2014].

Однако когда события приняли угрожающий для суверенитета Украины характер, Румыния стала активно поддерживать своего соседа на международном уровне: она неоднократно подчеркивала в структурах НАТО необходимость равновесия сил в Черноморском бассейне, где «после аннексии Крыма преобладает Россия».

В разгар кризиса 27 июня 2014 г. было подписано Соглашение об ассоциации Украины с Евросоюзом, а 3 июля Сенат Румынии одним из первых среди стран ЕС ратифицировал это соглашение. Румыния также предложила Украине воспользоваться ее положительным опытом по интеграции в Евросоюз и выразила готовность содействовать процессу реформ, требуемых процессом ассоциации Украины с ЕС. Румыния заявляла также и о своей готовности принять украинских беженцев из зоны боевых действий на юго-востоке Украины. Выражением сближения двух стран стало подписание 2 октября 2014 г. в Киеве Соглашения о местном приграничном движении.

В Румынии не скрывают собственной геополитической заинтересованности в улучшении отношений с Киевом: «Румыния хочет (и не впервые) иметь стабильного с точки зрения политики и безопасности соседа, который бы служил географическим буфером, ограждающим от России с ее явными экспансионистскими устремлениями» [Pantazi, 2015]. Есть и другая сторона этой заинтересованности: это молдавское направление внешнеполитической деятельности Бухареста. Максимальное сближение с Молдавией, полагают сегодня в Румынии, не будет достигнуто без поддержки со стороны Бухареста сегодняшних украинских властей.

В ходе своего визита в Киев 17 марта 2015 г. президент К. Йоханнис подчеркнул, что его страна четко стоит на позициях поддержки независимости и территориальной целостности Украины. Во время двусторонних переговоров была затронута и

тема Приднестровья. Украинский лидер подтвердил заинтересованность Киева в разрешении этой проблемы. «Мы договорились делать все, что в наших силах, чтобы приднестровский регион был интегрирован в Республику Молдова» [цит. по: T.D. Klaus Iohannis..., 2015].

На встрече К. Йоханниса с В. Зеленским, состоявшейся 25 сентября 2019 г. в Нью-Йорке во время 74-й сессии Генассамблеи ООН, оба лидера согласились с необходимостью активизации политического диалога на высшем уровне.

Украинский кризис стал очередным предлогом для демонстрации Румынией твердой поддержки инициатив США в рамках Североатлантического альянса. Эту позицию подтвердил Йоханнис во время своего официального визита в Вашингтон, выступая на совместной пресс-конференции по итогам встречи с Дональдом Трампом 9 июня 2017 г.

Однако можно было заметить и некоторые нюансы румыно-американских отношений. Хотя Йоханнису не был задан вопрос по поводу сложности взаимоотношений между НАТО и ЕС (кстати, этой темы сам Трамп тоже не касался), румынский президент во вступительном слове все же счел нужным затронуть эту тему с позиций еврозащитника: «Румыния является государством – членом ЕС, и я думаю, что в ваших интересах, господин Президент, иметь сильный Европейский союз в качестве партнера» [Declarația de presă..., 2017].

Эта же риторика повторяется и на других форумах, но в первую очередь звучит озабоченность хрупкостью границ и необходимостью наращивания военного присутствия на восточных рубежах Альянса. Йоханнис выступает также за выработку общей позиции Евросоюза в вопросе санкций в отношении России из-за ситуации на Украине.

Сегодня в Румынии размещены и обустриваются несколько военно-воздушных и одна военно-морская база НАТО, а на одной из них – Девеселу – в мае 2016 г. введен в строй первый в Восточной Европе комплекс противоракетной обороны (ПРО) Соединенных Штатов Америки.

20 августа 2019 г. состоялся второй визит Клауса Йоханниса в США. В ходе переговоров румынский президент заявил о готовности разместить больше американских военных на территории своей страны, на что получил согласие Трампа. Традиционно обсуждались «вопросы безопасности» в Черном море и меры по «укреплению восточного фланга НАТО».

Стремясь, как и Польша, к лидерству на восточноевропейском пространстве, в 2014 г. Румыния стала организатором так называемой «Бухарестской инициативы-9» («В9»), объявленной как платформа для углубления диалога и сотрудничества между девятью странами восточного фланга Североатлантического альянса. Участниками платформы были объявлены Болгария, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния и Словакия.

Государства, сотрудничающие в формате «Бухарестской девятки», 11 июня 2018 г. приняли совместное заявление об «усилении присутствия НАТО на восточном фланге», речь шла о мерах укрепления на местах потенциала для сдерживания и коллективной обороны Альянса по всем измерениям – наземному, воздушному, морскому и в киберпространстве. В России этот проект оценили однозначно негативно: «Бухарестская девятка» – это детище Североатлантического альянса.

В 2015 г. Румыния активно включилась в региональный проект «Троеморье», который инициировали Польша и Хорватия. В проект вошли 12 стран, находящихся в пространстве между Балтийским, Черным и Адриатическим морями. Инициатива «Троеморья», по общему признанию, ассоциируется с геополитическим проектом «Междуморье» Пилсудского. Как известно, проект Пилсудского, появившийся в 20-х годах прошлого века, предполагал консолидировать под польским лидерством и на антироссийской основе государства Восточной Европы от Балтики до Чёрного моря.

25–26 августа 2016 г. в хорватском Дубровнике состоялся первый форум участников «Троеморья». Содержанием проекта было объявлено экономическое сотрудничество. Но суть инициативы, в первую очередь, все же состоит в том, чтобы ослабить зависимость Европы от российского газа¹. По этой причине инициатива расценивается в России как проект геополитический, который был назван «американским забором между Россией и Европой».

¹ На смену топливу из Российской Федерации должен прийти сжиженный газ из США. В Польше построен для этого СПГ-терминал в городе Свиноуйсьце, в 2020 г. должен заработать плавающий терминал на хорватском острове Крк. В рамках «Троеморья» к 2050 г. планируется построить трансевропейскую автомагистраль Клайпеда – Салоники. СПГ-терминалы там уже есть. Обсуждаются также перспективы поставок газа по «северному коридору» из Норвегии через Данию в Польшу. – *Прим. авт.*

Третья встреча стран «Троеморья» прошла 17–18 сентября 2018 г. в Бухаресте, и ей придается в Румынии особое значение. Во-первых, на встрече кроме непосредственных участников присутствовали председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер, министр иностранных дел Германии Хайко Маас, министр энергетики США Рик Перри. Во-вторых, участники договорились учредить инвестиционный фонд объемом 5 млрд евро, а также обозначили приоритетные проекты в энергетике, транспортной сфере и электронно-цифровой отрасли. Таким образом, именно на Бухарестском форуме проект начал принимать осязаемые формы.

Как известно, Германия вначале скептически оценивала идею «Троеморья», но потом все же стала рассматривать возможность присоединения к этой инициативе. Главным камнем преткновения в германо-восточноевропейском взаимодействии служит российско-германский проект «Северный поток – 2», против которого категорически выступает американский президент.

Хотя страны-участницы, каждая по-своему, заинтересованы в проекте, однако имеются и некоторые несовпадения в оценках его перспектив. У Румынии же нет никаких сомнений в необходимости и плодотворности «Троеморья». Здесь она полностью солидаризируется с Польшей, подписав с ней в 2015 г. План совместных действий на 2015–2020 гг., что, как полагают эксперты, подняло отношения двух стран до уровня стратегического партнерства. Диверсификация получения энергоресурсов означает освобождение от зависимости поставок газа из России, а это соотносится с военно-политическими целями укрепления восточного фланга НАТО, полагают в Румынии.

Этот саммит высоко оценивали даже те румынские аналитики, которые сдержанно относятся к безоговорочному следованию внешней политики Румынии за Западом. Как отмечал Р. Лупицу, внешняя политика Бухареста после вступления в НАТО и ЕС демонстрировала, в отличие от Будапешта и Варшавы, некую безличность, вялость, несамостоятельность, но Бухарестский саммит стал иллюстрацией самого большого успеха румынской дипломатии за последнее десятилетие [Lupîţu, 2018].

Эксперты-политологи, особенно близкие к властным кругам, поддерживают не только отдельно взятые проекты и мероприятия, такие как «Бухарестская инициатива-9» или «Троеморье», но и прозападный курс страны в целом. Тут надо отметить, что среди них есть не только западники, но и традиционалисты, в том числе озабоченные возрождением «Великой Румынии» в границах

межвоенного периода. Они полагают, что присутствие их страны в системе евро-атлантических организаций положительно повлияет на процесс интеграции с Республикой Молдова.

Что касается членства в Евросоюзе, вступление в который было воспринято в обществе с энтузиазмом, румынские политики и сегодня не подвергают сомнению этот шаг, однако Румыния чувствует себя ущемленной из-за того, что до сих пор не присоединена к Шенгенской зоне. Актуальной остается ситуация, сложившаяся в результате массовой выдачи молдаванам румынских паспортов. Несколько стран Евросоюза прямо заявляют о недопустимости таких шагов и блокируют, в том числе и по этой причине, присоединение Румынии к Шенгенской зоне.

Предметом обеспокоенности в румынских общественно-политических изданиях стали инициативы Евросоюза в отношении Венгрии и Польши, руководство которых обвинялось в авторитаризме. Речь шла о лишении этих стран права голоса на европейских форумах и сокращении финансирования по общеевропейским программам.

Хотя общим местом румынских СМИ является критика венгерского руководства в отстаивании интересов Москвы (Венгрия – «Троянский конь Москвы» – пошла на «отравленный союз» с Москвой), теперь комментаторы защищали своих вечных оппонентов, ибо и Румынии могли грозить аналогичные санкции из-за недавних преобразований в судебной сфере, направленных, по сути, на снижение эффективности борьбы с коррупцией.

Негативный резонанс в Евросоюзе имела в 2018 г. отставка с поста главного прокурора Национального антикоррупционного управления Лауры Кёвеш. Согласно мнению Венецианской комиссии Совета Европы, многие из предложенных румынским правительством поправок к Уголовному кодексу и Кодексу уголовной процедуры в Румынии серьезно подрывают эффективность уголовной судебной системы в борьбе с коррупцией. Президент Йоханнис также выразил свое отрицательное отношение к упомянутым поправкам. В Коммюнике Президентской администрации указывалось: «Недопустимо, чтобы все законодательство в этой области, основной для любой подлинной демократии, было драматически испорчено только для того, чтобы защитить политических лидеров, у которых есть проблемы с правосудием» [Poziția Președintelui..., 2018].

В связи с этими событиями еврокомиссар по бюджету Гюнтер Эттингер даже назвал Румынию, наряду с Венгрией, Польшей

и Италией, страной, стремящейся «к ослаблению и даже уничтожению Евросоюза» [Comisarul Oettinger..., 2018].

Пресса выражала тревогу по поводу этой ситуации, но при этом Румынию некоторые из комментаторов представляли бедным ягненком перед лицом неблагоприятного к ней Брюсселя. «Все крупные парламентские группы... объединились в осуждении нынешнего положения дел в Румынии в отношении состояния ее правопорядка» [Unteanu, 2018].

Особое беспокойство у румын вызывает то, что в отличие от Польши и Венгрии, условием вступления их страны в ЕС в 2007 г. было принятие режима внешнего контроля для мониторинга степени реализации реформ. Мониторинг продолжает действовать, поэтому процедура лишения Румынии голоса в Европейском совете могла бы быть проведена быстро. «Румыния хуже защищена, чем Венгрия и Польша на уровне европейских институтов», – подчеркивал Дан Дунгачиу, директор Института социальных наук и международных отношений Румынской академии [Dan Dungaciuc..., 2018].

Живой отклик в румынских СМИ получили перипетии внутриполитических дебатов внутри Евросоюза, касающиеся места стран Восточной Европы внутри этой организации. Разногласия между «старыми» и «новыми» членами в очередной раз проявились на саммите Евросоюза, прошедшем 9–10 марта 2017 г. Наибольший накал страстей тогда вызвало противодействие Польши переизбранию Дональда Туска председателем Европейского совета, что вызвало взаимные обвинения, выраженные позже в европейских СМИ даже в скандальной форме. За этим инцидентом стоят противоречия и более глубокие. Как известно, канцлер Германии Ангела Меркель пыталась претворить в жизнь доктрину «Европы двух скоростей», которая подразумевает продолжение интеграции «ядра Евросоюза» в рамках еврозоны независимо от позиции других государств-членов, в него не входящих. Поскольку «младоевропейцы» в это «ядро» не входят, эта инициатива вызывает с их стороны отторжение. На саммите это проявилось в резких высказываниях со стороны польского премьера Беаты Шидло и премьер-министра Венгрии Виктора Орбана. Хотя президент Румынии Клаус Йоханнис поддерживает своих восточноевропейских коллег, но позицию свою выразил, как всегда, в корректной форме, осторожно заявив, что «многоскоростная Европа» может привести к распаду ЕС.

Зависимость Румынии от евро-атлантических партнеров смягчает ее взаимоотношения с приграничными государствами – Венгрией, Молдавией, Украиной. Взаимоотношения с Украиной, как и с Венгрией, омрачены территориальными спорами, но они не столь остры. В ходе украинского кризиса 2014 г. Румыния, как упоминалось, поддержала Киев, смягчив тональность риторики и заявив о полной поддержке его перед лицом «российской агрессии». Но когда в 2018 г. Румыния пышно праздновала 100-летие Великого объединения, Венгрия отмечала День траура, а украинские националисты Буковины пытались омрачить этот румынский праздник провокациями. Киев, правда, проявлял сдержанность.

Отношения с «румынизирующейся» Республикой Молдова в Румынии называют особо доверительными и братскими, но они нестабильны по причине нестабильности внутривластной жизни Молдавии, где сталкиваются почти на равных прорумынские и прозападные силы, с одной стороны, и пророссийские – с другой. Последние, как полагают в Румынии, – плод подрывной деятельности российских спецслужб.

Достижение Россией своих внешнеполитических целей в ближнем зарубежье, отмечали румынские аналитики, относится и к Республике Молдова, что затрагивает национальные интересы и безопасность Румынии. Для реализации этих целей Россия будет использовать все имеющиеся в ее распоряжении политические, дипломатические, экономические, пропагандистские и, как показали события в Молдавии, Грузии и других регионах, военные средства. В связи с этим делается заключение, что вывод российских войск из Приднестровья – дело весьма далекого будущего, ибо им предназначена двойная роль: инструмента давления как на Молдавию, так и на Украину, а также «сторожевого ока» над Юго-Восточной Европой.

***Западный вектор внешней политики Румынии
в оценках национал-патриотической оппозиции
и в восприятии румынского общества***

Евро-атлантизм внешнеполитической деятельности румынских властей, хотя в целом и поддерживается общественным мнением, но у части интеллектуальной элиты и простых граждан имеются некоторые сомнения на этот счет. Крайне негативную позицию в отношении румынской внешней политики выражают некоторые националистические круги, в частности группировка

«Новые правые». В 2003 г. она выступала против участия Румынии в любой форме в интервенции в Ираке. «Новые правые» критиковали «американский империализм» не только за агрессию против Ирака, но и за бомбардировки Югославии в 1999 г. Они устраивали акцию перед Международным уголовным трибуналом в Гааге, протестуя против подписания Румынией договора с США об иммунитете американских солдат, находящихся в Румынии. В 2008 г. они организовали манифестацию перед Посольством России в Бухаресте в связи с «агрессией России против Грузии». Вместе с тем лидер движения, адвокат Тудор Ионеску в интервью румынскому изданию «Narosa News» заявил: «Крым – это российская земля, так же как север Буковины, юг Бессарабии, уезд Херца и Змеиный остров являются румынскими землями, отчужденными во время Второй мировой войны» [цит. по: Interviu cu Tudor...].

Здесь возможно уместно напомнить и о том, что К.В. Тудор, одиозный лидер партии «Великая Румыния», в последние годы жизни публикует обличительные статьи, где утверждает, что американцы сознательно препятствуют сближению Румынии с Россией, подрывая суверенитет его страны.

С сомнением и осторожностью зачастую воспринимается «Запад» и на уровне повседневного сознания, что можно увидеть при знакомстве с сюжетными линиями сегодняшнего румынского кинематографа. Так, драматическая и одновременно комическая коллизия, имеющая в том числе контекст неоднозначного отношения к Западу, представлена в фильме Кристиана Немеску «Мечты о Калифорнии (бесконечные)» (California Dreamin [Nesfârșit, 2007]).

Действие происходит вскоре после косовского кризиса 1999 г. Представители НАТО переправляют по румынской железной дороге радар ПВО, но возникает неожиданное препятствие. Начальник станции в глухой деревушке вдруг останавливает поезд под предлогом отсутствия у сопровождающих груз необходимых таможенных документов. Никакие аргументы не имеют никакого воздействия на начальника Богом забытой станции. Выясняется, что на деле его поступок – это месть. Герой рассуждает так: вся его семья могла бы быть спасена, приди в ходе Второй мировой войны в его страну американцы, а не советские коммунисты. Злой насмешкой судьбы оказалось и то, что дом начальника станции был разрушен неразорвавшейся бомбой с клеймом «Сделано в США».

Американский капитан, отвечающий за груз, в недоумении: вверенный ему поезд застрял в крохотной деревушке, вокруг царят

полное разложение, безработица и коррупция, а начальник станции требует какие-то документы и твердит: «Закон есть закон». Пока капитан старается разрешить ситуацию разными способами, включая взятку, местное население пытается извлечь из ситуации разные выгоды: девушки найти свою любовь и уехать в Америку, рабочие – добиться повышения зарплаты, мэр – достать деньги на организацию празднования столетия населенного пункта. Абсурд дополняется тем, что независимо от нагнетания страстей американские солдаты покуда пьют спиртное и развлекаются.

При всем комизме описанной ситуации фильм оказывается политически ангажированным, так как соответствует волне отрицательного и скептического отношения к «Западу», что особенно проявилось после натовских бомбардировок Югославии в 1999 г. «В фильме, помимо популярной для нового румынского кино темы эмиграции, дается очень жесткая оценка действиям американской стороны на примере действий капитана Дуга Джонса. Под звучный лозунг “Объединяйтесь!” он срабатывает жителей деревни, что является абсолютной метафорой действиям Соединенных Штатов в отношении бывшей Югославии» [Смагина, с. 431].

Аналогичные настроения отражаются и в социальных сетях. «Русофобия властей в Бухаресте имеет подражательный характер и рабски копирует американскую милитаристскую пропаганду», – полагает один из блогеров. При оценке недавних событий на Украине, автор констатирует, что в основных СМИ Украины она предстает «своего рода праведной девственницей», пострадавшей от агрессии русского великана-людоеда. Автор переводит ситуацию в историческую плоскость: «Украина не является невинным ангелом демократии в борьбе с “осью зла”, а циничным государством, преследующим меньшинства и удерживающим территории, захваченные путем вторжения в период советской эпохи» [Romania afara din UE NATO..., 2014].

Такой экскурс в историю, транслирующий мнение определенной части общества, не коррелируется с позицией румынского руководства, осуждающего «российскую агрессию» и стремящегося к диалогу с Киевом, несмотря на свои территориальные претензии и негативное отношение к некоторым инициативам украинских властей в отношении национальных меньшинств, в том числе румынского и молдавского.

Критическое отношение к евроструктурам отражают социологические опросы. Проведенный в 2017 г. компанией «Kantar Public» по заказу Европарламента опрос «Евробарометр» показал,

что степень доверия румынских граждан к ЕС существенно снизилась. Впервые после вступления в Европейский союз только 48% опрошенных стали считать, что быть членом Евросоюза хорошо. В это же время средняя цифра по Европе составляла 57% [Roman, 2017].

Как полагал военный эксперт, генерал в отставке Василе Роман, Европейский союз в сознании румын «больше не представляет собой политико-административную структуру, способную решить их проблемы» [Roman, 2017]. Автор отмечает, что у части румын даже есть ощущение, что их страна – это «просто бизнес для некоторых европейских стран» [там же].

Хотя подобные критические выступления в СМИ и научно-политических изданиях нечасты, они все же отражают общественные настроения. Зачастую граждане подвергают сомнению стратегию максимальной ориентации на западный мир, как бы мягко и обтекаемо ни звучали политические декларации в устах последнего румынского президента.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социологические параметры национальной самоидентификации. Идеология и повседневная реальность

Хотя румынский электорат в 2014 г. избрал президентом своей страны этнического немца и, более того, Клаус Йоханнис и в год следующих президентских выборов (2019) продолжал пользоваться самым высоким доверием из всех политиков, претендующих на президентское кресло, все же социокультурный анализ указывает на достаточно широкое распространение в обществе националистических убеждений.

Причину социологи, в первую очередь, видят в полусельском характере румынского общества. Преобладающее количество крестьян в демографической структуре, а также новых, недавно урбанизированных групп, имеющих корни в селе, является обычно показателем поведения традиционалистского типа. Так, например, в одном из опросов было предложено четыре утверждения, отношение к которым определяло шкалу национализма [Mungiu-Pippidi, 2001, p. 37].

Таблица 1

Варианты утверждений (%)	Согласие	Несогласие
1. Румынские территории существуют и за границами	71	16
2. Граждане, не говорящие по-румынски, не могут участвовать в выборах	45	45
3. Ни одна международная организация и ни одна другая страна не должны советовать нам, как управлять Румынией	56	31
4. На территории страны существуют этнические группы, опасные для суверенитета, национальной безопасности и территориальной целостности Румынии	62	15

Представленные в таблице 1 результаты говорят сами за себя. При этом исследователи были вынуждены отказаться от тестирования по вопросу об административной реформе в связи с требованиями венгерского меньшинства об автономии. Подавляющее большинство опрошенных выступило за сохранение статус-кво, отвергая как федерализм по этническому принципу, так и федерализм вообще. На вопрос, существует ли напряженность между румынами и венграми, 41% опрошенных ответили утвердительно.

Была обнаружена прямая связь между националистическими убеждениями и материальным неблагополучием, а также психологическим состоянием подавленности и растерянности, что свойственно значительной части населения в период экономических реформ.

При исследовании связи национализма и способов политической коммуникации личности выявилось, что национализм рядового гражданина обычно удовлетворяется общим интересом к политике, который не заходит так далеко, как чтение газет. Он ограничивается дискуссиями внутри малых социальных групп: семья, друзья, коллеги. Национализм напрямую связан с неверием в международные организации, при этом благосостояние и образование респондентов не имеют значения.

Поскольку отношение венгров к государственно-культурному румынскому национализму всегда отрицательное, то при опросах в контрольные группы включалось такое количество венгров, которое не превышает их долю в общей численности населения. Фокус-группы, представленные исключительно венграми, показали, что 2/3 опрошенных ощущают этническую напряженность.

Это значительно превосходит 41% обычных фокус-групп. Поскольку национализм прямо связан с выраженным ощущением этнической напряженности, то и ощущение этнической напряженности усиливает националистические настроения.

Особое место во внутринациональных отношениях Румынии занимает цыганская проблема. В стране, по разным источникам, насчитывается от 0,5 до 3 млн цыган, что немало для страны с населением около 20 млн человек. Как известно, преобладающая часть цыганского сообщества не пользуется социальными льготами, живет в бедности и по своим внутренним законам, часто противоречащим законам страны пребывания. Большинство из них не имеют официальной работы, некоторые не умеют читать и писать, не имеют документов, удостоверяющих право на жилье, не регистрируют браки. Особенностью жизненного уклада цыган являются ранние, по сути детские браки, что не признается законодательством и вызывает возмущение рядовых граждан. Как сообщает румынская пресса, именно цыгане занимаются мелким воровством на улицах, цыганская диаспора причастна к наркоторговле и финансовому мошенничеству. Румынские СМИ изобилуют сообщениями о криминальной жизни представителей этого этнического сообщества.

Социологи констатируют крайне отрицательное отношение румын к цыганам. В ходе опросов о своем согласии с публикациями антицыганского содержания заявляет почти половина респондентов. В провинции время от времени местные жители в ответ на очередной конфликт или «неподобающее поведение» этих «изгоев» устраивают цыганские погромы, молодежные национал-экстремистские группы заявляют о необходимости изгнания цыган из страны.

Цыганская диаспора представлена не только беднотой, в Румынии имеются и «новые цыгане», нажившие состояния неизвестным для правоохранителей путем. Они привлекают внимание публики странными, ни на что не похожими, громоздкими дворцами, напоминающими то ли пагоды, то ли увеличенные в сотни раз лачуги с барочными украшениями.

Поскольку подавляющее большинство цыган отгораживается от жизни румынского общества, правительством выделяется немало средств для их адаптации. Одной из мер по облегчению доступа цыган к высшему образованию стала специальная Программа поддержки для абитуриентов-цыган, введенная по требованию цыганских организаций с 1997 г. Однако и здесь возникла

специфическая проблема «с цыганским уклоном». Контроль за Программой выявил, что коррумпированные цыганские лидеры давали сертификаты и рекомендации абитуриентам не из числа цыган. Нашлись страждущие знаний румыны, которые выдавали себя за цыган.

На румынском радио и телевидении имеются еженедельные передачи, где поднимаются повседневные проблемы жизни цыган, в стране издаются цыганские газеты и журналы, ежегодно проводятся фольклорные фестивали, научные конференции. Международные организации выделяют средства на проекты в области образования цыган, развития их языка и литературы, улучшения социальных условий. В 2002 г. на румынском языке вышел коллективный труд авторов разных стран «Цыгане в Румынии». Он подготовлен Центром документации и информации по вопросам нацменьшинств в Юго-Восточной Европе [Romii..., 2002]. Однако предвзятое, а зачастую отрицательное отношение к представителям цыганской диаспоры на уровне повседневного сознания остается.

Отдельная проблема национального самосознания – наличие в обществе антисемитских предубеждений, о чем упоминалось в главе, посвященной переоценке наследия прошлого. Согласно опросу, проведенному в июне 2015 г. сотрудниками Национального института по изучению Холокоста в Румынии, около 1/4 опрошенных жителей Румынии заявили, что в их стране нет места для евреев. «Еще 11% назвали евреев “проблемой для Румынии”». Около 75% респондентов слышали о Холокосте, но только треть из них знают, что катастрофа затронула и Румынию. При этом только 20% из знакомых с понятием “Холокост” считают, что правительство Антонеску несет ответственность за уничтожение румынских евреев» [Четверть..., 2015]. Исследование, проведенное Антидиффамационной лигой¹, показало, что всего за год (с 2014 по 2015 г.) в Румынии был отмечен заметный рост антисемитизма (с 35 до 47%) [ADL..., 2015].

Проявляется ли антисемитизм в публичной жизни современной Румынии? Хотя считается, что действия против еврейской диаспоры не носили после 1989 г. такого ярко выраженного экстремистского характера, как это было в отношении венгров или цыган, все же и они время от времени происходят. Так, в 2002 г.

¹ Американская еврейская неправительственная правозащитная общественно-политическая организация (Anti-Defamation League).

отмечено два нападения на синагоги. «Святой боже, не оставляй жидов живыми ни на небе, ни на земле, только в трубе. Как дым. Это лучшее, что может быть для жида». Поразительно, но это текст рождественского гимна, который прозвучал накануне 2014 г. в исполнении самодеятельного коллектива на государственном канале Румынии TVR3 в городе Клуж-Напока. Воззвание к Всевышнему о повторном Холокосте для иудеев, правда, обошлось телеканалу в 15 тыс. долл. штрафа.

В 2008 и в 2009 гг. Еврейская община возложила ответственность на группировку «Новые правые» в связи с появлением на здании общины в г. Клуж-Напока антисемитских надписей. Известно также, что в 2009 г. группа членов «Новых правых» приехала по случаю 120-й годовщины смерти выдающегося румынского поэта XIX в. Михая Эминеску в село Ипотешть, родину Эминеску, где устроила акцию с антисемитскими лозунгами, обвиняя евреев в смерти поэта. Однако антисемитизм в сегодняшней Румынии – явление парадоксальное, ибо евреев в стране почти не осталось из-за их массовой эмиграции.

Как атрибут политической идентификации национализм прямо соотносится с популизмом. Для определения степени популизма в социологических опросах использовалось отношение к двум атрибутам демократии: мажоритарной системе выборов (в Румынии действует пропорциональная система) и прямой демократии (ставился вопрос, должно ли правительство организовывать референдумы по каждому важному вопросу).

И все же, национализм – это особый вариант политической идентификации, отличный от популизма. А. Мунджиу-Пиппиди приходит к выводу, что национализм в посткоммунистической Румынии – это своеобразная замена идеологии, форма особой политической идентификации, очень мало связанная с идентификацией национальной. Национализм – это форма политического утверждения неинформированного и подавленного в условиях буксующих реформ населения, у которого нет понимания традиционных для Запада понятий «левое-правое». Он популярен, ибо возлагает вину за неудачи на чужеземцев и тайные группы. При этом не обнаруживается прямой связи с верой националистическим лидерам, хотя они и усиливают ощущение этнической напряженности из-за наличия сильно структурированного венгерского меньшинства.

Региональное деление само по себе не сильно влияет на распространение национализма, несмотря на разный уровень эконо-

мического и культурного развития. Только сельскохозяйственная Молдова, имеющая низкую степень национальной самоидентификации, показывает негативную корреляцию с национализмом.

Вместе с тем регионы показывают разный уровень ощущения этнической конфликтности. Трансильвания и Кришана-Марамуреш, имеющие наибольший процент венгров, одинаково сильно предрасположены к ощущению этнической конфликтности, как и Мунтения и Бухарест – этнически однородные территории. Банат, где смешанно проживают много этнических групп (сербы, чехи, немцы, венгры, румыны) имеет негативный индекс субъективного ощущения этнической конфликтности. Банату свойственны космополитический стиль совместного проживания и отсутствие сильно структурированных закрытых этнических групп.

Низкий уровень ощущения этнической конфликтности – в Молдове, где, как уже отмечалось, и низкий уровень национальной самоидентификации. За исключением Молдовы и Баната, румыны как Старого королевства, так и Трансильвании в целом составляют одну закрытую группу, настроенную антивенгерски.

Более других ощущают этническую напряженность недемократически настроенные лица, доверяющие националистическим и популистским лидерам. При этом доверие к этим лидерам коррелируется с неверием во внешний мир, атрибутом которого выступают международные организации. Если «демократы» выступают адептами еврооптимизма, то националисты его противниками.

В самом начале работы мы касались геополитических обстоятельств формирования румынского государства, а также внутренних, цивилизационных причин поздней национальной самоидентификация румын, без которой немисливо формирование национальной идеи.

Как показывают социологические исследования, национальная самоидентификация до сих пор не является доминантой в сознании значительной части румынского этноса. А. Мунджиу-Пиппиди построила модель самоидентификации современного румынского общества «Европа – нация – местность», обнаружив региональные различия в этом отношении. Под национальной идентичностью подразумевалась самоидентификация с эмоциональным отношением к нации в целом, под местной, или региональной идентичностью – первичная самоидентификация с ареалом проживания, более узким, чем нация [Mungiu-Pippidi, 2001, p. 36].

Автор ссылалась на анкетирование 2000 г., в ходе которого респонденты выбирали главную для себя идентичность, а не определяли иерархию ценностей. Результаты красноречивы.

Таблица 2

Идентичность	В %
Национальная	50,0
Местная, региональная	46,0
Европейская	1,2

Местная самоидентификация, по-видимому, имеет высокий показатель из-за незавершенной национальной социализации румын как граждан, полагает А. Мунджиу-Пиппиди. Главным требованием для гражданина обычно считается уровень грамотности. В связи с этим говорить о национальной самоидентификации массы румынского населения в довоенный период было бы преувеличением. В начале XX в. 82% крестьян были неграмотными. В 1945 г. эта цифра снизилась до 50%. Но и сегодня, в условиях почти 100%-ной грамотности, уровень жизни и культуры в сельских районах крайне низок, а население городов, как отмечалось, по-преимуществу составляют выходцы из села. Неудивительно поэтому, что те, кто выбирает национальную самоидентификацию, в большинстве материально обеспечены, образованы, являются жителями больших городов. «Регионалы», напротив, – в основном бедны, менее образованы, часто – это пенсионеры и безработные, жители сельской местности. Они показывают и низкий уровень национальной самоидентификации.

Такая модель наиболее выражена в регионе Молдова – наименее развитой части страны. Бедные румынские крестьяне идентифицируют себя на уровне ближайшего соседства, охотнее говорят, что они скорее «христиане», чем румыны.

Особую модель местной самоидентификации представляет Трансильвания. Несмотря на то, что из контрольной группы были исключены венгры, Трансильвания все равно показала самый высокий процент местной самоидентификации. При этом результаты опросов не зависели от социального статуса респондентов. Трансильванское местничество близко к регионализму Северной Италии, включает А. Мунджиу-Пиппиди. Оно основано на представлении, что именно Трансильвания содержит страну. У исследователей даже возникает предположение, что отдельная многокультурная

трансильванская идентичность действительно существует, на чем часто настаивают и венгры. Но действительность такова, что румын и венгров невозможно включить в одну идентификационную группу. При этом в сравнении с другими регионами трансильванские румыны, как подтверждают опросы, являются меньшими националистами.

Таким образом, в сознании румын присутствует два типа местничества. Один ассоциируется с процветанием, образованием, развитием (Трансильвания), другой (Молдова) – с низким культурным и материальным уровнем, политической наивностью. Наиболее высокая степень национальной самоидентификации – в центральных районах страны, особенно в Бухаресте. При этом не обнаруживается прямой связи ни с националистическим дискурсом, ни с европеизмом.

То, что значительная часть населения Румынии идентифицирует себя в первую очередь на уровне региона, затем на уровне нации и только в последнюю очередь ощущает принадлежность к Европе, показывают исследования не только бедных сельских регионов. Опрос жителей Сибиу, благополучного трансильванского города, объявленного в 2007 г. «европейской культурной столицей», показал аналогичные результаты. Только 4% респондентов заявили, что они имеют европейскую идентичность, 33,6% идентифицировали себя с представителями нации, 27,7 – с регионом, 24,1% – на уровне местной идентичности [Schifirneț, 2009, p. 471].

Вместе с тем, согласно данным Евробарометра, осенью 2012 г. 51% опрошенных румын заявили, что чувствуют себя гражданами ЕС. Этот результат всего на 12 пунктов ниже средней цифры по Евросоюзу, но сильно отличается от приведенных ранее данных об идентичности. Дело в том, что в данном случае опрошенные не выбирали свою идентичность, а просто следовали за логикой, согласно которой каждый житель страны Евросоюза является его гражданином [Opinia publică..., 2012].

Таким образом, часть населения Румынии, не отрицая своего европейского гражданства (люди в курсе, что могут свободно посещать страны ЕС), пока не может понять и принять европейскую идентичность, о которой много рассуждают политологи на Западе и в Румынии. К. Скифирнец делает справедливый вывод: «Европейская идентичность не может быть создана спонтанно или в результате институциональной или групповой воли. Это, как и любой другой тип идентичности, процесс, осуществляемый за более или

менее длительное время конкретными человеческими и социальными сообществами» [Schifirneț, 2009, p. 471].

Результаты социологических опросов населения позволяют сделать вывод, что, хотя сегодняшние политики, будь то европеисты или традиционалисты, ратуют за утверждение и процветание румынской нации, значительная масса населения не готова пока ни к усвоению европеизма, ни даже к осознанию себя частью единой нации.

Тем не менее румынская идентичность существует и ее специфику нетрудно увидеть путешественнику, впервые попавшему в Румынию. Он сразу почувствует ее особый колорит. Без сомнения, это колорит прошлого, который замечен не только в сельской местности, но и на городских улицах, на автотрассах и железных дорогах, при посещении публичных мероприятий, даже в самой манере общения. Пограничники так приветливы и обаятельны, как близкие родственники, они с удовольствием и не торопясь могут беседовать с вами на отвлеченные темы. Оказавшись в румынском доме, чувствуешь себя центром такой заботы и внимания, что думаешь, ты в раю. На улице при встрече с дамой, в кассе или магазине служительнице вместо «Здрасте!» мужчины, как и во времена оны, говорят: «Целую ручку!». Но если на улице возникает конфликт или недоразумение, мгновенно поднимается невероятный шум и гам, но ссоры не злы и быстро утихают. Провинциальные улицы по выходным выглядят очень необычно для иностранца: они изобилуют прогуливающейся публикой в ярких национальных нарядах, имеющих неповторимые черты разных уголков страны.

Колорит патриархальности, тот самый «балканизм» присутствует не только в повседневности, но и во внутренней политической жизни, в способах ведения бизнеса, когда сложные вопросы решаются через знакомых или путем малых и крупных подношений. Что касается повседневной жизни, у «балканизма» – не только отрицательные черты, когда всякую мелкую услугу можно без труда купить (что, впрочем, весьма удобно), но это и мягкая, добрая, приятная, «человеческая» манера поведения и общения, обворожительный стиль гостеприимства и частной жизни, где чрезвычайно велика роль национальной кухни в ее региональных вариантах. Как это сохранилось? Исследователи полагают, что причины – в истории: румынские земли слишком долго были изолированы от главных потоков европейской культурной, экономической, политической, общественной жизни рациональной Западной Европы, о чем уже, собственно, говорилось.

Список литературы

- Биткова Т., Фейгина Е. Румынский экспрессионизм // Энциклопедический словарь экспрессионизма. – М., 2008. – С. 490–492.
- Бэеску: Мы обязаны не допустить, чтобы антисемитизм и ксенофобия разрушали души, судьбы и страны // Regnum. – 2011. – 28 июня. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/1419865.html> (Дата обращения – 01.11.2016.)
- Випперман В. Европейский фашизм в сравнении (1922–1982 гг.): пер. с нем. – Новосибирск, 2000. – 239 с.
- Гулевич В. Румынский фактор на Украине // Материк. – 2010. – 30 марта. – Режим доступа: <http://materik.ru/rubric/detail.php?ID=9288&print=Y> (Дата обращения – 07.08.2017.)
- Демьянов С. Румыния в межвоенное время // Всемирная история. – Режим доступа: http://www.world-history.ru/countries_about/2353.html (Дата обращения – 01.02.2019.)
- Железная гвардия – румынская опричнина // Vidya. – Режим доступа: <https://vidya613.wordpress.com/2017/03/05/железная-гвардия-румынская-опричнина/> (Дата обращения – 09.11.2019.)
- История Румынии: пер. с рум. / И. Болован, И.-Р. Поп (координаторы) и др. – М., 2005. – 680 с.
- Клейман Н. Румынская «Новая волна»: Истоки и современность // Кино-театр. Ру. – 2010. – 10 нояб. – Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru/kino/art/festival/1882/> (Дата обращения – 27.09.2019.)
- Короленко В.Г. Наши на Дунае // Короленко В.Г. Собрание сочинений. – М., 1953. – Т. 4. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0710.shtml (Дата обращения – 15.02.2019.)
- Легионерские политические убийства в Жилаве // RRI. – 2010. – 6 дек. – Режим доступа: <http://old.rri.ro/arh-art.shtml?lang=9&sec=223&art=82452> (Дата обращения – 05.10.2019.)
- Львова Е.П. О некоторых типологических тенденциях изобразительного искусства конца XVIII – первой половины XIX веков в странах Балканского региона. – М., 1974. – 207 с.
- Мадиевский С.А. Румынское общество от буржуазных преобразований 60-х гг. XIX в. до 1918 г.: Высшие и средние классы и слои: очерки. – Кишинев, 1996. – 264 с.
- Мачь М. В лабиринте памяти. Проработка прошлого в посткоммунистической Румынии // Omega. – 2015. – 16 нояб. – Режим доступа: <https://www.omg.md/index.php?newsid=11337> (Дата обращения – 09.10.2019.)
- Молдавские спецслужбы сходили направо // СП. – 2014. – 20 дек. – Режим доступа: <https://esp.md/2014/12/20/moldavskie-specsluzhby-sxodili-napravo> (Дата обращения – 03.12.2019.)

- Монах Филофей, Монахиня Неонила. Отец Иустин (Пырву): биография святости // Православие. Ru. – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/63003.html> (Дата обращения – 09.02.2019.)
- Рузаев Д. Румынская «новая волна» // TimeOut. – 2010. – 19 нояб. – Режим доступа: <http://www.timeout.ru/msk/feature/16578> (Дата обращения – 11.09.2019.)
- Румынская литература // Электронная еврейская энциклопедия. – Режим доступа: <https://eleven.co.il/diaspora/power-society-and-jews/13621/> (Дата обращения – 11.02.2019.)
- Румынский писатель Мирча Кэртэреску: Европа под угрозой // DW. – 2015. – 11 февр. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/румынский-писатель-мирча-кэртэреску-европа-под-угрозой/a-18307955> (Дата обращения – 25.09.2019.)
- Светлов И. Современная румынская скульптура. – М., 1974. – 207 с.
- Смагина С. Современное кино Румынии // На рубеже веков. Современное европейское кино. Творчество, производство, прокат. – М., 2015. – С. 419–446.
- Фейгина Е. Блага, Лучиан // Энциклопедический словарь экспрессионизма. – М., 2008. – С. 76–78.
- Фейгина Е. Лучиан Блага – проблема метода. – М., 2000. – 146 с. – Режим доступа: <https://www.disscat.com/content/tvorchestvo-luchana-blagi-problema-metoda> (Дата обращения – 20.09.2019.)
- Фридман М.В. Идеино-эстетические течения в румынской литературе XIX–XX вв. – М., 1989. – 304 с.
- Холокост в Одессе // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%81%D1%82_%D0%B2_%D0%9E%D0%B4%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B5 (Дата обращения – 01.11.2016.)
- Хомякова М. Восстание «постдекабристов» // На рубеже веков. Современное европейское кино. Творчество, производство, прокат. – М., 2015. – С. 466–477.
- Четверть граждан Румынии – против того, чтобы у евреев было гражданство их страны // EAD. – 2015. – 7 aug. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2015/08/07/chetvert-grazhdan-rumynii-protiv-togo-htoby-u-evreev-bylo-grazhdanstvo-ih-strany> (Дата обращения – 03.12.2019.)
- 2 milioane de unguri la înmormântarea lui Vadim: Vrem să ne asigurăm că nu e o glumă // Times New Roman. – 2015. – 7 sept. – Mode of access: <https://www.timesnewroman.ro/entry/2-milioane-de-unguri-la-inmormantarea-lui-vadim-vrem-sa-ne-asiguram-ca-nu-e-o-gluma> (Accessed – 09.08.2017.)
- 24 iunie 1927: Corneliu Codreanu înființează Mișcarea Legionară. Un studiu al istoricului Ioan Scurtu // News active. – 2016. – 24 iunie. – Mode of access: <http://www.activenews.ro/prima-pagina/Cum-a-luat-fiinta-Miscarea-Legionara-si-ce-voia-Corneliu-Zelea-Codreanu.-Un-studiu-al-istoricului-Ioan-Scurtu-face-lumina-47925> (Accessed – 01.12.2016.)

- ADL: с 2014 года уровень антисемитизма в России снизился // Jewish.ru. – 2015. – 1 июля. – Режим доступа: <https://jewish.ru/ru/news/articles/171747/> <https://jewish.ru/ru/news/articles/171747/> (Дата обращения – 03.12.2019.)
- Adrian Popescu (PRM): E ultimul dans în politică, România trăiește într-o continuă telenovelă // Agerpres. – 2016. – 8 dec. – Mode of access: <https://www1.agerpres.ro/politica/2016/12/08/interviu-adrian-popescu-prm-e-ultimul-dans-in-politica-romania-traieste-intr-o-continua-telenovela-15-02-38> (Accessed – 09.09.2019.)
- Alina Mungiu-Pippidi: Această mahala nu reprezintă diaspora! // Adevarul.ro. – 2018. – 2 aug. – Mode of access: https://adevarul.ro/news/eveniment/alina-mungiu-pippidi-mahala-nu-reprezinta-diaspora-1_5b6337ccdf52022f75ecf554/index.html (Accessed – 23.10.2019.)
- Anghel I. România, de la tranziție la integrarea europeană // Revista 22. – București., 1999. – N 26. – P. 8.
- Antohi S. Exercițiul distanței. – București, 1998. – 317 p.
- Apelul președintelui României, domnul Traian Băsescu, referitor la escaladarea violențelor din Ucraina) // Facebook. – 2014. – 23 febr. – Mode of access: <https://ro-ro.facebook.com/PresedinteleTraianBasescu/posts/789493407730879> (Accessed – 05.12.2019.)
- Barbu D. Scurta istorie a populismului românesc // Sfera politicii. – București, 1996. – N 38. – P. 4–8.
- Boia L. Istorie și mit în conștiința românească. – București, 1997. – 310 p.
- Both S. CONTROVERSĂ. Florin Iepan a lansat documentarul «Odessa», despre «Holocaustul românesc». Istoricii spun că cifrele masacrului sunt «o manipulare» // Adevarul.ro. – 2013. – 13 martie. – Mode of access: http://adevarul.ro/cultura/arte/controversA-florin-iepan-lansat--documentarul-odessa-despre-holocaustul-roman-istoricul-alex-mihai-stoenescu-spune-cifrele-masacrului-evreilor-odessa-o-manipulare-1_513f5baa00f5182b85fc5cdd/index.html (Accessed – 20.10.2019.)
- Chirieac B. In Europa, pe ușa din dos // Adevărul. – București, 1999. – N 2958.
- Chirieac B. Muntenegru – război următor? // Adevărul. – București, – 2000. – N 2990.
- Cioran E. Schimbarea la față a României. – București, 1990. – 222 p.
- Cipăianu Gh. Naționalismul românesc în primul deceniu postcomunist. – Cluj-Napoca, 2014. – 40 p.
- Coja I. O mare bazaconie: Limba română este «limba primordială» Gabriel Gheorghe despre limba română, cum că ar fi limba primordială... // Ion Coja. – 2014. – 30 iun. – Mode of access: <https://ioncoja.ro/o-mare-bazaconie-limba-romana-este-limba-primordiala/> (Accessed – 24.10.2019.)
- Comisarul Oettinger: Polonia, Ungaria, România și guvernul Italiei vor să distrugă proiectul european // digi24. – 2018. – 5 sept. – Mode of access: <https://www.digi24.ro/stiri/externe/ue/comisarul-oettinger-polonia-ungaria-romania-si-guvernul-italiei-vor-sa-distruga-proiectul-european-991747> (Accessed – 25.09.2018.)

- Crohmălniceanu O.S. Literatura română între cele două războaie mondiale. – București, 1972. – Vol. 1. – 662 p.; 1974. – Vol. 2. – 672 p.
- Dan Dungaciu: Nu sunt convins că vreun stat va apăra România în cazul activării articolului 7 // *digi24*. – 2018. – 13 sept. – Mode of access: <https://www.digi24.ro/stiri/actualitate/politica/dan-dungaciu-nu-sunt-convins-ca-vreun-stat-va-apara-romania-in-cazul-activarii-articolului-7-996089> (Accessed – 20.09.2018.)
- Dâncu V. Tendințe sociale și progresul discutabil // Vasile Dancu & friends. – 2018. – 17 iul. – Mode of access: <http://vasiledancu.blogspot.com/> (Accessed – 25.07.2018.)
- Declarația de presă comună a Președintelui României, domnul Klaus Iohannis, cu Președintele Statelor Unite ale Americii, domnul Donald Trump // Președintele României. – 2017. – 9 iun. – Mode of access: <http://www.presidency.ro/ro/media/politica-externa/declaratia-de-presa-comuna-a-presedintelui-romaniei-domnul-klaus-iohannis-cu-presedintele-statelor-unite-ale-americii-domnul-donald-trump> (Accessed – 03.07.2018.)
- Despre stagiunea 1970–1971 și unele probleme privind pregătirea stagiunii 1971–1972 // Teatrul. – București, 1971. – N 8. – P. 5–24.
- Discursul Mareșalului Antonescu din 6 octombrie 1940 // *Dailymotion*. – 2016. – 16 iulie. – Mode of access: <http://www.dailymotion.com/video/x4kfdtw> (Accessed – 01.11.2016.)
- Doar un 1% din cetățenii moldoveni nu cunosc limba rusă // *Jurnal.md*. – 2011. – 1 mart. – Mode of access: <http://www.jurnal.md/ro/news/doar-un-1-din-cetatenii-moldoveni-nu-cunosc-limba-rusa-201670/> (Accessed – 01.10.2019.)
- Doinaș St.A. Fazele revoluției noastre // *România literară*. – București, 1990. – N 1. – P. 11.
- Dumitrescu S. Corneliu Baba: «Cred în imprevizibil» // *România literară*. – București, 1990. – N 5. – P. 18.
- Enescu R. Europa centrală: între helvetizare și balcanizare? // *Revenirea în Europa. Idei și controverse românești, 1990–1995*. – Craiova, 1996. – P. 264–280
- Epure A. Aberația unui fost euroales: «Iohannis ne târăște în război cu rușii» // *Pagina europeană*. – 2014. – 19 dec. – Mode of access: <http://www.paginaeuropeana.ro/aberratia-unui-fost-euroales-iohannis-ne-va-tari-in-razboi-cu-rusii/> (Accessed – 01.09.2017.)
- Epure A. Vadim îl curtează pe Putin! Ce cadou i-a trimis «Tribunul» // *Pagina europeană*. – 2014. – 15 dec. – Mode of access: <http://www.paginaeuropeana.ro/vadim-il-curteaza-pe-putin-ce-cadou-a-trimis-tribunul-la-kremlin/> (Accessed – 01.09.2017.)
- Everac P. Incontro merge teatrul românesc? – București, 1975. – 203 p.
- Frunză V. Istoria comunismului în România. – București, 1999. – 587 p.
- Gabanyi A. Der rumanische Kulturkongress // *Osteuropa*. – Stuttgart, 1977. – N 2. – S. 131.
- Georgescu V. Istoria românilor. De la origini până în zilele noastre. – București, 1995. – 381 p.

- Goșu A. Războiul Rusiei împotriva Ucrainei. Cum se poziționează România? // Curs-deguvernare. – 2014. – 2 marț. – Mode of access: <http://cursdeguvernare.ro/armand-gosu-razboiul-rusiei-impotriva-ucrainei-cum-se-pozitioneaza-romania.html> (Accessed – 05.12.2014.)
- Identitatea națională în perspectiva integrării europene // Adevărul Harghitei. – Miercurea Ciuc, 2000. – 23 aug. Ideologii politice actuale. Semnificații, evoluții și impact. – București, 2012. – 480 p.
- Iliescu I. Interviu acordat de domnul Ion Iliescu, Președintele României pentru saptamanalul «Puls» din Scopje – Macedonia, 23 febr., 2001 // Președintele României. – 2001. – Mode of access: http://old.presidency.ro/index.php?_RID=det&tb=date_arhiva&id=1444&_PRID=arh (Accessed – 05.09.2019.)
- Interviu cu TUDOR IONESCU despre mișcările separatiste // Partidul ND. – Mode of access: <https://www.nouadreapta.org/interviu-cu-tudor-ionscu-despre-miscarile-separatiste-din-scotia-catalonia-transnistria-crimea-si-tinutul-seciuesc.html> (Accessed – 03.12.2019.)
- Ioanid C. False delimitari // Viața românească. – București, 1971. – N 3. – P. 142.
- Ionescu E. Un interviu cu Eugen Ionescu // România literară. – București, 1990. – N 4. – P. 21.
- Ionescu G. Legea patrimoniului cea mai batjocorita dintre legile tarii // Contemporanul. – București, 1990. – N 6. – P. 1, 3.
- Iorgulescu M. Despre Marin Preda // Revista 22. – București, 1990. – N 26. – P. 10.
- Irimescu I. Epoca de aur // Arta. – București, 1986. – N 1. – P. 1.
- Klaus Iohannis: Economic, România merge într-o direcție greșită // DIGI24. – 2019. – 15 mai. – Mode of access: <https://www.digi24.ro/stiri/economie/klaus-iohannis-economic-romania-merge-intr-o-directie-gresita-1130620> (Accessed – 09.10.2019.)
- Klaus Iohannis: Niște penali fac o încercare disperată să atace și să discrediteze DNA // DIGI24. – 2018. – 15 febr. – Mode of access: <https://www.digi24.ro/stiri/actualitate/politica/klaus-iohannis-face-declaratii-la-2015-879094> (Accessed – 09.11.2017.)
- Livezeanu I. Cultura și naționalism în România Mare. – București, 1995. – 391 p.
- Lixeanu O. Mișcarea legionară în postcomunism // Garda de Fier. – 2012. – Mode of access: http://www.miscarea-legionara.net/doc_miscarea_in_postcomunism_5.html (Accessed – 01.12.2016.)
- Lupuțu R. Trei motive pentru care Inițiativa celor Trei Mări este cea mai importantă referință a politicii externe a României după aderarea la NATO și UE // calea-europeana. – 2018. – 19 sept. – Mode of access: <https://www.caleaeuropeana.ro/trei-motive-pentru-care-initiativa-celor-trei-mari-este-cea-mai-importanta-referinta-a-politicii-externe-a-romaniei-dupa-aderarea-la-nato-si-ue/> (Accessed – 25.10.2018.)
- Manolescu N. Bujor Nedelcovici «Al doilea mesajer» // România literară. – București, 1990. – N 2. – P. 14.
- Marga A. Identitate națională și modernitate. – Brașov, 2018. – 360 p.

- Marino A. De ce se citește critica? // România literară. – București, 1971. – N 3. – P. 10.
- Marino A. Politica și cultura. – Iași, 1996. – 370 p.
- Matuița C. Finanțele partidelor din România: între dependența de stat și delapidarea lui // Sfera politicii. – București, 2017. – N 193–194. – P. 38–48.
- Mincu M. Critice. – București, 1969. – Vol. 1. – 222 p.; 1971. – Vol. 2. – 271 p.
- Mircea Cartarescu. Monștrii sacri. – Mode of access: <http://www.monstriisacri.ro/mircea-cartarescu/> (Accessed – 30.09.2019.)
- Mitu S. Iluzii și realități transilvane // Problema transilvană. – Iași, 1999. – P. 66–79.
- Mungiu-Pippidi A. De la identitate națională la naționalismul // Sfera politicii. – București, 2001. – N 97/98. – P. 35–51.
- Mungiu-Pippidi A. Identitate politică românească și identitate europeană // Revenirea în Europa. Idei si controverse romanesti, 1990–1995. – Craiova, 1996. – P. 281–291.
- Mungiu-Pippidi A. Vom alunga «Fantomele Balcanilor»? // Revenirea în Europa. Idei si controverse romanesti, 1990–1995. – Craiova, 1996. – P. 229–232.
- Nedelcovic V. Aici și acum. – București, 1996. – 304 p.
- Opinia publică în Uniunea europeană. Toamnă 2012 / Autor al raportului național EB78 – Daniela IONESCU // Uniunea europeană. – Mode of access: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb78/eb78_ro_ro_nat.pdf (Accessed – 11.10.2019.)
- Pantazi C. Resetarea relațiilor cu Ucraina. Ce câștigă România? // Hotnews. – 2015. – 18 marț. – Mode of access: <http://www.hotnews.ro/stiri-opinii-19673871-resetarea-relatiilor-ucraina-cistiga-romania.htm> (Accessed – 10.10.2016.)
- Pasti V. România în tranziție. – București, 1995. – 331 p.
- Patapievic H.-R. Politice. – București, 1997. – 358 p.
- Pavel D. Riscuri de securitate, interese naționale și polemica politică // Revista 22. – București, 1999. – N 26. – P. 5.
- Pavel D. Rusia – amenințarea cea mai serioasă pentru România // Revista 22. – București, 1998. – N 36. – P. 16.
- Poantă P. Protocronism sau sincronism? // Steaua. – Cluj-Napoca, 1977. – N 10. – P. 2.
- Pop I. Avangardismul poetic românesc. – București, 1969. – 285 p.
- Popa R. Europa Est-Central-Sud Rasariteană // Revenirea în Europa. Idei si controverse romanesti, 1990–1995. – Craiova, 1996. – P. 240–242.
- Poziția Președintelui României, domnul Klaus Iohannis, cu privire la opiniile cuprinse în raportul Comisiei de la Veneția în legătură cu modificările aduse legilor justiției și codurilor penale 19 Octombrie // Președintele României. – 2018. – 19 oct. – Mode of access: <http://www.presidency.ro/ro/media/comunicate-de-presa/pozitia-pre-sedintelui-romaniei-domnul-klaus-iohannis-cu-privire-la-opiniile-cuprinse-in-raportul-comisiei-de-la-venetia-in-legatura-cu-modificarile-aduse-legilor-justitiei-si-codurilor-penale> (Accessed – 25.10.2018.)
- Radu G. Corupția // Sfera politicii. – București, 2001. – N 89. – P. 24–26.

- Radu L., Gulya G. Corupția în România, o problema de nerezolvat? // Revista Transilvană de Științe Administrative. – Cluj-Napoca, 2010. – N 26. – P. 107–124.
- Roman V. Românii se îndepărtează de Uniunea Europeană // Qmagazine. – 2017. – 19 oct. – Mode of access: <https://www.qmagazine.ro/romanii-se-indeparteaza-de-uniunea-europeana/> (Accessed – 20.12.2017.)
- Romania afara din UE NATO // facebook.com. – 2014. – 10 oct. – Mode of access: https://www.facebook.com/Romania-afara-din-UE-NATO-339753796184129/?hc_ref=ARTjxUykD_LcZ4Ayg (Accessed – 28.12.2017.)
- Romii din România. – București, 2002. – 212 p.
- Ronkov L. EXCLUSIVITATE! Călin Georgescu: «Statul nu mai există, statul este o corporație astăzi în România» // Banatul azi. – 2017. – 9 iul. – Mode of access: <https://www.banatulazi.ro/exclusivitate-calin-georgescu-statul-nu-mai-exista-statul-este-o-corporatie-astazi-in-romania-video/> (Accessed – 25.09.2019.)
- Schifirneț C. Identitatea românească în contextul modernității tendențiale // Revista română de sociologie, serie nouă. – București, 2009. – N 5/6. – P. 461–480.
- Silvestru V. Clio și Melpomena. – București, 1977. – 270 p.
- Sondaj IMAS: Klaus Iohannis ar câștiga detașat primul tur al prezidențialelor dacă alegerile ar avea loc duminică // caleaeuropeana.ro. – 2019. – 6 aug. – Mode of access: <https://www.caleaeuropeana.ro/sondaj-imas-klaus-iohannis-ar-castiga-detasat-primul-tur-al-prezidentialelor-daca-alegerile-ar-avea-loc-duminica/> (Accessed – 30.10.2019.)
- Stefan-Scalat L. Cât de democrate pot fi elitele românești // Sfera politicii. – București, 1996. – N 38. – P. 30–32.
- T.D. Klaus Iohannis repornește relațiile româno-ucrainene, după șapte ani de stagnare. Petro Poroșenko: O nouă legătura de prietenie, în aceste zile complicate // Revista 22. – București, 2015. – 17 marț.
- Tănăsescu D. Ceea ce neoliberalii numesc socialismul este de fapt democrația adevărată // Dan Tănăsescu. – 2013. – 13 marți. – Mode of access: <http://dantanasescu.ro/2013/03/24/ceea-ce-neoliberalii-numesc-socialism-este-de-fapt-democratia-adevarata.html> (Accessed – 05.12.2018.)
- Tismăneanu V. Fantasmele salvării. – București, 1999. – 271 p.
- Unteanu C. 3 octombrie 2018, ziua contra-performanței europene dramatice a Guvernului României // Adevarul. Bloguri. – 2018. – 3 oct. – Mode of access: https://adevarul.ro/news/politica/3-octombrie-2018-ziua-contra-performantei-europene-dramatice-guvernului-romaniei-1_5bb494e5df52022f751df8ae/index.html (Accessed – 25.09.2018.)
- Vatra Românească pentru uzul străinilor. File de istorie (3) // Ioncoja.ro. – 2013. – 24 oct. – Mode of access: <http://ioncoja.ro/vatra-romaneasca-pentru-uzul-strainilor-file-de-istorie-3/> (Accessed – 01.10.2019.)
- Vladimir Tismăneanu: Pentru mine, revocarea Laurei Kovesi înseamnă revanșa pegrei nomenclaturiste. Triumful mocirlei // RoEvangelica. – 2018. – 14 febr. – Mode of

access: <https://roevangelica.wordpress.com/2018/02/14/vladimir-tismaneanu-pentru-mine-revocarea-laurei-kovesi-inseamna-revansa-pegrei-nomenclaturiste-triumful-mocirlei/> (Accessed – 01.03.2018.)

Zamfirescu D. Cultura română, o mare cultură cu destin universal. – București, 1996. – 270 p.

Zamfirescu D. Permanența patriei. – București, 1980. – 382 p.

Zamfirescu D. Studii și articole de literatura română veche. – București, 1967. – 235 p.

Т.Г. Биткова

**РУМЫНСКИЙ ЕВРОПЕИЗМ И ПРОБЛЕМА
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(современная ситуация в историческом контексте)**

Аналитический обзор

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 30/VII – 2020 г. Формат 60х84/16

Бум. офсетная № 1 Печать офсетная

Усл. печ. л. 8,25 Уч.-изд. л. 7,5

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Заказ № 195

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**

Тел. (925) 517-36-91

E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88

Тел.: 8-800-7000-86-33 / (845-2) 24-86-33